

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Режиссер
Пьерну

Quid me oratio deo tunc mee; di
cam deo susceptor meus es.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ[®] ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

1383

(1183)

Режисер Терну

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2009

УДК 94(100)(092)“653”
ББК 63.3(0)4
П 27

*Перевод с французского
А. Г. КАВТАСКИНА*

*Вступительная статья
заслуженного деятеля науки Российской Федерации
профессора А. П. ЛЕВАНДОВСКОГО*

*Научный редактор
кандидат исторических наук
В. Д. БАЛАКИН*

*Перевод осуществлен по изданию:
Régine Pernoud. Richard Cœur de Lion. P.: Fayard, 1988*

ISBN 978-5-235-03229-3

© Librairie Arthème Fayard, 1988
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2009
© «Палимпсест», 2009

О РЕЖИН ПЕРНУ И ЕЕ КНИГЕ

Эта женщина представляется мне одним из чудес уходящего века, ее века, с большей частью которого совпали ее жизнь и деятельность¹. Подобно своей излюбленной героине, Орлеанской девице, она отдала себя идее, отдала «без страха и упрека» и сумела претворить идею в реальность. Пытливый исследователь-историк, искусный популяризатор, талантливый писатель, неутомимый организатор, обаятельный человек — все эти качества мадемуазель Режи́н Перну выявляются для каждого, кто имел счастье быть с нею знакомым и хоть немного прикоснуться к ее трудам и дням.

С детства влюбилась она в далекое прошлое своей родины, влюбилась глубоко и навечно. И невольно думается: нет, не случайно родилась она в Шато-Шиноне, городе, столь многим связанном со средневековой историей Франции. Окончив Университет в Экс-ан-Провансе, а затем знаменитую Школу хартий в Париже — подлинный храм науки, давший миру плеяду прославленных эрудитов, и защитив докторскую диссертацию в Сорбонне, мадемуазель Перну не удовольствовалась этим, но преодолела еще один рубеж — Школу искусств при Лувре, овладев специальностями не только историка и архивиста, но и искусствоведа. Одновременно она с головой ушла в научные изыскания, преподавательскую работу и литературную деятельность. Первые печатные труды Р. Перну появились в 40-е годы, причем многие из них носили полемический характер и отвечали на острые запросы времени.

Двадцатый век — век парадоксов. Именно он породил некую зловещую эпидемию в исторической науке. Здесь, особенно в послевоенный период, бытует своеобразная мания — сокрушать очевидное, ревизовать устоявшееся, рвать традиции, переиначивать прошлое. Один вытаскивает старую исто-

¹ Когда работа над предисловием уже была завершена, из Франции пришла скорбная весть о кончине Режи́н Перну.

рию «Железной маски», перекраивая в ней все на свой лад, другой превращает злодея и убийцу «Синюю бороду» в невинно пострадавшего праведника, третий втоптывает в грязь традиционно любимого французами Генриха IV, четвертый «реабилитирует» мистификатора и шарлатана Калиостро, делая из него великого ученого и пророка. В этом мутном потоке «открытий» особенно не повезло крестьянской дочери Жанне, спасшей Францию от иноземного господства в XV веке. Чего только не вытворяли с ней новоявленные парадоксалисты! Ее превращали в королевскую сестру, «спасали» от костра, выдавали замуж и наделяли детьми, делали стяжательницей и вакханкой, одним словом, всячески опошляли и «дегероизировали», немало не смущаясь тем, что оскорбляют самые святые чувства соотечественников. И весь этот бред — ради чего же? Исключительно в погоне за сенсацией-однодневкой. Ради нее эти «открыватели истин» не жалели ни пыла, ни чернил. Не утруждая себя поисками фактов, под маской «пересмотра» и «срывания покровов с тайны» они городили и городят невероятную чепуху, лишь бы поразить воображение простака и увеличить тираж своих «опусов».

Вот с этими и им подобными лжеисториками всю жизнь боролась новая Орлеанская дева — бесстрашная Режин Перну. Боролась сама и помогала бороться другим. Боролась разными способами и прежде всего на основе кропотливейшего изучения фактов, выявляя подлинную историю своей страны и своего народа. Среди обширного списка ее печатных работ, переведенных на различные языки¹, обращает на себя внимание обобщающий труд, вышедший еще в первой половине века, — «Свет средних веков»², само заглавие которого говорит о многом: автор как бы противопоставляет свое видение этой далекой эпохи легиону обскурантов, толкующих о «мрачном Средневековье» как о некоем провале в истории человечества. И уже здесь ощущаешь коренную особенность менталитета Р. Перну — ее глубокую и искреннюю религиозность, пронизывающую все ее творчество и весь жизненный путь. О чем бы в дальнейшем ни писала эта замечательная женщина, будь то биографии средневековых монархов и королей, эпопея Абельяра и Элоизы, история Крестовых походов или даже такой далекий от эмоций обобщающий труд, как «История буржуазии во Франции»³, — всюду осо-

¹ К сожалению, на русский язык пока переведена лишь одна ее книга: *Перну Р., Клэн М.-В. Жанна д'Арк*. М., 1992.

² *Lumière du Moyen Age*. P., 1946. Переиздана в 1983 г.; удостоена престижной литературной премии.

³ *Histoire de la bourgeoisie en France*, tt. 1 — 2. P., 1976 — 1977; переиздана в 1981 г.

бенность эта проходит красной нитью, придавая исключительное внутреннее благородство всем ее произведениям. Главными же среди них, отнюдь не преуменьшая значения всего остального, следует считать «жанниану» Р. Перну — реабилитацию Жанны д'Арк, стойкую защиту ее от всех происков и вывертов лжеисториков и воссоздание истинного образа бесстрашной французской героини. На этой стезе мадемуазель Перну не только морально уничтожила своих противников, всех этих «кошонов», следуя ее ироническому определению¹, но и сумела создать нечто, ярко проявившее ее организаторский талант и оставившее человечеству зримый и ощутимый материальный след в виде Орлеанского центра, который, собственно, нас и сблизил.

Конечно, научные труды Р. Перну я знал и раньше, но встретиться с ней впервые мне довелось только летом 1976 года в Москве. Она приехала к нам с целью выяснить, как поставлено дело изучения и преподавания истории Средних веков в Советском Союзе. Поскольку мадемуазель Перну знала мои работы о Средневековье и они были близки ей по тематике, она захотела встретиться со мной. Встречу организовал журнал «Советская женщина». На ней присутствовали кинорежиссер Глеб Панфилов, создатель фильма «Начало», и актриса Инна Чурикова, героиня которой исполняла роль Жанны д'Арк в этом фильме. Нас встретила маленькая хрупкая женщина с коротко подстриженными седыми волосами и пронизательным приветливым взглядом. Ее сопровождала молодая девушка — секретарь. Мы как могли старались удовлетворить любопытство нашей гостьи, записываявшей наши слова на портативный диктофон. Помню один забавный эпизод. В стопке моих трудов, которые я преподнес француженке, оказалась и «Жанна д'Арк» на татарском языке. Удивление мадемуазель Перну было беспредельно. «Тартар! — воскликнула она. — Чингисхан!..» Мы все рассмеялись. Впрочем, причину и смысл этого восклицания я понял позднее...

Два года спустя последовало приглашение на международный коллоквиум, организованный Центром Жанны д'Арк.

На аэродроме «Шарль де Голль» — и это было очень трогательно — меня встретила сама мадемуазель. После обязательного «дежане» в маленьком парижском ресторане и чашки кофе в ее уютной гостиной на улице Русселе белый «вуатюр» мадемуазель за час с небольшим доставил нас в Орлеан.

¹ *Пьер Кошон* — имя епископа, осудившего Жанну на костер. По иронии судьбы, французское слово «кошон» (*cauchon*) означает «свинья». См. публицистический труд Р. Перну «Jeanne devant les cauchons». Р., 1970.

В течение последующих шести дней Орлеанская дева в своих обоих обликах — крестьянской девушки Жанны, жившей в XV веке, и ученого-эрудита, замечательной женщины XX века, — была постоянно со мной. И не только потому, что имя ее по многу раз звучало на коллоквиуме. Гостиница, в которой я жил, помещалась близ площади Мартруа, неподалеку от собора. Каждое утро я просыпался под звон колоколов на башнях Сен-Круа с мыслью, что такой же звон будил и Жанну. Отправляясь на коллоквиум утром и возвращаясь вечером, я проходил через площадь Мартруа и видел прекрасную конную статую Жанны работы Фойятье, разную в лучах восходящего солнца и в лучах прожекторов. Жанна смотрела с витрин выставок, с плакатов на стенах домов, с огромного старинного го-белена, что был вывешен в церкви Сен-Пьер, где проходили наши заседания. А с другой «Жанной», с современной Орлеанской девой, я старался проводить максимум времени, свободного от заседаний. И тогда-то постиг всю уникальность этой маленькой женщины, ее поразительный интерес к жизни далекого прошлого, ее неизбывную энергию, которой не коснулись годы, ее организаторский талант — ведь этот коллоквиум, собравший ученых со всего света, да и сам Орлеанский Центр были делом преимущественно ее рук!..

Нельзя не отметить, что у мадемуазель Перну уже имелся основательный опыт: некогда она работала в музее Реймса, а затем участвовала в реорганизации Музея истории Франции при Национальном архиве. Но все это было как бы мимоходом и в далеком прошлом; здесь же нужно было поднимать совершенно новый пласт, создавать Центр из ничего, и главное, при отсутствии серьезной поддержки извне, при неодобрительной настороженности многих власть имущих. Тем не менее мадемуазель нашла единомышленников-энтузиастов, в числе которых оказался известный писатель и деятель культуры Андре Мальро. И план начал быстро реализовываться.

Орлеанский Центр был основан в 1974 году, и Режин Перну бессменно возглавляла его в течение последующих двенадцати лет¹. Главной задачей его была борьба за подлинную историю, отобранную у фальсификаторов, причем дело не ограничивалось миссией Жанны д'Арк, а все было взято гораздо шире, включая и другие проблемы средневековых Франции и Англии. Центр располагает большим количеством подлинных документов, обширной библиотекой, микрофильмами, микро-

¹ В 1986 г. ее преемником стал известный профессор-медиевист Ф. Контамин, а в 1992 г. в связи с избранием его в Академию его сменила профессор Орлеанского университета Франсуаза Мишо-Фрежавиль.

копиями и ксерокопиями с материалов, разбросанных по всем хранилищам страны, а также различными видео- и аудиоматериалами, осуществляет многообразные публикации и имеет свой постоянный печатный орган, выходящий четыре раза в год. В пределах всей страны Центр обеспечивает различные мероприятия культурно-исторического характера, включая конференции, театральные постановки, радио- и телепрограммы и многочисленные тематические выставки. На одной из таких выставок в Париже мне довелось побывать по рекомендации мадемуазель Перну, зорко наблюдавшей за моим временем, не занятым коллоквиумом и внеаудиторными беседами.

Беседовали мы на самые различные темы, включая и современность, но конечно же чаще всего обращались к Средним векам. Здесь эрудиция моей собеседницы была необъятной. Она прекрасно знала средневековую историю не только Запада, но и Востока — ведь там проходили ее любимые Крестовые походы, о которых она столько писала. Тогда-то, между прочим, мне стала понятна и подоплека ее московского восклицания: «Тартар! Чингисхан!» Ведь конечно же современный татарский язык ассоциировался у нее с великим средневековым завоевателем, который был знаком ей гораздо ближе, чем Татарская АССР! Разумеется, Жанна д'Арк была в центре наших бесед. Но наряду с ней обозначились другие герои и героини. Мадемуазель Перну была явно увлечена Алиенорой Аквитанской — королевой Франции и Англии — вероятно, в то время уже зрела мысль о будущей книге, которая появилась в 1983 году. Вспоминали мы и о знаменитом сыне Алиеноры, короле Ричарде. Быть может, и эта тема начинала волновать писательницу-историка...

* * *

Если попросить современного русского читателя назвать имена трех персонажей западноевропейского Средневековья, оставшихся у него в памяти со школьной скамьи, то ответ, по всей видимости, у большинства будет один и тот же. Почти все назовут первым Карла Великого. На втором месте, вероятно, окажется Жанна д'Арк. Мы вряд ли ошибемся, если предположим, что третьим прозвучит имя Ричард Львиное Сердце. Не потому, что запомнилось что-либо из его деяний, а потому только, что прозвище «Львиное Сердце» встретишь нечасто. Что же до деяний, то, быть может, вспомнится, что он был участником какого-то Крестового похода и дружил с вожаком «лесных братьев» — знаменитым разбойником Робином Гудом (это уже из литературы).

К. Маркс называл Ричарда «рыцарем с сердцем льва и с головой осла». Определение грубоватое и не вполне справедливое, но что-то в нем есть. Осел, как известно, славится своим упрямством. Этим качеством обладал и славный английский король. Впрочем, Режин Перну очень точно подметила и другую особенность его «я», о которой неоднократно упоминает в книге: Ричард не видел большой разницы между понятиями «да» и «нет». И весьма легко переходил от одного к другому. Как будто с упрямством соединить это трудно, и тем не менее подобный гибрид имел место: король был упрям, пока сохранял определенное мнение, но коль скоро менял его (часто по непонятной причине), с таким же упорством начинал придерживаться противоположного взгляда. В целом, как политический деятель, он был не на высоте, много уступая своей матери, не говоря уже об отце, Генрихе II Плантагенете. Но зато как рыцарь... Да еще с «львиным сердцем»... Да еще в каком антураже!.. Его короткая жизнь — это и правда рыцарский роман, и прочитать его всякому, любящему занимательное чтение, было бы небезынтересно. Но, к сожалению, до сих пор и прочитать-то было нечего: в нашей литературе на сей предмет обнаруживается лишь одна брошюра, даже и после переиздания оставшаяся раритетной¹. Зато теперь, после выхода книги Р. Перну, самый взыскательный, жадный до мелочей и нюансов читатель получит полное удовлетворение. Ибо перед ним, без преувеличения, самая подробная книга о короле Ричарде и связанных с ним событиях, в которой не упущена ни одна коллизия, ни единая деталь даже самого интимного свойства.

Режин Перну, разумеется, любит своего героя (как, впрочем, любит каждый раз центрального персонажа своей очередной книги). Она тщательно отыскивает и расписывает все его положительные качества, его щедрость, храбрость (порой доходящую до безрассудства), великодушие, прямоту характера, заботу о близких, незлопамятность. Даже убийцу, смертельно ранившего его, подчеркивает Перну, Ричард прощает, приказывает отпустить и наградить деньгами, и не его вина, если этого не происходит. Однако эта любовь не мешает писательнице-историку быть справедливой и отмечать (быть может, с душевной болью) и все негативные стороны сына Алиеноры Аквитанской. В книге не скрыты ни его неразборчивость в средствах, ни склонность к припадкам ярости, ни дикая жестокость, которую, правда, автор пытается оправдать обстоятельствами. Не скрыты также его многие ошибочные, а подчас

¹ Добиаш-Рождественская О. А. Крестом и мечом. Приключения Ричарда I Львиное Сердце. М., 1991.

и прямо несуразные поступки, как в Европе, так и во время Крестового похода. На этом фоне, однако, вряд ли можно согласиться с конечным выводом автора, будто неудачная эпопея Ричарда в чем-то предотвратила разгром христиан на Востоке; мы-то знаем (а Р. Перну лучше, чем кто-либо другой), что уже через десятилетие с небольшим после ухода английского короля из Палестины «христоролюбивые» рыцари разорили и на чисто разграбили христианское же государство на Востоке — Византийскую империю, главным храмом которой так восхищается писательница, а еще через неполное столетие и вся крестоносная забава вернулась к нулевой черте. Здесь крушительница парадоксов сама приблизилась к парадоксу, поскольку, как бы ни любила она Ричарда, нельзя не признать, что его сумбурная и противоречивая деятельность на Востоке не столько замедлила, сколько ускорила неизбежный и трагический для христиан финал. Это, кстати говоря, в какой-то мере понимали и французский король, и германский император — отсюда отчасти и попытка привлечь Ричарда к ответственности, и его длительное тюремное заключение.

Много места и внимания уделено в книге материалам историко-географического профиля: подробно описываются маршруты следований, указываются все населенные пункты, замки, монастыри, которые имели то или иное отношение к повествованию. Все это придает книге большую информативную ценность для читателя, который с географической картой в руках может восстановить конкретную обстановку тех или иных событий. Также обращает внимание обилие включенных в текст фрагментов (иногда весьма обширных) прозаических и стихотворных произведений современных Ричарду авторов — хронистов, поэтов и т. п. Эти цитаты настолько органичны, что становятся как бы неразрывным целым с авторским текстом, а сам этот текст по характеру и стилю приближается к средневековым источникам, что, кстати говоря, делает его довольно сложным для перевода. И еще одно наблюдение: хотя Р. Перну и пишет об отдаленной эпохе, она отнюдь не замыкается в ней, но со свойственной ей живостью и непосредственностью все время как бы перекликается с современностью, что дает читателю возможность лучше понять место и роль тех событий, процессов и явлений, которые описаны в книге.

Хочется особо отметить заключительную главу, в которой внимательно прослеживаются различные аспекты легенды о Ричарде; среди прочего детально разбирается памятная всем с детства по романам Вальтера Скотта и Эскот Лина линия «Ричард Львиное Сердце — Робин Гуд» и выясняются ее подлинные истоки.

Книга достойно увенчана справочным аппаратом, еще раз подчеркивающим акрибийную эрудицию Режи́н Перну: тщательно разработанными хронологической и родословными таблицами и исчерпывающей библиографией.

В целом можно порадоваться за отечественного читателя, на книжной полке которого появится книга Режи́н Перну о Ричарде Львиное Сердце.

А. П. Левандовский
20 ноября 1998 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Посвятив столько лет Алиеноре Аквитанской, естественно уделить какое-то внимание и тому ее сыну, которого она предпочитала прочим своим сыновьям; а у нее их, как известно, было пятеро. Он и в самом деле заметно выделяется: речь идет о Ричарде, которого современники звали «пуатуанцем», то есть «жителем Пуату», и который сегодня известен всем под именем Львиное Сердце; ему не было и двадцати лет, когда Жиро де Барри дал ему это прозвище.

Ричард Львиное Сердце — истинный и достойный наследник «несравненной» Алиеноры, он один правил под ее покровительством и в ее духе. Про его младшего брата и преемника Иоанна Безземельного говорить не приходится: при нем королевство, собранное Плантагенетом, рассыпалось на осколки, и он умер как раз вовремя, чтобы сорвать высадку в Англии Людовика Французского, уже готового повторить успех Вильгельма Завоевателя. Но тайная враждебность между Англией и Францией все же сохранилась, а последующие перемирия превратились в «добрый прочный мир» лишь благодаря таланту Людовика Святого, сумевшего установить сердечное согласие между «двоюродными братьями», что и закрепил его внук, Филипп Красивый.

На хорах аббатства Фонтевро звучали, отдаваясь гулким эхом под высокими стрельчатыми сводами, антифоны, распеваемые монахами и послушниками в честь Ричарда Львиное Сердце, усыпальница которого долго почиталась наряду с гробницами его отца Генриха II Плантагенета и его матери Алиеноры — графа Анжуйского и герцогини Аквитанской, короля и королевы Английских, сыном и блестящим преемником которых он был. Три эти личности вписали в историю Европы незабываемую страницу; англичане не сомневались в этом, и поток их, не иссякая, тянулся к величественному монастырю, алтарь которого освятил сам папа в первые годы XII века и который сыграл такую огромную роль в эпохе, явившейся, по словам Гюстава Коэна, «нашим Великим Веком».

Но в легенду вошел лишь один из них — Ричард Львиное Сердце; в нем воплотились упования, чаяния, черты характера, унаследованные им по материнской линии. В обширном королевстве, которое ему досталось по кончине его обоих старших братьев — Уильяма, умершего еще в младенчестве, и Генриха, «Юного Короля», его собственным доменом была Аквитания. Алиенора избрала его и возвела на престол герцогства со всей подобающей торжественностью; и он до того привязался к родному домену, что много позже, когда ему, ставшему уже не только взрослым, но и королем, предложили корону Священной Римской империи германской нации, он отказался, не колеблясь; а ведь этот венец был вершиной всех честолюбивых устремлений, которые только мог питать любой из государей тогдашней Европы. Но никакой императорский титул не мог заменить ему роскошь Аквитании, виноградники Медока, охотничьи угодья Тальмондуа и песни трубадуров.

Те же родовые черты аквитанских баронов, представление о которых дает нам поэзия трубадуров, видны и в его походе в Святую землю. Сама Алиенора тоже побывала там вместе со своим первым супругом, Людовиком VII, королем Франции, за сорок лет до сына. Она была удачливее его; ей посчастливилось увидеть берега Оронта и войти в Святой Иерусалим, а потому, естественно, она не могла не поощрять подобных же устремлений Ричарда, мечтавшего отвоевать святые места, к которым так тянулось тогда всякое христианское сердце.

Она сделала много больше: пока Ричард сражался за далекими морями, она, со всем возможным тщанием, хранила для него его королевство. Тем самым она явила победу сколь материнской заботы, столь и своей политической прозорливости, которая так была ей свойственна. Ей довелось отбиваться от самых разных напастей: препятствовать тайным помыслам и непомерному честолюбию своего младшего сына, подстрекаемого королем Франции Филиппом Августом, избежать ловушек, расставленных в самой стране, где разрастались аппетиты крупных собственников — не говоря уже о заботах о продолжении своего рода, ради чего она исколесила всю Европу, отыскивая достойную невесту для ее любимого сына.

Неудивительно, что, подводя итог ее усилий, ее непрерывного присутствия в гуще событий, монах Ришар де Девиз не удержался от восклицания: «Жена несравненная!» Эту восторженную оценку монаха подтверждает и жизнеописание Ричарда Львиное Сердце. И кажется поразительным, даже забавным, когда сравниваешь ее с нынешней некомпетентностью (доходящей до глупости) иных бойких комментаторов, имею-

щих, что ни говори, куда больший доступ к многообразным источникам информации. Так, совсем недавно один из них осмелился отрицать всякое влияние королевы Алиеноры на современный ей расцвет литературы как в Аквитании, так и в Англии — хотя известно, сколько произведений было ей посвящено и сколько бесчисленных англо-нормандских сочинений появилось как раз в ее время, то есть тогда, когда столь многое от нее зависело! Иные пускаются в мелочные хронологические вычисления: она, мол, провела «слишком большую часть своей жизни в тюрьме»!.. На самом же деле элементарный арифметический подсчет показывает, что между 1152 годом — когда Алиеноре было тридцать лет — и 1174-м, когда она была лишена свободы, уместилось целых двадцать два года, причем это был тот возраст, на который обыкновенно приходятся самые богатые, самые плодотворные и вообще самые наполненные годы человеческой жизни. Но очевидно, что такому истолкователю ее жизни недостает ее опыта, да и просто жизненного опыта!

Вряд ли разумно тратить время на оспаривание подобного вздора. При взгляде на жизнеописание Ричарда роль его матери заметна даже полнее, выпуклее и много ярче, чем при рассмотрении ее собственной биографии. В биографии сына отчетливо распознается облик матери, королевы, довлевший над второй половиной европейского XII века — подобно тому, как облик другой Королевы, ее внучки Бланки, будет определять первую половину французского XIII века.

К счастью, Алиеноре, как и Ричарду, посвящено достаточно много серьезных исследований, с которыми читатель при желании может ознакомиться: из французских авторов назовем прежде всего работы Эдмона-Рене Лабанда; что же касается трудов историков, живущих в других странах, то необходимо назвать имя Ами Келли, хотя бы по причине богатой библиографии, присутствующей в ее работах, где имеются ссылки на множество американских и английских историков. Нельзя не упомянуть и такого ученого, как Рето Беццолла, которому неоспоримо принадлежит приоритет в освещении и выяснении вопроса об «истоках и становлении» французской куртуазной традиции.

Этим исследователям мы выражаем нашу признательность. Также поблагодарим и тех, кто в той или иной степени облегчал нашу задачу. Это Эмманюэль Юбер, выполнявшая библиографические разыскания для настоящей книги, Тереза Конкер, редактировавшая ее, Жан Жимпель, без деятельной помощи которого невозможно было бы довести наш труд до благого конца.

Остается высказать слова благодарности и другим надежным нашим товарищам и обаятельным, умело скрашивающим дорогу попутчикам: я говорю о хронистах XII века, тексты которых — чрезвычайно увлекательное чтение. Следить за подвигами Ричарда Львиное Сердце, выявлять черты его характера по рассказам Роджера Ховденского, по повествованиям того автора (или тех авторов), труд которого приписывается Бенедикту из Питерборо, да еще по тем, что оставил уже цитировавшийся Ришар де Девиз, пылкость которого едка и насмешлива, а юмор неистощим, — это непрерывная и все время обновляющаяся радость; не говорю уже об Амбруазе, не только оставившем живые и подробные картины экспедиции в Святую землю, но и придавшем необычайную убедительность увиденному. Вот, например, какой весьма краткий, всего в несколько стихов, но справедливый портрет Ричарда влагает он в уста его противника Саладина:

[...] О, я не спорю: доблестен король,
И твердость вовсе не чужда ему..
Но глупую настырность... Не пойму!

Как бы ни была желанна поэту «широта с чувством и мерой», бесполезно было бы ожидать от Ричарда по крайней мере последнего из названных качеств! Мы щедро черпали из этих старинных повествований, иногда заполняя выдержками из них целые страницы в надежде, что читатель почувствует то наслаждение, которое переживала при знакомстве с ними автор настоящей книги. К тому же непосредственное соприкосновение с источником поможет читателю более самостоятельно выработать личное мнение о герое, который словно бы сошел к нам со страниц рыцарского романа.

Глава первая

ПЕРВЫЕ ШАГИ ЛЬВА

Замок Монмирай, 6 января 1169 года, Богоявление. Типичная феодальная картинка: король Франции Людовик VII принимает самого важного из своих вассалов Генриха II Плантагенета, который прибыл, чтобы принести феодальную присягу на верность — «фуа и оммаж».

Феодальное общество пронизывалось и скреплялось подобными договорными связями, соединявшими человека с человеком — или, лучше сказать, сеньора с вассалом и наоборот (причем подразумевалось, что роль как высшего, так и младшего в таком союзе могла доставаться и женщине). Можно представить, как Генрих, коленопреклоненный и не перепоясанный мечом, влагает свои руки в руки короля, который восседает в обтянутом голубым шелком кресле с высокой спинкой; первый обещал верность, второй, принимая это обещание, обязывался оказывать первому покровительство. Но если обычно подобная церемония представляла собой едва ли не будничным обряд, заурядный для своего времени, то событие, происшедшее в замке Монмирай, имело особый смысл.

Сначала определим побуждения участников происходящего: в роли принимающего присягу сеньора выступает король Франции; тот, кого он целует в уста, — король Англии, но присягает он лишь за свои владения на материке, столь же, если не более обширные, что и домены, находящиеся в непосредственном владении короля Людовика VII: они охватывали весь запад Франции.

Заметим также, что обряд этот затрагивал еще трех человек, о чем с первой минуты церемонии, приветствуя короля Франции, возвестил сам Генрих:

— Сеньор, в сей день Богоявления¹, когда три царя приносят дары свои Царю царей, я испрашиваю у вас покрови-

¹ В отличие от греко-православной церкви, вспоминающей в день Богоявления (Феофании) прежде всего крещение Иисуса на Иордане от

тельства вашего над тремя моими сыновьями и моими землями.

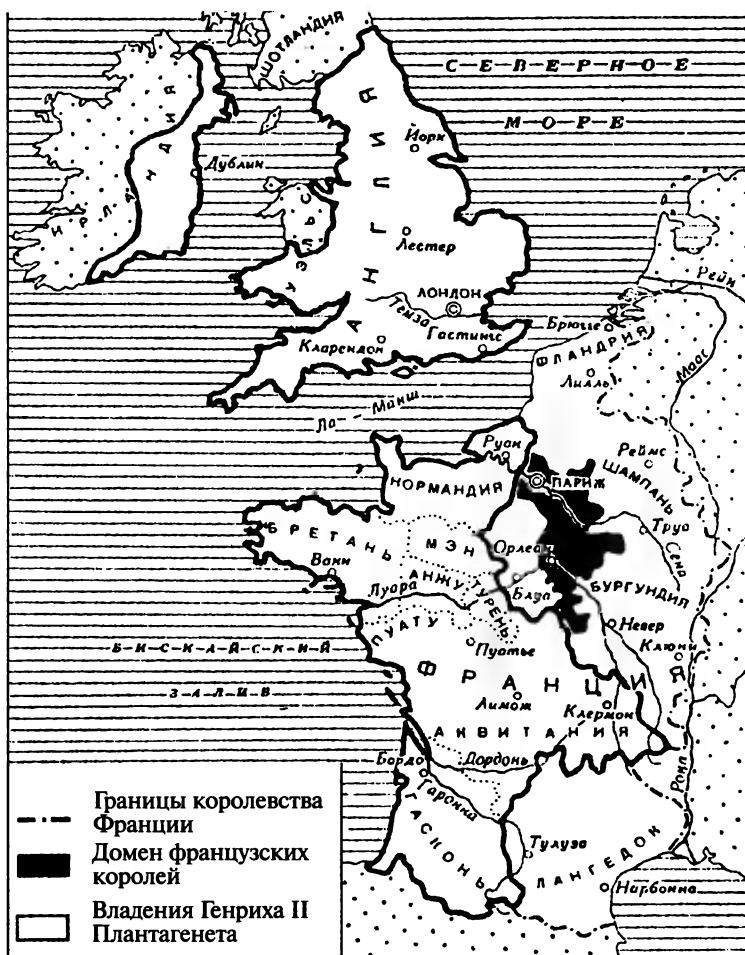
И действительно, оказывается, что подле короля английского находятся трое молодых людей, из которых Людовик немного знал лишь старшего, хотя и в других различал кое-какие знакомые черты, поскольку все они были детьми его первой супруги, той самой королевы Алиеноры, которую он так пылко любил в юности и которая покинула его семнадцать лет назад, чтобы сойтись с тем самым Генрихом II, что явился сюда принести присягу феодальной верности. Итак, трое очаровательных мальчиков: старшего, как и отца, зовут Генрихом, ему пятнадцать лет, лицо приветливое, поступь изящная; ему уготован престол Англии, а также Нормандия, Мэн, Анжу. Самый юный, Джеффри, совсем еще дитя, ему нет и одиннадцати; он смугл, черняв, резв, настоящий очаровательный принц, подстрижен чуть короче, чем братья. Ему уготована Бретань. А вот второй, Ричард, наоборот, выглядит уже юношей, хотя ему нет еще и двенадцати. Походка решительная, светлые вьющиеся волосы шапкой опускаются на уши, и его пышная шевелюра тотчас привлекает внимание. Его доля в наследстве не менее завидна: Пуату и Аквитания — фьефы его матери, те самые, которыми Людовик и Алиенора некогда распоряжались совместно...

— Поскольку Царю, принявшему дары трех волхвов, было угодно внушить вам речи ваши, — отвечал Людовик, — да подаст Он помощь сыновьям вашим в обретении ими земель своих во владение и во всяком деянии по провидению Божию.

Он говорил медленно, чтобы слова звучали весомо; ибо за видимой стороной происходящего чувствовалась некая подоплека, неявный второй план — соперничество, личные обиды, феодальные раздоры, оправдывающиеся упования и несбыточные надежды, обманутые притязания... — все, чего не могли забыть и о чем, должно быть, и теперь вспоминали эти двое мужчин, которые встречались друг с другом чаще всего на поле боя с оружием в руках, а теперь обменивались словами мира и согласия.

И в самом деле, встреча в замке Монмирай — превосходной твердыне в каких-то шести лье к северу от Вандома, в графстве

Иоанна Предтечи (почему этот праздник на Востоке часто именуется Крещением), западная церковь связывает с днем Явления (Епифании) несколько событий, в том числе и поклонение волхвов. (Например, в Польше в народе Епифания более известна как «Три Короля», то есть «три волхва».) (*Прим. пер.*)

Англия и Франция в XII веке

Перш, между Мэном и землями Шартра — ознаменовала подлинный поворот в политике королей Франции и в еще большей степени Англии. Плантагенет подчеркнуто склонился к миру; более того, он счел должным согласиться с феодальными установлениями, наделявшими юных принцев ответственностью, которую они должны будут принять на себя в весьма близком будущем, и введяшими их во взрослый мир. Ради этого он смирился с обычаем, превращавшим двух равноправных королей в сеньора и вассала. По очереди, друг за другом его сыновья преклоняли колени пред французским королем, и каждый из них объявлял себя его вассалом, принимающим от сеньора свои домены. Это был первый акт их участия в общественной жизни.

Для Ричарда же это был и первый шаг во взрослую жизнь, поскольку в Монмирайе он должен был обрести невесту. Навязываемые несовершеннолетним брачные союзы тогда были делом обыкновенным: договор о мире норовили скрепить, как печатью, бракосочетанием или обручением. Старший брат Ричарда, Генрих Младший уже считался супругом одной из дочерей короля Франции, Маргариты, рожденной во втором браке Людовика с Констанцией Кастильской, а Джеффри, несмотря на нежный возраст, был обручен с Констанцией Бретонской. В 1169 году пришла очередь и Ричарду понести бремя или, если угодно, издержки: за подобающие им почести отпрыскам благородных семейств приходилось расплачиваться, в том числе и браками по политическому расчету. Вторая дочь Людовика и Констанции станет супругой Ричарда. Девочку зовут Элис, Алиса или Аделаида; ей только девять лет. В этот день, 6 января, она вошла в новую семью, во всяком случае, совершила первый шаг в этом направлении, пойдя по стопам своей сестры Маргариты, которая, в летах еще более нежных (тогда ей только-только исполнилось три года!), в свое время обручилась с Генрихом Младшим, тогда семилетним. У Ричарда уже когда-то была невеста, обещанная ему то ли еще до ее рождения, то ли в самом раннем младенчестве, — Беренгария, дочь графа Барселонского Раймонда Беренжера. Но из этого замысла так ничего и не вышло.

* * *

Беседам в замке Монмирай сопутствовало еще одно явление, заслужившее свое место в истории. После того как с ритуалами оммага и договора о согласии было покончено, вошел еще нестарый человек в монашеском облачении, на аскети-

ческом лице которого сияли ясные, лучистые очи. Когда он появился, король Генрих II слегка вздрогнул, но Генрих Младший обрадованно кинулся к вошедшему и сразу оказался подле того, кто столько лет был его наставником и учителем: это был Томас Бекет. В хронике приводятся слова, произнесенные при этом бывшим канцлером Англии, которого король назначил архиепископом Кентерберийским, а затем изгнал из Англии и вынудил просить помощи и защиты у Людовика VII: «В присутствии короля Франции, легатов папы и принцев, ваших сыновей, — сказал Томас, — я передаю все дело и все трудности, которые возникли между нами, на ваш королевский суд»; после некоторого молчания он добавил: «Без ущерба для славы Божией». Никто и представить не мог, как повлияют эти несколько слов на ход последующих событий...

И все же чувствовалось, что на переговорах в Монмирайе недоставало одного лица, обязанного участвовать в церемонии, — королевы Английской Алиеноры. А ведь земли, за которые принес присягу Людовику VII второй из ее сыновей — Аквитания и Пуату, — считались ее личными владениями. Может быть, она досадовала на хлопоты, итогом которых стало явное послушание ее сына Ричарда своему отцу? Едва ли. Чтобы лучше разобраться в хитросплетении притязаний, которые могли иметь отношение к разбираемой игре интересов и устремлений, — игре утонченной, малопонятной, как все прочее, из-за чего феодальное право так часто смущает нас или ставит в тупик, — нелишним будет окинуть мимолетным взглядом романтическое прошлое той женщины, которая на описываемый момент титуловалась королевой Английской.

Итак, некогда Алиенора была замужем за Людовиком VII. Однако после пятнадцати лет совместной, подчас бурной жизни она пожелала развода и под надуманным предлогом кровного родства, в котором они с Людовиком якобы находятся, объявила брак недействительным. От Людовика у нее родились две девочки, Мария и Аликс. После этого она, согласно обычаю, возвратила себе свои личные владения и восстановила свою столицу, Пуатье, чтобы по прошествии неполных двух месяцев выйти замуж во второй раз, и не за кого иного, как за Генриха Плантагенета, бывшего тогда герцогом Нормандии и графом Анжу и не замедлившего вскоре увенчаться и короной Англии. 19 декабря 1154 года, то есть за пятнадцать лет до встречи в Монмирайе, супруги совместно и весьма торжественно обрели королевское достоинство в Вестминстере.

Несколько последующих лет Алиеноры были заполнены триумфальными победами. Она выступала плечом к плечу со своим юным мужем (Генрих был моложе ее на десять лет, но являл собою самое зрелость). Все как будто бы указывало на преуспевание этой пары, с беспредельной энергией распространявшей свою власть от Северного моря до Пиренейских гор, от равнин Шотландии до того залива Атлантики, где народ Байонны в то время еще жил китобойным промыслом. Выдающийся администратор, Генрих обнаружил не меньшее умение прислушиваться к советам и прибегать к помощи своей жены, пользуясь ее политической искусностью и материнской мудростью. Со временем у них родилось восемь детей. Хотя их старший сын Уильям умер в возрасте всего трех лет, казалось, что королевскую чету ждет осуществление самых честолюбивых замыслов: разве не стала их старшая дочь Матильда невестой могущественного имперского князя, Генриха Льва, герцога Саксонского? В 1167 году, в возрасте одиннадцати лет, маленькая принцесса взошла на корабль, стоявший у пристани в Дувре, чтобы в сопровождении матери отправиться в гости к будущему своему супругу...

Но случилось непредвиденное. Незадолго до того, как в декабре, разродившись в десятый раз, королева Алиенора произвела на свет сына Джона (Иоанна), ставшего ее последним отпрыском, было объявлено о ее разрыве с Генрихом Плантагенетом. Мало того что Генрих стал изменять жене с прекрасной Розамундой — «Fair Rosamund» английских баллад, — он делал это открыто, показываясь со своей пассией на людях.

С тех пор политика униженной и оскорбленной королевы в отношении супруга стала враждебной и проводилась она столь же настойчиво, как и прежде, когда ее направление было благожелательным и благотворным. Королева решила обратить против короля мощь его собственных, рожденных ею детей и на протяжении последующих лет упорно осуществляла этот замысел. Вот почему, хотя ее и не было на переговорах в замке Монмирай, где она оказалась бы в слишком щекотливом положении, потому что ей пришлось бы сидеть напротив своего первого супруга, Людовика VII, она, должно быть, в душе радовалась заключению договоренностей о порядке наследования обширного королевства Плантагенетов, благодаря чему каждый наследник отныне знал, какой собственно фьеф он получит. А ее собственная политика должна была отныне вращаться вокруг второго сына, так как именно его провозгласили будущим графом Пуату и герцогом Аквитанским, из чего следовало, что он будет собирать ее домены, чтобы вернуть их ей, Алиеноре.

Ричард, появившийся на свет 8 сентября 1157 года, стал первым ребенком, родившимся у нее после смерти Уильяма; вероятно поэтому мать заботилась о нем больше, чем о других детях. Красивый мальчуган, крепкий, хорошо сложенный, с чересчур, пожалуй, пышной рыжеватой шевелюрой, он слегка походил на своего отца, Генриха II, каким тот казался прежде, до краха былой любви. Ловкому мальчику хорошо удавались всяческие телесные упражнения, но он отличался и недюжинными способностями к упражнениям духовным. Рассказывают, среди прочего, что Ричард был вскормлен тем же молоком, что и Александр Некхам, знаменитый английский философ и богослов; оба родились в ночь на 8 сентября 1157 года, только Ричард в Оксфорде, а Александр — в Сент-Олбансе. Мать Александра была кормилицей Ричарда. «Она кормила его своей правой грудью, а Александра — своей левой грудью», — уточняет хронист, довольный, что этим удастся объяснить умственные способности Плантагенета... Учеба давалась Ричарду легко, как и его старшему брату Генриху; он находчиво и живо, с веселостью отвечал на вопросы наставников. Вот Джеффри ничем особенным не запомнился, очевидно, он ничем и не обращал на себя внимания. Что же касается Джона, самого младшего из братьев, то его в трехлетнем возрасте отдали в монастырь Фонтевро, где он пять лет воспитывался и получал первоначальное образование.

Годы после заключения договоренностей в Монмирайе показали, как Алиенора проводила в жизнь свою политику в отношении Ричарда. Генрих Плантагенет возвратился в Англию в весьма плачевном состоянии: он едва сумел пристать к берегу в Портсмуте 3 марта 1170 года после ужасающей бури, утянувшей на дно один из лучших кораблей королевского флота и вместе с ним добрых четыреста человек команды. Хотя сам король остался жив и невредим, было похоже, что он воспринял эту устрашающую переправу как очень серьезное испытание.

Между тем королева, которая вновь, и притом более чем когда-либо прежде, стала «Алиенорой Аквитанской», принялась обустривать свой собственный домен, основываясь на заключенных в замке Монмирай соглашениях. Она окружила себя верными людьми и преданными друзьями: сенешаль Юг де Фэй, коннетабль Сальдебрёй, отвечавший за стол королевы раздатчик хлеба Эрве и несколько клириков, таких как Пьер или ее духовник капеллан и наставник Бертран, а также многие другие составили пусть и немногочисленный, но действительный двор.

Правда, среди них отсутствовал граф Патрик Солсбери, которого Генрих II приставил к Алиеноре для пущей безопасности, а еще, наверное, ради надзора. Как бы то ни было, Патрик доказал свою беспримерную верность, ибо только благодаря ему 27 марта 1168 года Алиенора избежала западни, которая обещала стать для нее роковой. Он прикрывал отход королевы. В сущности, это отступление более походило на бегство, но бегство удалось, и Алиенора сумела запереться в одном из замков. Сам же граф Солсбери был поражен предательским ударом в спину; удар нанес человек, подкупленный Лузиньянами, баронами Пуату, еще когда те готовили бунт. Потому прежде прочих церемоний и обрядов Алиенора почла должным заказать торжественную панихиду по графу Солсбери в монастыре Святого Илария, что в Пуатье. На этой панихиде в аббатстве Сент-Илер присутствовал юноша, которому предначертано было сохранить свое имя в истории: Уильям или, точнее, Гийом — тот самый, прозвищем которого стало Марешаль (или, на английский манер, Маршалл). Графу Солсбери он приходился племянником, по ходу же той знаменитой стычки он получил ранение, а защищаясь, выказал такое мужество, что обратил на себя всеобщее внимание, особенно когда, прислонившись спиной к изгороди, отбивался от напавших на него заговорщиков — пока один из них, обогнув изгородь, не сумел ударить его сзади. Алиенора тотчас воздала должное юноше, предложив ему место подле себя и тем самым введя его в самый тесный круг своих приближенных. Так, в двадцать два года Гийом стал товарищем и даже наставником двух ее старших сыновей, Генриха и Ричарда, ибо он превосходно владел искусством верховой езды и метания копья. Во время посещения чтимого ею монастыря, славного аббатства Сент-Илер-де-Пуатье, королева не преминула учредить в упокоение души графа Солсбери постоянное заупокойное богослужение; за это она отказалась в пользу монахов от прав, которые имела на землю Бенассэ. Обитель сия была особенно дорога сердцам жителей Пуату. Воздвигнутая по слову святого учителя и отца Церкви, апостола Святой Троицы, бывшего наставником, другом и советником прославленного святого Мартина¹, она сохранила до описываемого XII века отзвуки борений и отблески славы, познанных христианством в дни своего укоренения в Пуату. По старинному обычаю герцоги Аквитанские

¹ Имеется в виду святой Мартин Турский (316—396), память которого празднуется римско-католической церковью 11 ноября, а восточной греко-православной — 12 октября. (*Прим. пер.*)

провозглашались аббатами Сент-Илера, и Алиенора отнюдь не намеревалась пренебрегать поддержанием столь славной традиции.

Последовавшая затем череда торжественных празднеств, устроенных ее заботами, имела целью установление власти старшего ее сына Ричарда над Пуату и Аквитанией. Сначала было созвано общее собрание знати в Ньоре ради праздничных дней Пасхи. Бароны и прелаты домена собрались вместе, и вышло так, что праздники и заседания послужили улаживанию споров и смягчению несогласий, поскольку Алиенора, от имени Ричарда, позаботилась об отмене всех наложенных Генрихом II конфискаций в графствах Ангулем, Марш и вообще по всей Аквитании. Таким образом граф Пуату — таков отныне был титул юноши — явил себя благодетелем и снискал любовь у жителей своего будущего домена, выказав умение исправлять былые злоупотребления; ради той же цели он одарил привилегиями близлежащие монастыри, например обитель Милости Божией.

Пышные собрания, перемежающиеся турнирами и празднествами, завершились в Пуатье провозглашением Ричарда аббатом Сент-Илера. Это случилось как раз на праздник Святой Троицы, что было более чем уместно, поскольку этот день сопряжен и с историей, и с богословием¹. В красивой церкви романского стиля, восхищающей своим изяществом и поныне, Ричард принял из рук архиепископа Бордоского и епископа Пуатье копье и стяг, знаменующие достоинство того титула, носителем которого он отныне являлся. Действо происходило под пение гимна «O p̄ncers egregie!» («О великолепный государь!»). Это торжественное песнопение сопровождало весь полурелигиозный, полуфеодальный обряд. Разумеется, все понимали, что эта пышная церемония — всего лишь символ, знак, вроде провозглашения королей Франции канониками кафедры Нотр-Дам-де-Пари, собора Парижской Богоматери (напомним, что и в нынешней Французской республике глава государства всегда имел и навечно сохраняет за собой право на этот церковный сан). Обряд, несомненно, должен был произвести сильное впечатление на молодого человека, получившего этот титул среди блеска пышной литургии, которая, надо думать, ради такого случая проводилась особо тщательно. Ричард всегда был подвержен настроениям и всегда выказывал привязанность к торжествам Церкви, в которой был крещен и верность которой засвидетельствовал в последние мгновения

¹ См. Деяния святых апостолов, гл. 2. (*Прим. пер.*)

своей жизни. Его современники рассказывают нам, что особенно он любил участвовать в песнопениях, оживлявших весь обряд.

Но возведение в сан настоятеля аббатства Сент-Илер было только началом. Двор переместился в Лимож, где монахи монастыря Святого Марциала обнаружили в своих хранилищах весьма древнее житие покровительницы их града святой Валерии, почитаемое кольцо которой находилось в их обители. Алиенора весьма ловко воспользовалась этим открытием как поводом устроить в честь столь славного события церемониал, бытовавший некогда и устраивавшийся во время интронизации герцогов Аквитанских.

В Лиможе горячо почитали святую Валерию, а ее кольцо, символ ее мистического бракосочетания, использовалось в церемониале инвеституры¹, о чем нам известно от монаха Жоффруа ле Вижуа, оставившего описание интронизации Ричарда².

Вокруг этого кольца и разворачивалась церемония в Лиможе. Для нее на скорую руку сочинили ритуал; затем на певчего из собора Эли возложили обязанности руководителя, чтобы впредь использовать церемониал для благословения герцогов Аквитании. Впрочем, его услугами так никогда и не воспользовались...

Итак, юный Ричард был принят во вратах собора Сент-Этьен сонмом священников и монахов, которые торжественным крестным ходом проводили его к алтарю, где, по получении благословения епископа, он облекся в шелковую тунику. Затем он надел на палец кольцо святой Валерии: тем самым герцог Аквитанский сочетался, на глазах своей матери, союзом с городом Лиможем и, более того, со всей Аквитанией в целом. Увенчав голову диадемой, он принял меч и рыцарские шпоры, принес присягу на Евангелии и прослушал мессу. По обыкновению после литургии церемония перешла в весьма пышное, как и пристало королевской коронации, пиршество, сопровождавшееся спектаклем, турниром и танцами.

¹ В ритуале инвеституры сеньор вручал вассалу некий предмет: жезл, нож, перчатку, даже клоч сена, символизировавший наделение правами на фьеф. (*Прим. пер.*)

² Кроме того, он вспоминает эпизоды из жития святой Валерии, дочери Леокада, родственника императора Цезаря Августа, посланного в 42 г. в Галлию и поставленного Гибрием в правители этой страны. Там, по проповеди святого Марциала, Валерия обратилась в христианство и пожелала всецело посвятить себя Богу. Поэтому она отказалась от уже намеченного бракосочетания; в гневе ее бывший жених приказал было отрубить ей голову... (*Прим. авт.*). В оригинале примечание автора обрывается на полуслове. (*Прим. пер.*)

Так, под водительством матери, Ричард торжественно осуществил свое вхождение в историю. Каждая церемония из череды следовавших друг за другом торжеств имела свой особый смысл и свое значение и не походила на другую. Лимож завидовал городу Пуатье; эта ревность основывалась на том, что Лимож древнее и куда более достоин звания истинной столицы Аквитании, ибо, как гласили сказания, он был заложен еще во времена библейского судии Гедона великаном Лемовиком, тогда как Пуатье был основан много позже Юлием Цезарем...

Устраивая для своего сына подобные мероприятия, Алиенора ловко обходила неудобства, чреватые затяжным соперничеством. Королева, впрочем, покинула Лимож вместе с Ричардом не раньше, чем тот положил первый камень в основание церкви, посвященной святому Августину.

После этого мать и сын отправились верхом вдоль Луары к Пиренеям: кавалькада поочередно объезжала домены баронов, получивших послабления и льготы в Ньоре, на Пасхальном собрании. Заодно населению предоставлялась возможность воочию лицезреть своих суверенов.

* * *

Было ли это простым совпадением или ответом на празднества, прокатившиеся по Аквитании, но Генрих II в Англии тоже решил короновать сына, Генриха Младшего, и это соответствовало Монмирайским договоренностям. Действительно, имея в виду предшествующие события, легко прийти к догадке о какой-то задней мысли, скрывавшейся за решением короля: по обычаю, в Англии венчать монарха на царство должен был архиепископ Кентерберийский, подобно тому, как во Франции обряд коронации совершался архиепископом Реймским. (Уместно отметить прочную укорененность обеих традиций в истории: в Реймсе крестился Хлодвиг, первый король, которого признала Франция, а Кентербери сыграл сходную роль в обращении Англии после того, как туда прибыл святой Августин, посланный в апостольское путешествие папой Григорием Великим; оба обычая, стало быть, освящены древностью предания.)

Приняв решение короновать сына и доверив совершение обряда архиепископу Йоркскому (ибо раздор с архиепископом Кентерберийским Томасом Бекетом так и остался непреодоленным), Генрих II проявил своеволие и оскорбил своего бывшего канцлера и друга, и никто на этот счет не обманывался. Растерянность, воцарившаяся на острове после бегства Томаса,

еще более усугубилась. Таким образом, если интронизация Ричарда воспринималась как триумф, то венчание на царство «юного короля» Генриха лишь приумножало общее чувство гнетущей напряженности, тем более что вместе с ним не была коронована его супруга, Маргарита Французская. Король Людовик VII был весьма разочарован случившимся и тотчас дал это понять Плантагенету. В самом деле, как сочетались подобные демарши с заключенными в Монмирайе соглашениями?

В то время как два государя обменивались весьма сильными заявлениями, состоялась еще одна встреча Генриха Плантагенета с Томасом Бекетом. Она прошла под покровительством короля Франции, на этот раз в Фретевале, в день памяти святой Марии Магдалины (22 июля 1170 года). Бекет произнес следующее: «Мой сеньор, у меня такое чувство, что мы впредь ссориться не будем», и это были слова прощения. Генрих же, хотя и рассыпался в извинениях и настойчиво уговаривал прелата вновь занять архиепископскую кафедру, тем не менее отказал Томасу в поцелуе мира, этом явном знаке вновь обретенного согласия, и было ясно: король неискренен и примирение недействительно.

Несколько позже Генрих Плантагенет слег. Недуг оказался столь тяжким, что он почел необходимым озаботиться будущим своего королевства. Генрих пребывал в Домфроне, в Нормандии, где 10 августа диктовал окружению то, что, как он думал, было его последней волей. Согласно прежнему решению, престол Англии и власть над Нормандией, Анжу и Мэном переходили к Генриху Младшему; Ричард получал Аквитанию, а Джеффри — Бретань. Король высказал пожелание быть погребенным в монастыре Гранмон в Лимузене, «у стоп святого Стефана из Мюре» (он имел в виду основателя обители, в то время весьма процветающей и снискавшей его благоволение). Однако на этот раз он выздоровел и, оправившись, решил в благодарность за исцеление совершить паломничество в Рокамбур, на День святого Михаила, праздновавшийся 29 сентября.

* * *

Год 1170-й примечателен не только важным поворотом в судьбах королевства Плантагенетов и юных принцев, которым суждено было унаследовать это королевство, но и трагедией, гулкие раскаты которой не умолкали на протяжении многих столетий. Речь идет о гибели Томаса Бекета, убитого в кафе-

дральном соборе четырьмя баронами, приближенными короля Генриха II, 29 декабря, то есть сразу же после праздника Рождества.

Генрих Младший был потрясен этой смертью заметно сильнее, чем братья; он очень тяжело переживал жестокий удар, лишивший его столь дорогого и столь почитаемого человека, его первого учителя. Но Ричарда, быть может, душевные страдания терзали не меньше: в двенадцать лет вообще нелегко переносить подобные испытания, а ведь Ричард, судя по всей его жизни, отличался чрезвычайной чувствительностью. Поступок Генриха II, или, лучше сказать, его безрассудная выходка, оттолкнула от него детей, и это как раз в то время, когда Алиенора, воодушевляемая решимостью отомстить тому, кого она некогда так любила, мало-помалу разрушала все связи и обрывала все нити, соединявшие отца с сыновьями. Когда ко двору в Пуатье спешили поэты, когда по ее почину строители возводили собор Святого Петра и перестраивали герцогский дворец, и все это творилось без лишней огласки, среди многих прочих дел, которые вершились ею в тайне, вокруг Плантагенета, ее супруга, возникала пустота — и она уже предвкушала возмездие.

Тем временем под покровительством Алиеноры складывалась сеньориальная жизнь, та самая, что зовется жизнью куртуазной и рыцарственной. Юные принцы тянулись к ней в Пуатье или в другие замки в Аквитании; они состязались в верховой езде — что для всякого барона в те времена было второй натурой — упражнялись во владении копьем и мечом и еще чаще охотились на изобиловавших дичью землях Пуату и Лимузена. Притом они неотлучно пребывали под надзором бдительных и уже преданных глаз Гийома ле Марешаля, само существование которого отныне будет неотделимо от английской короны.

Что же до куртуазной жизни, то юные принцы должны были вполне удовлетворяться тем, что предлагал двор в Пуатье. Общепризнанно, что именно там куртуазная эпоха, становление которой пришлось на первые годы супружеской жизни Алиеноры и Генриха Плантагенета, достигла своей вершины. Достаточно знать истинные даты пребывания при этом дворе прославленных поэтов того времени, о чем сообщают или они сами — например, Бенуа де Сен-Мор, — или знатные дамы и их двор — как, например, изысканная Мария Шампанская, старшая дочь Алиеноры, которая, кстати, была увезена Кретьеном де Труа, считавшимся «ее» поэтом. И вся эта жизнь, запечатленная в прославленном «Трактате о любви» Андрея Капеллана и вихрившаяся во всех стихах, во всей поэзии того времени

французской, нормандской, англо-нормандской, пропитывала воздух, которым дышал Ричард Львиное Сердце, более восприимчивый, чем братья, ко всему, что могло стать музыкой и поэзией.

Как будто бы затем, чтобы ознаменовать свой реванш за рождественские праздники 1170 года, столь трагично прерванные вестью об убийстве Бекета, Алиенора, пребывавшая в своих личных владениях на юге Аквитании, пригласила своих южных вассалов отпраздновать вместе с ее сыном и с ней Рождество 1171 года. Графу Пуату было четырнадцать лет, возраст для большинства самый мальчишеский, а он уже надлежащим образом приобрел права на удел, предназначенный ему во владение, совершив тем самым первые шаги во взрослую жизнь, жизнь мужчины и сиятельного представителя славного и блистательного рода Плантагенетов.

Глава вторая

РЫЦАРЬ И ТРУБАДУР

На стены дамы поднялись
И с любопытством смотрят вниз:
Нельзя ль в затейливой толпе
Дружочка приглядеть себе?
На выбор яркие таланты:
Певцы, жонглеры, музыканты:
Прекрасны древние напевы,
А эту песнь для милой девы
Певец придумал лишь вчера, —
Знать, деву отыскать пора,
Чтоб серенада не пропала...
Ведь музыки другой не мало:
И лэ¹ на вечер, и лэ в нотах,
Ночные лэ, и лэ на ротах²,
И лэ под арфу, и фрестели³,
Тимпаны, лиры и свирели,
Симфонии, псалтирионы,
Бренчанье колокольцев, стоны
Рожков и однострунок трели...
Все веселились, как умели:
Кто декламировал поэму,
Кто задавал беседе тему,
Хоть были и другие гости:
Тем карты подавай, иль кости,
Азарт игры над ними властен.
Что им хитросплетенья басен?
Что музыка? Что складный стих?
Одно интересует их:
Кому Фортуна улыбнется?
А кто ни с чем домой вернется?...⁴

¹ Лэ — средневековый стихотворный жанр, краткая пьеса в стихах для пения или декламации. (*Прим. пер.*)

² Рота — кельтская арфа о пяти струнах.

³ Фрестели — старинное название флейты Пана. (*Прим. авт.*)

⁴ Цитируется по: Беццола [Bezzola], ч. 3, I, pp. 160—162.

Можно не сомневаться, что это описание двора короля Артура достаточно верно изображает и двор в Пуатье. Стихи принадлежат мэтру Васу, канонику Байё, который тогда же, в 1169 — 1170 годах, сочинял поэму «О деяниях нормандцев» (*La Geste des Normands*). Первое же свое произведение — то самое, из которого заимствовано вышеприведенное описание, — он посвятил королеве Алиеноре: это был «Роман о Бруте», стихотворное переложение писаний гениального Гальфрида Монмаутского, повествовавшего о легендарном короле Артуре и окружавшем его мифическом дворе¹; персонажам Гальфрида суждено было войти и в историю, и в роман. Вас, стремясь как можно точнее, пусть на ином языке и стихами, пересказать роман Гальфрида, все же не упускает случая обыграть знакомые подробности современной ему куртуазной жизни — ведь он своими глазами наблюдал то, что поощряла в своем окружении королева. Словом, Вас был родоначальником того стиля придворной жизни, который обозначается термином «куртуазность». Впервые этот стиль был описан в том самом произведении, в котором также впервые появился и пресловутый «круглый стол», занявший столь заметное место в романтической волне XII века. О короле Артуре сообщается, что он

...держался вовсе не спесиво,
Но, разумеется, не лъстиво...
Со всяким был любезен он:
Лорранец² иль бургундион³,
Француз, бретонец иль шотландец,
Норманн, анжусец иль фламандец,
Иль витязь из иной страны,
Все были для него равны.
Всяк при дворе был привечаем
И за усердье отмечаем:
И одеянья, и доспехи
Имел в награду за успехи.
Но паче драгоценных риз
Стягаются монархов близ
Не только почести и званья,
Но и различные познания:
Благоразумное уменье
Снискать к себе благоволенье,
Небесполезное по службе,

¹ Гальфрид (Джеффри, Готфрид Монмаутский) (1100? — 1154) на основе кельтских сказаний составил «Историю британских королей», мифическим прародителем которых был предок Артура Брут (Роберт) Джерсийский (1100? — после 1171 или 1120—1183) — англо-нормандский поэт. (*Прим. пер.*)

² Житель Лотарингии. (*Прим. пер.*)

³ Бургундец. (*Прим. пер.*)

И многоискушенность в дружбе,
И та манер благообразность,
Что ведома как куртуазность, —
Чем, боле злата и пурпура,
Блистал двор короля Артура.
И сим блистанием влекомы
Родные покидали дома
Искатели наград и славы,
Дабы, отцов оставив нравы.
Усвоить вежества приметы
И присягнуть на многи леты
Артуру и его баронам,
Имея во служенье оном
Дары богатые, и радость,
Веселие и жизни сладость.

Феодальное общество поэзией завоевывало свое право на благородство и само было завоевано благородством через поэзию: король, сеньор среди сеньоров, облагораживал свое окружение, причем приближенные сидели за одним столом с государем, а не стояли вокруг него, подобно вельможам у престола императора или древнего монарха. Эта новая концепция царствования, когда правит не богоподобный монарх, а этаким «куртуазный принц», отличала описываемую эпоху, придавала ей особый шарм. Только в таком новом, небывалом прежде социуме могли родиться куртуазная любовь и то представление о женщине, которое станет, по словам Рето Беццолы, «самим источником куртуазной литературы». В поэме Васа то и дело проявляется преклонение перед женщиной, тот культ дамы, который распространяла поэзия трубадуров, а затем труверов.

Умудрена, зело прекрасна,
И величаво куртуазна,

говорит он о матери короля Артура. А для Марсии, королевы Английской, он не скупится на еще более пышные восхваления:

Премудрая многоученая дама...
О многом пеклась, но любому труду
Познания предпочитала страду,
Писания знала и много читала.

Рыцарь обретает свою значимость через любовь, приносимую им Даме. Вот, например, обращение короля Утера Пендрагона к Мерлину: речь идет о напоминающей Изольду Ижернь, любви которой король желал добиться:

Внезапно к любви угодил я в полон,
За что воевал — ныне тем побежден,

Куда ни пойду и куда ни приду,
Во сне ль, наяву ли и, равно, в бреду,
На ложе в ночи иль средь белого дня,
За трапезой или за чарой вина,
Ижерьн — лишь о ней непрестанная дума...

А вот обращение к королеве Алиеноре — ей Фома посвятил своего «Тристана»:

История весьма пространна, —
Как про Изольду и Тристана.

Можно считать, что нам необычайно повезло с этой встречей, с совпадением во времени и пространстве историка и священника Васа и двора в Пуаттье; сам он, кстати, в незабываемых словах выразил необходимость поэтически запечатлевать и передавать от человека к человеку и из поколения в поколение события и деяния прошлого:

Как от забвения нам уберечь
Деянья предков, старинную речь,
Притчу о низких проделках людских,
Сказ о баронах и подвигах их?
Книги потребны: стихи и сказанья,
Нравоучения и назиданья.
Коли событие не занесено
В летопись иль на скрижали, оно
Только бесплодно во времени канет,
Но наставленьем потомству не станет,

писал он в «Романе о Ру», сочиненном после «Романа о Бруте». Многие подражали этому сочинению, как бы продолжая его, в том числе и Бенуа де Сен-Мор, который, так же как и Вас, посвятил свой «Роман о Трое» королеве Алиеноре:

Даме златой государя в порфире,
Столь же премудрой, сколь и прекрасной,
Знающей власть и над знаниями властной, —
Несть с ней сравнимых в обширном сем мире.

Вот в какой атмосфере куртуазной поэзии возрастал Ричард. Поэзия прочитывала историю как роман: когда впоследствии поэт Амбруаз изложит стихом приключения и подвиги Ричарда в Святой земле, его сочинение прозвучит отзвуком традиции, родившейся при дворе матери Ричарда. Неудивительно потому, что и сам Ричард пробовал себя в стихах; как мы знаем, свое лучшее стихотворное произведение он сочинит в момент для него драматический, но на протяжении всей его жизни атмосфера рыцарственности и поэзии оставалась для него родной и близкой.

Едва ли не самый типичный образчик поэзии двора принадлежал, кстати, перу одного из сыновей Алиеноры, правда, вовсе не Ричарду. Этим стихотворцем был Джеффри (Жоффруа) Бретонский, обратившийся к поэзии забавы ради — именно ему принадлежит самое первое из дошедших до нас литературных произведений на французском языке. Оно представляло собой стихотворный обмен репликами между принцем и трувером Гасом Брюле. Но и в окружении Ричарда всегда находилось место трубадурам: в этом кругу раскрыли свои дарования Арнаут Даниэль, забавник-монах Монтаудонский, Фолькет Марсельский, Пейре Видаль, Гираут де Борнель и, даже прежде прочих, Бертран де Борн. А еще среди них был уроженец Лимузена Госельм Файдит, который в погребальном плаче будет оплакивать смерть самого Ричарда. Вряд ли стоит забывать об этой причастности Ричарда к поэтической волне. Он был свидетелем ее подъема, притом в то самое время, когда в родном для него графстве Пуату появлялись сочинения, впитавшие в себя как местное наречие, так и некий куртуазный идеал. В их числе назовем «Роман об Энее», а еще в большей степени «Роман о Фивах» и «Александрию» («Роман об Александре»), которые развлекали читателя некоей «античностью», в каковой, однако, невозможно было узнать классическую древность — уж слишком густо покрывал ее христианский и куртуазный налет.

Впрочем, юный принц отнюдь не пренебрегал и таким важным делом, как управление доставшимся ему прекрасным доменом. В то время как Генрих II предпочел уйти в тень, оставив Англию ради Ирландии, Алиенора не преминула приобщить сына к управлению Аквитанией. Так, они совместно решали дело Пьера де Рюффека, обывателя из Ла-Рошели, который имел тяжбу с аббатством Фонтевро и пообещал аббатисе годичную повинность в сотню пуатуанских су: мать и сын присутствовали при принесении этого обета как свидетели. Бывало, что Ричард, несмотря на юный возраст, действовал в одиночку. Так, в Байонне в январе 1172 года он пожаловал епископу Фортанье право назначать своих представителей и утвердил льготы, которые имел собор названного епископа, а кроме того, возобновил привилегии, дарованные местным жителям прежними договорами и соглашениями, в частности, касающиеся промысла китового уса, на занимающихся каковым возложены были еще в начале века определенные повинности...

В том же 1172 году произошло знаменательное событие: принародное покаяние короля Генриха II за смерть Томаса Бекета. Генрих не мог вернуться в Ирландию, не уверившись

прежде в успокоении королевства. Могила святого архиепископа не переставала привлекать паломников; чудеса начали происходить уже по прошествии считанных суток по убиении того, кого стали именовать не иначе, как Фомой Мучеником, и Кентербери увидал вереницы очередей, в которые вставляли желавшие вымолить исцеление, тогда как в самом соборе на протяжении года с небольшим не совершали богослужений, вследствие интердикта, наложенного папой на Английское королевство.

Торжественное действо примирения произошло 21 мая в соборе в Авранше. Генрих II появился в соборе в сопровождении своего старшего сына. Собралось множество прихожан: духовенство, бароны, народ. Поклявшись на Евангелии, что он не приказывал и даже не имел умысла или желания умертвить Фому, король, обнажив спину и встав на колени на ступенях храма, был подвергнут символическому бичеванию. Так он и остался у входа в храм на всю ночь, проводя ее в строжайшем посте и молитве. Наконец, как от него и требовали, он приступил к торжественному восстановлению церкви в Кентербери во всех ее правах, отменив злоупотребления, из-за которых некогда и произошла его ссора с прежним другом и верным канцлером. Король обязался также взять на себя издержки по содержанию в Святой земле двух сотен рыцарей для защиты Иерусалима и, кроме того, решил основать два религиозных учреждения: одно в Англии, в Уитеме, другое в его континентальном домене, в Турени, Шартрэз дю Лиже.

Это убийство, столь отяготившее государя и столь мощно прозвучавшее, что отзвуки его слышны и по сей день, находя отражение в литературе¹, считалось отныне прощенным. Дабы еще явственнее выказать свое миролюбие и стремление к сердечному согласию, Генрих II короновал, наконец, Генриха Младшего и Маргариту Французскую 27 сентября 1172 года в Винчестерском соборе. Тем самым устранялся скрытый раздор с королем Людовиком Французским, которого очень задело венчание на царство Генриха Младшего без своей супруги — та первая коронация «Короля-юноши» выглядела высокомерным вызовом; все ее запомнили и все понимали, что направлена она была против архиепископа Кентерберийского.

¹ Укажем среди прочего на важную диссертацию, посвященную теме Фомы Беккета в западной литературе, которую защитил в марте 1979 г. в университете штата Гуджарат в Ахмадабаде (Индия) Сарвар Т. Хамбатта: *Sarvar T. Khambatta. The Becket theme: a case-study in the literary treatment of historical material, 750 c.*, машинопись.

Так что все как будто бы успокаивалось накануне Рождества, которое в том году Генрих II собирался провести на континенте вместе с супругой и детьми и в окружении двора, собиравшегося на этот раз в Шиноне...

* * *

В феврале, а затем в марте 1173 года он созвал своих баронов. Ассамблея собралась сначала в Монферране, в Оверни, а во второй раз — в Лиможе. То ли король почуял какую-то подспудную хворь, зародившуюся в лоне его материковых владений, то ли, что кажется более вероятным, просто захотел напомнить о своей власти над этими фьефами и лишний раз показать силу своей руки. Это было тем более кстати, что страна, ознаменовавшаяся мрачными треволнениями, казалось, была уже перевернута. Главное, что должно было его заботить, это та часть наследства, которая отходила его последнему сыну, прозванному впоследствии Иоанном Безземельным и вошедшему под этим именем в историю. Этому юному Джону, тогда семилетнему, суждено было, по мысли Генриха, стать сюзереном Ирландии, острова, над которым он собирался установить свое владычество. Но ему же отец предназначал еще и богатую наследницу в жены — дочь графа Умберто Морьенского Аликс; такой брачный союз открыл его сыну виды на Савойю, Пьемонт, а там и на всю Италию. Да и для самого короля открылись бы новые перспективы: его дочь Матильда уже была замужем в Саксонии; вторая, Алиенора, вышла за Альфонса Кастильского; вскоре — он объявит о том на ассамблее в Лиможе — третья и последняя его дочь Иоанна выйдет замуж за короля Сицилии Гийома Доброго. Налицо притязания европейского масштаба: ветви могучего древа Плантагенетов тянулись к самым важным, ключевым точкам Европы. Матримониальные достижения французского короля по сравнению с этим могли лишь вызвать улыбку: он выдал своих старших дочерей Марию (Мари) и Александру (Аликс) всего лишь за сыновей графа Шампанского, одному из которых в наследство предназначалось графство Шампанское, второму — графство Блуа...

Между тем вторая ассамблея, происходившая в Лиможе в марте 1173 года, получила неожиданную драматичную развязку. Генрих Младший открыто восстал против некоторых распоряжений своего отца. Прежде всего его возмутила передача Иоанну Безземельному трех замков в континентальных владениях Плантагенетов: Шинона, Лудуна и Мирбо. Кроме того, Генрих Младший высказал и свои общие притязания на власть и во всеуслышание заявил, что коль уж его отцу было

угодно короновать его по всем правилам, вместе с его супругой Маргаритой, то он должен стать полноправным властителем и не поступится ни малейшей долей своего суверенитета над личными владениями.

Притязания эти привели к расколу на ассамблее. На какой-то миг могло показаться, что Генрих II не придавал большого значения выходке юнца, которому пошел лишь двадцатый год и которому не терпелось поскорее дорваться до власти. Отец решил увезти сына, намереваясь получше прощупать настроения молодого человека и, быть может, проверить, нет ли тут чьего-то дурного влияния, тем более что граф Тулузский Раймон V, также присутствовавший на ассамблее в Лиможе, предупреждал короля насчет козней Алиеноры. Наконец, Генрих II надеялся привести в порядок материальные дела «юного короля», слухи о чрезмерной расточительности которого доходили до него со всех сторон.

Отец с сыном уговорились провести вместе несколько дней, развлекаясь охотой и верховой ездой. Вечером 7 марта они остановились в замке Шинон, чтобы переночевать, как и было условлено, в одной комнате. Однако проснувшись под утро, Генрих II вынужден был констатировать исчезновение сына. Генрих Младший, не дожидаясь зари, неслышно выбрался из замка по подъемному мосту и, переправившись вброд через Луару, направился на север. Так нелепо завершилась задуманная легкая прогулка. Во все концы края помчались гонцы с приказом задержать беглеца, а сам Генрих II во весь опор поскакал к Ману... Ему сообщили, что его сын объявился в Алансоне, потом, какое-то время спустя, что он уже прибыл в Мортань, в домен, принадлежавший французскому королю, или, точнее, его брату, графу Дрё. Достать его там уже не было никакой возможности. Но ведь кто-то должен был менять ему на каждой почтовой станции коней, притом достаточно резвых, чтобы совершить столь впечатляющий подвиг?

Генриху II было недосуг заниматься подобными загадками. В последующие дни стало известно, что Генрих Младший оказался при дворе Франции и, более того, что к нему присоединились два его брата, Ричард и Джеффри. События разворачивались стремительно.

Главные бароны Пуату и Аквитании обратились к оружию и провозгласили восстание против английского короля: родственник королевы Алиеноры Рауль де Фэй, закоренелые бунтовщики братья Жоффруа и Ги Лузиньяны, могущественный аквитанский сеньор Жоффруа Ранконский, как и Юг Ларше-век и Рауль Молеон встали на сторону «юного короля» и отказались подчиняться его отцу. Так же повели себя и трое братьев

де Сен-Мор, Юг, Гийом и Жослен, которые были близки ко двору в Пуатье, а с ними и Вюльгрэн Ангулемский и иные бароны. Казалось, что и Пуату, и Аквитания внезапно обезумели и низверглись в неистовый бунт, подобно долго тлевшему костру, внезапно занявшемуся, — и вот уже все вокруг запылало.

При французском дворе «юный король», похоже, чувствовал себя как дома. Его всегда очень хорошо принимал тесть, который во время одного из предшествующих визитов произвел его в сенешали Франции. У Генриха Младшего больше не было личной печати, и он заказал граверу другую. Эта новая печать была продемонстрирована внушительной ассамблее, на которую собралось немало французских и аквитанских баронов; Генрих Младший щедро одарил их доменами и почестями, скрепляя свои распоряжения новой печатью. Образовался целый союз сторонников его признания подлинным королем Англии, и к этому союзу примкнули другие могущественные бароны, вроде графа Филиппа Фландрского или его брата, графа Булонского. Все они наперебой объявляли, что «тот, кто прежде был королем Англии, отныне и впредь королем не будет». Неожиданная помощь пришла к «юному королю» и с другой стороны Ла-Манша: на его стороне выступил король Шотландии Уильям со своим братом Давидом, которого Генрих Младший поспешил возвести в достоинство графа Хантингтонского. Равно и многие английские бароны, такие как Роберт Лестерский, или нормандские, такие как Гийом Танкарвилльский, перебрались через Ла-Манш и отправились в Руан, а отнюдь не к Генриху II в Ле-Ман; все они хотели встретиться с «юным королем» в пределах, подвластных королю Франции. Два законных государя тоже встречались — в Жизоре, причем едва ли не одновременно со встречей Генриха Младшего с двумя своими братьями, — но из свидания ничего путного не вышло. Хуже того, вскоре после этой встречи Ричард получил от Людовика VII рыцарские доспехи и оружие. Положение, в котором оказался Генрих II, прояснялось. Все эти предательства, все эти мятежи были делом рук Алиеноры, его супруги. «Ричард, герцог Аквитанский, и Жоффруа, герцог Бретонский, младшие дети короля, по совету их матери королевы Алиеноры, держали более сторону братьев, нежели отца», — писал составитель «Книги королей Англии». «Алиенора озабочена, чтобы все, что есть в Пуату, поднялось против своего сеньора». Невозможно было обманываться: заговор оказался столь разветвленным и столь ловко выстроенным, что Плантагенет понял: несомненно, королева приложила к нему свою руку.

Распря начиналась и в Нормандии, где 20 июня 1173 года Филипп Фландрский осадил Омаль, тогда как король Франции и «юный король» совместно напали на Вернё. А в Бретани стало известно о падении крепости Доль. Один за другим замки переходили на сторону мятежников.

Чтоб новый был у нас Король, такой,
чтоб и не правил нами,
В Нормандии губили мир восстаниями
и мятежами,—

сообщал «Роман о Ру».

Придя в себя после первого потрясения, вызванного столь неожиданным поворотом событий, Генрих II начал действовать очень умело, выказывая свойственный ему дар стратега. Не полагаясь более на вассалов, он нанял ландскнехтов в Брабанте — 20 тысяч воинов за хорошую плату — и не пожалел ради этого своего меча, богато украшенного бриллиантами, с которым он некогда короновался. Король добился от своего наемного воинства исключительной скорости: путь от Руана до Сен-Жаме-де-Бёврон оно преодолело за время с 12 по 19 августа, проходя по тридцать километров за день. И дело было не только в скорости: одна за одной отвоевывались нормандские твердыни, после чего их вооруженная мощь обращалась против Пуату. Стремительность эта ошеломяла историка-поэта Васа.

Как заспешил этот старый Анри, как помчался вперед:
Не уследишь: лишь мелькнет его тень, и тотчас пропадет.
Путь на три дня он — с войсками! — за день проходил.
Делает все, что захочет, — народ говорил.

Покрывая за день три «дневных урока», то есть дневных перерыва так, что говорили, будто он перелетает по воздуху, Генрих грозой обрушивался на противника.

Весной 1174 года его сын Ричард почувствовал себя в довольно скверном положении. В частности, жители Ла-Рошели закрыли перед ним городские ворота, страшась скорой победы Генриха II и неминуемой расправы. Поэт Ришар лё Пуатевин (то есть Ришар из Пуату) с пафосом упрекал их: «Горе вам, богачи Ла-Рошели, заточившиеся в богатствах своих и прикрывающиеся привилегиями своими». Так восклицал он, воскрешая пророчества Мерлина¹: «Ваши сокровища залепили очи

¹ М е р л и н — волшебник, персонаж легенд о короле Артуре. Поэт Ричард Пуатуанский (Ришар лё Пуатевин) подражает, скорее, Писанию: см., напр., Книги Пророков (Исайя, Амос), а в Новом Завете — прежде всего Послание Иакова (5: 1—4) и Апокалипсис. (*Прим. пер.*)

ваши и вы ослепли. День грядет, когда в обителях ваших золото скроется под терниями и поверженные стены ваши, некогда высокие, порастут крапивою. Покайся, Ла-Рошель, да сжалится Господь над тобою». На самом же деле два барона, Гийом Мэнго де Сюржер и Портекли де Мозе, встали на сторону короля Англии. По этой причине Ричард укрылся в Сенте, сделав эту крепость своей главной твердыней.

Тем временем стало известно об аресте Алиеноры. Ее схватили случайно, когда она, переодевшись в мужское платье и покинув замок Фэй-ла-Винёз, уже готова была вместе с немногочисленной свитой из верных пуатуанцев пересечь границы королевства своего бывшего супруга Людовика Французского, у которого она, надо думать, намеревалась просить убежища. Ричард же был вынужден спешно покинуть Сент, а его отец не замедлил захватить эту цитадель, которую из-за ее круглой формы называли Капитолием. После этого Плантагенет окружил собор Сента, так что укрывавшиеся там шестьдесят рыцарей и четыреста оруженосцев перешли на положение военнопленных.

Генрих II весьма умело изображал из себя защитника законной власти: так, по жалобам аббатисы Нотр-Дам-де-Сент Агнессы де Барбезье он восстановил ее мельницу, пострадавшую от вооруженных столкновений; почти везде, за исключением некоторых областей Бретани, он воздерживался от каких бы то ни было репрессий. Как раз тогда, когда Генрих занимался укреплением Ньорского донжона, Ричард укрылся в принадлежавшем Жоффруа де Ранкону замке Тельбур.

После этого, стремясь укрепить свое положение, Генрих II увез плененную супругу, а вместе с ней и весь тот маленький двор, который окружал ее в Пуатье. В него входили жены и невесты ее сыновей: Маргарита, Аделаида, Констанция Бретонская, обещанная Джеффри, и Аликс де Морьенн, невеста Иоанна, а также граф и графиня Лестерские, граф Честерский и двое его младших детей, Джоанна и Джон. 8 июля 1174 года всех их погрузили на корабль в Барфлёре. Сойдя на берег в Саутгемптоне, король тотчас же направился в Кентербери, тем самым положив начало традиции, которой в течение долгих веков будут следовать короли Англии: государь провел ночь в молитве у гробницы Фомы Мученика, канонизированного папой в предыдущем году. Он встал в череду паломников, босым вступил в епископский град и все время пребывания в нем провел в посте, воздерживаясь даже от хлеба с водой.

Тем временем укрывшийся в Пуату Ричард первым осознал, что дальнейшее сопротивление становится бесполезным. Когда его отец в сентябре 1174 года вернулся в Пуатье, Ричард

явился к нему безоружным и стал умолять о прощении, которое и получил тогда же, 23 сентября. Восемью днями позже два его брата, Генрих и Джеффри, последовали его примеру: мир между отцом и тремя его сыновьями был восстановлен.

В том же году Генрих Плантагенет созвал свою Рождественскую ассамблею в Аржантане, а затем направился в Пуату, чтобы заставить своих подданных вновь признать его власть и подчиниться его правлению. По договору, заключенному в Фалезе в октябре 1174 года, Ричард остался правителем этой провинции, но подвластным отцу. Ему причиталась часть доходов от сбора налогов и отдавалась в полное владение пара замков при условии, что они не будут превращены в крепости. Сенешалем провинции становился отныне тот самый Портекли де Мозе, который смог удержать Ла-Рошель в верности королю Англии, за что сохранил прежние и удостоился новых вольностей и привилегий.

Тем временем королева Алиенора была увезена в Винчестер, а затем в крепость Солсбери, где ей суждено было провести добрых десять лет под надзором преданнейших служителей короля, Ренуфа де Глянвилля и Ральфа Фиц-Стивена. «Скажи мне, о птица-орел о двух головах, поведай о местах пребывания твоего в то время, когда орлята твои вылетали из гнезд своих, дерзая воздевать когти свои на короля Аквилонского?¹ Это по наущению твоему, ведомо нам, восстали они на отца своего. Посему и унесли тебя сначала в пределы твои и удалили затем в землю тебе чуждую». Вот как восклицал, выражая пылкие свои чувства всегда неистовыми речениями, Ришар лё Пуатевин.

¹ А к в и л о н (др.-греч. Борей) — божество полуночного, то есть северного ветра. Речь идет об Англии, расположенной, как известно, к северу от Франции. (*Прим. пер.*)

Глава третья

«ДА-И-НЕТ»

То, как повел себя Ричард после неудавшегося мятежа, может показаться нам странным: он изо всех сил старался вернуть все на круги своя. Разве не он прежде всего и более всего приобрел бы в случае победы? Разве не его первого благодетельствовала бы вольностью его мать, тем паче что он, под ее водительством, уже успел выказать замечательную твердость, решительно выступив против своего отца в графстве Пуату. А теперь он явно вознамерился с тем же рвением воевать против своих недавних приверженцев и возвращать под руку английского короля даже то, что установленным порядком отходило к нему, Ричарду. Понятно, он совсем юн — семнадцать лет (восемнадцать исполнится в сентябре 1175 года), и в этом возрасте вроде бы простительно поддаваться чужим влияниям. Однако было бы слишком просто объяснять все его юношеской задиристостью и уж совсем неверно списывать перемены на нерешительность или даже боязливость и тем более попрекать его в неверности своему слову.

Да, он отличался порывистостью и не единожды за свою жизнь обескураживал других своей непоследовательностью. Его современники не обманывались на этот счет, а Бертран де Борн дал ему насмешливое прозвище «*Oc et Non*» («Да-и-Нет»), подчеркнув тем самым необычайную легкость, с которой Ричард подчас менял свои решения на противоположные в течение одного дня. Быть может, в этом и состоял самый большой его недостаток, ибо для человека, призванного править другими, подобное непостоянство чревато тяжкими последствиями. Его отец тоже был горяч и иногда впадал в неистовство, но, будучи государственным мужем, научился управлять своими порывами и, если было необходимо, умел охлаждать свой пыл. После сурового испытания, которое пришлось перенести Генриху II, когда все оставили его, после потрясшей его измены, он понял, что неверно вел себя с Ричардом, что же-

стоко оскорбил его. В соглашении с Ла-Рошелю, заключенном в Ле-Мане 2 февраля 1175 года, Генрих почел должным дважды упомянуть своего второго сына, всякий раз величая его графом Пуату. И Ричард вместе со своим братом Джеффри в том же городе Мане принес отцу оммаж, клятву верности, да и Генрих Младший сделал то же, хотя от него ничего подобного и не требовалось. Итак, сыновей удалось привести к полному повиновению, оставив им надежду на власть, которая подобала каждому в соответствии с его титулом. Лишь к Джеффри, под предлогом его юных лет, был приставлен доверенный человек короля Англии Ролан де Динан, обязанности которого определялись весьма туманно; самому же Джеффри позволялось пользоваться двумя своими замками и весьма значительным приданым своей супруги Констанции. На глазах у всех буря утихла, но удивление никак не уменьшилось: ведь месяц спустя, в июне, Ричард пошел войной на тех, кто провозгласил себя противниками его отца...

Первым делом он двинулся к Ажану. Сеньор Пуи-де-Кастильон, Арно де Бутевиль, укрепился в своем замке, но Ричард распорядился о сооружении осадных машин и управился с ним за два месяца. Тридцать рыцарей вместе с немалым числом оруженосцев попали в плен. Разгневанный столь длительным сопротивлением, граф Пуату велел срыть стены крепости и посыпать то место, где они стояли, солью — чтобы уж наверняка они не смогли вырасти вновь... Затем он предпринял ряд походов в Лимузен — против самых важных сеньоров, графа Вюльгрена Ангулемского в Ангумуа и Эймара Лиможского. Удалось ему это прежде всего благодаря брабантским наемникам отца. С этим войском он дал бой между Сент-Мэгреном и Бутевилем, взял город Экс, в котором пленил сорок рыцарей, державших осаду, и завоевал Лимож. Так он показал себя опытным воином и расчетливым полководцем.

В свою очередь епископ Пуатье и коннетабль Тибо Шабо разгромили у Барбезье наемников, нанятых взбунтовавшимися баронами. Волей-неволей спокойствие вновь пришло в эти земли, а Генрих II мог подумать о созыве Пасхальной ассамблеи со своими тремя сыновьями.

Когда Ричард вернулся в Пуатье, к нему присоединился Генрих Младший, который тоже смирился и собирался совершить вместе со своей женой Маргаритой паломничество в Сантьяго-де-Компостела. 19 апреля 1176 года он прибыл в Онфлёр и был удостоен приема у короля Франции, после чего снова поспешил к Ричарду. Оба брата вместе осадили Шатонёф и после этого сразу же разошлись: быть может — так, по крайней мере, считали современники — между двумя юношами возникло со-

перничество — ведь оба одинаково притязали на блистательность, равно помогаясь признания своих подвигов... Оба были величественны и красивы, обоим была свойственна та рыцарственная щедрость, которая так легко, особенно у Генриха, оборачивалась расточительностью, а если принять во внимание их возраст да еще небольшую разницу в летах... что ж, очень может быть, что между ними действительно пробежала черная кошка. Раздоры между братьями — одно из наиболее исконных проклятий, издревле терзающих человечество: ведь драма Каина и Авеля следует в Библии сразу же за описанием первородного греха...

При этом Ричард не был злопамятен. Стоит упомянуть, что, следуя в Перигё, он велел построить в фьефе кухню графов Пуату для своего повара Алена; по сему случаю король устроил торжественную церемонию, очевидцами которой стали его важнейшие бароны: оруженосец Робер ле Муан, капелланы Жан и Жоффруа, письмоводитель Рауль де л'Опито, погребничий и главный виночерпий Журдэн, постельничий Бернар де Шовиньи, а также епископ Пьер де Перигё, сенешаль Пуату Гийом Мэнго и даже такой важный сеньор, как Ги де Лузиньян, о котором речь пойдет ниже.

Одно событие между тем стало определяющим в 1176 году. И это вовсе не те огорчительные ненастья, которыми так запомнился этот год (великий летописец Робер де Торины замечал, что от Рождества до Сретения Господня стояли холода и лежал снег, а 3 февраля, на этот раз в Нормандии, налетела неистовая буря, срывавшая крыши с домов и ломавшая деревья), и даже не голод, который охватил домены Анжу и Мэна (после апреля положение настолько ухудшилось, что Генрих II Плантагенет должен был доставлять свои запасы с острова на материк). Иное событие, много более приятное, выступило на первый план: бракосочетание Иоанны (Жанны), младшей сестры Ричарда, последнего ребенка Алиеноры и Генриха. В таком деле нельзя было обойтись без двух старших братьев, на которых возложили обязанность проводить юную сестру на юг Франции; ее жених, Гийом, король Сицилии, собирался встретить невесту в Сен-Жиль-дю-Гар — городке, который был знаменит как место паломничества к реликвиям святого Эгидия. Генрих Младший эскортировал девочку до Нормандии, где она 27 августа сошла с корабля на берег, а Ричард принял эстафету и сопровождал сестру в ее путешествии по Аквитании. Свадьбу отпраздновали в Палермо 9 ноября, и Сицилия обрела маленькую королеву, которой едва исполнилось одиннадцать лет; короновали ее в том же городе уже после нового года, 13 февраля 1177 года.

Епископ Норича, присутствовавший в свите невесты в качестве представителя епископа Винчестерского, сообщает нам некоторые подробности этого нелегкого путешествия. Нередко в пути случалось, что людям не хватало хлеба, а коням — овса. Овернь, через которую они проезжали, еще не оправилась от недавнего недорода, а в Балансе их обокрали. После этого епископу пришлось бросить лошадей в Генуе и взойти на палубу корабля в Порто-Венере, чтобы в гавани Гаэты соединиться с остальным эскортом. Море было ужасным. Между Италией и Сицилией пришлось плыть, полагаясь больше на весла, чем на паруса, а по прибытии епископ увидел, какая жестокая засуха царила на острове: на деревьях высохли все листья, а на виноградных лозах, казалось, не было ни единой завязи. Епископ повествует, как не единожды ему и другим сопровождающим невесту приходилось приспосабливаться к более чем скромным удобствам: постели, например, случалось стелить прямо на каменных плитах или на прибрежном песке. По дороге двое спутников епископа преставились, еще один человек тяжело заболел; сам епископ вернулся в Ноттингем совсем измотанным 24 декабря, как раз вовремя поспев к празднованию Рождества. Судя по его отчету, с подобными невзгодами в пути должны были справляться не только сопровождавшие принцесс или принцев, но и сами царственные путешественники; правда, тот год и в самом деле выдался особенно ненастным...

Все это время Ричард не упускал возможности прославиться военными подвигами. Так, он участвовал в атаках на замок Мулинёф, в котором закрепились несколько самых могущественных сеньоров Аквитании: Гийом Тейлефер с сыном, Вюльгрэн, Эймар Лиможский, виконт Вентадурский и Эшивар де Шабане. Они сдались все сразу: Ричард, чтобы проверить их покорность, отправил их к отцу. Помимо прочего, он, вероятно, хотел вернуть себе отчужденное доверие. При этом он взял в залог несколько замков, в том числе Аршиак, Монтиньяк, Ла-Шез и Мерпин, а также город Ангулем.

В том же 1176 году, когда его отец праздновал Рождество в Ноттингеме вместе с Джеффри и Джоном, Ричард, к своему девятнадцатилетию, впервые созвал свою Рождественскую ассамблею в Бордо. Здесь, то ли по разговорам, ходившим в городе, то ли по рассказам своего старшего брата, он узнал про насилия, которые претерпевали паломники, направлявшиеся в Сантьяго-де-Компостела к мощам святого Иакова. Ричард незамедлительно собрался в новый поход и выступил на Дакс, где закрепились виконт Пьер с Сентулом, графом Бигорры. Взяв город, он напал на Байонну и за десять дней овладел ею, несмотря на упорное сопротивление, оказанное ему обороняю-

щимся виконтом Арно Бертраном. Затем Ричард двинулся к границе Испании, осадил и взял замок Сен-Пьер и у границ Наварры стер с лица земли крепость Сиз, восстановленную басками и наваррцами, которые высматривали из этой твердыни проходящих пилигримов и грабили их. Наконец, он торжественно упразднил все обычаи, установившиеся в отношении паломников, направлявшихся в Сантьяго-де-Компостела, которые вынуждены были терпеть произвол, платить непомерные пошлины, даже если им повезло и они не подверглись предательскому нападению, когда двигались через ущелье, и их не ограбили, когда они перебирались вброд через горный поток.

Ричард мог не слишком спешить; ему надо было вернуться в Пуатье лишь к Сретению Господню, 2 февраля. Решив не тратить зря, он отпустил своих наемников, но те, оставшись без жалованья, решили согласно обычаю заняться грабежом в Лимузене, прежде чем вернуться в свой родной Брабант. Епископ Жерар Лиможский пожаловался графу Пуату, вследствие чего 21 апреля произошел бой при Малеморе, каковое название само уже звучит мрачным пророчеством¹: и в самом деле, около двух тысяч этих искателей приключений было перебито, вместе со своим предводителем, неким Гийомом ле Клерком.

* * *

Год 1177-й оказался ничуть не лучше предшествующего, хотя бы в смысле погоды: летописи того времени сообщают про небывалую сушь летом и осенью: засуха попала на хлеба, а виноград поспел много раньше, чем обычно, что нимало не пошло на пользу. Наоборот, сильные наводнения, вызванные неожиданными и обильными дождями, сменились в ту зиму неистовыми бурями, одна из которых повлекла за собой страшное кораблекрушение у Сен-Валери, погубившее целую флотилию (тридцать кораблей), перевозившую вино из Пуату. Это случилось 29 ноября, накануне Дня святого Андрея, последнего предзимнего дня, когда можно было отправляться в дальние заморские путешествия.

И этот год тоже видел, как рождались распри между Генрихом Младшим и Ричардом. Прежде всего возник вопрос о женитьбе Ричарда. Вот уже семь лет его невеста Аделаида могла бы жить при английском дворе, коль уж она сделала партию при дворе в Пуатье. Почему не совершается бракосочетание, предусмотренное Монмирайскими соглашениями? Француз-

¹ *Malemort* означает «злая погибель» или «скверная смерть». (Прим. пер.)

ский король, здоровье которого всегда оставляло желать лучшего, хотел бы видеть будущее своих детей надежно обеспеченным. Когда Плантагенет вернулся в Руан, он застал там посланца от папы. Легат Пьер де Сент-Хризогон прямо потребовал от короля заключения брака согласно уговору. Надеяться на усердие самого короля особенно не приходилось — и это казалось довольно подозрительным, поскольку в свое время Генрих-отец чрезвычайно поспешил с женитьбой своего старшего сына (а ему и семи лет не было) на богатой наследнице, которой и вовсе исполнилось три года. Было более чем очевидно, что папа Александр III обращается к Генриху II по настоячивым просьбам Людовика VII. Генрих II попросил отсрочки, которую и получил, но на встрече с королем Франции в Иври, 21 сентября, ему пришлось дать согласие на бракосочетание, причем Аделаида получала в приданое Берри, тогда как ее сестра, Маргарита Французская, буде того потребует король Англии, возвращала бы свое приданое — Вексен.

Во время этой встречи оба короля договорились о совместном крестовом походе, как говорили в то время, оба приняли крест. Новости, приходившие из Святой земли, не радовали; чего стоили одни только страшные землетрясения, особенно в Сирии (и это вдобавок к тому, что еще за несколько лет до этого, 29 июня 1170 года, были непоправимо разрушены знаменитые крепостные стены Антиохии и обратились в развалины Дамаск и Триполи). Но хуже всего, во всяком случае для дела франков в Святой земле, были вести о здоровье юного короля Балдуина IV, которого поразила проказа.

Тема замужества Аделаиды время от времени возникала в беседах между королями Франции и Англии, но Ричард никак не показывал, чего же, собственно, он сам хочет. Судя по его последующим неоднократным попыткам вступить в брак, Ричард явно не считал, что между ним и юной Аделаидой существуют какие-то обязательства.

Как раз по причинам матримониальным и началась вражда между Ричардом и Генрихом Младшим... Рауль де Деоль, один из главных вассалов королевства Плантагенетов, умер в Святой земле в 1176 году, оставив наследницей свою трехлетнюю дочь Денизу. Члены его семьи должны были, согласно феодальному праву, доверить ее опеку Генриху II, но отказались от этого. Напротив, они стали укреплять замок Деоль, и в конце концов Генрих II поручил постращать обитателей замка не Ричарду, который был их сеньором, но Генриху Младшему. Тот захватил Шатору, но не нашел там маленькой Денизы, которую родня укрывала от возможных попыток похищения. Предприятие, таким образом, провалилось и нисколько не содейство-

вало восстановлению уже подорванного согласия между братьями. Уж не того ли и добивался Генрих II? От такого предположения нельзя просто отмахнуться. Тяга Генриха II к самовластию с годами только росла, а события, с которыми ему приходилось сталкиваться, лишь утверждали в нем веру в первостепенное значение того тезиса, который впоследствии провозгласит Макиавелли: разделяй, чтобы властвовать.

Черета последовавших происшествий показала, что Генрих укрепился в своем убеждении; пока же он сам взялся за дело и вскоре добился от сеньора Ла-Шатра согласия на то, чтобы Дениза была выдана замуж за одного из его баронов, Бодуэна Реверского, а в приданое получила бы фьеф Шатору. Быть может, у Ричарда были какие-то личные планы на это дитя и ее приданое; быть может, его отец тоже имел какие-то виды, ибо его замыслы насчет Морьенна потерпели крах по причине смерти юной Аликс, обещанной Иоанну Безземельному.

Время шло, и то и дело случались различные происшествия, касавшиеся бракосочетаний и наследств. Они бывали трагичными. Так, еще один вассал герцогства Аквитанского, Одебер, граф де ла Марш, застал свою жену, прозванную Маркизой, с неким рыцарем. В ярости он напал на рыцаря и убил его, после чего прогнал жену; та, оставшись одна с детьми, вскоре умерла, а Одебер, простившись со своим графством, отправился паломником в Святую землю. Возвратившись, граф имел решительное намерение оставить мир и передал свои земли Генриху II торжественным актом, совершенным в аббатстве Гранмон в присутствии архиепископа Бордо и епископа Пуатье. Генрих II был щедр к этому аббатству и все чаще одаривал его. В конце концов была оформлена сделка с уплатой пяти тысяч марок серебром, 20 мулов и 20 лошадей для парадного выезда. Лузиньянцы возроптали — они не могли упустить такой повод выразить недовольство и хотели, чтобы исчезновение графства Ла-Марш принесло выгоду им...

* * *

В такой вот умиротворенной атмосфере в том же 1177 году Генрих II созвал свою Рождественскую ассамблею в Анжере. Праздник выдался на славу. Все три сына присутствовали на нем. Ричард покрыл себя славой в Пуату; на этот раз в полном согласии с отцом он обратил свое оружие против графа Вюльгрена Ангулемского, затем против его союзника Эймара Лиможского. По примеру самого Генриха II Вюльгрена нанял солдат в Брабанте, и полчища наемников стали опустошать страну. Подобное использование ландскнехтов за двести лет предвос-

хитило для Франции бедствия Столетней войны. Дабы еще раз обуздать этих грабителей, епископ Пуатье Иоанн Прекрасно-рукий поднял на ноги добровольцев, которые, соединившись с силами Ричарда, уничтожили наемников у Барбезье; вслед за тем и замок Лимож тоже был осажден и взят графом Пуату, который после этого поспешил на встречу с отцом в Берри. Последнему же предстояла новая встреча с Людовиком VII в Грасэ. Она прошла в обмене любезностями, но ни к чему не привела, особенно в отношении Оверни, участь которой осталась неопределенной. В следующем году мы вновь видим Ричарда подле отца: в преддверии Великого поста 19 марта 1178 года он присутствовал на освящении монастыря Бек-Эллуан в Нормандии. Робер де Ториньи, настоятель аббатства Мон-Сен-Мишель, упоминает об участии в этом торжественном действе и обоих королей Генрихов, старшего и младшего.

Лимузенцы, однако, по-прежнему не унимались, используя для волнений любой религиозный повод. Восстания, поднятые по наущению самой Алиеноры, оставили заметный след. Так, в Лиможе каноники избрали епископом Себрана Шабо, хотя его родные участвовали в беспорядках 1173 года. Это избрание долго утаивали, и объявили о нем всенародно лишь после того, как каноники уверились, что Генрих II и в самом деле вернулся в Англию. Разгневанный Генрих поручил Ричарду наказать священнослужителей за такое поведение. Что же, опять разлад между Плантагенетом и Церковью? Так оно и было, правда, это столкновение оказалось куда менее серьезным, чем раздор в Кентерберии. Ричард лично озаботился разгоном капитула, после чего в соборе Лиможа литургию не служили два года. Тем временем сам папа посвятил Себрана Шабо в сан архиепископа Буржского. Дело затянулось, пока Генрих II, вновь оказавшийся в Гранмоне в 1180 году, не отказался прямо признать архиепископский сан Себрана. Ричард, должно быть, упирался не так сильно, как его отец; известно, например, что он даровал охранную грамоту монахам Солиньяка, тем самым, которые выбирали Себрана.

Затем Ричард направился в Страну Басков. На этот раз его заботила не столько безопасность пилигримов, идущих в Сантьяго-де-Компостела, сколько необходимость покончить с распрей между жителями Дакса и графом Бигорры Сентулом; последнего даже заключили в темницу. Король Арагона Альфонс II поручился за него. Ричард вернул ему свободу, но забрал в залог две крепости. Затем он даровал или возобновил различные привилегии городу и жителям Байонны в присутствии их епископа Петра Эспелетского и их графа Арнаута Бертрана.

В том году Рождество праздновали в Сенте, с торжественной ассамблеей, на которую явилось достаточно много вассалов, несмотря на чрезмерную суровость выдавшейся зимы. Хватало и обильных снегопадов, а местами и наводнений, особенно в округе Ле-Ман, где разбушевавшаяся вода уносила мосты, дома, мельницы.

На празднике в Сенте обращало внимание отсутствие одной фигуры: не приехал Жоффруа де Ранкон. Ему полагалось хранить суровость, коль уж он встал на сторону Ричарда с Алиенорой, когда те подняли мятеж; теперь, увидев, как этот самый Ричард живо переметнулся на сторону своего отца, он обратил свое оружие уже против него. Не захотелось ли старинному и верному приверженцу Алиеноры преподать урок Ричарду? Разве это не из-за него Ричард всегда оказывался в тени? А его отступничество — что это, если не вызов? Миновав Сентонь, он напал на замок в Понсе, бесплодная осада которого затянулась до Пасхи. Граф Пуату преуспел больше, разорив замок Ришмон, а затем атаковав ряд других, не столь важных укреплений: Жансак, Марсийяк, Гурвилль, Анвилль... Сегодня нельзя не удивиться: сколько же замков понастроили в этих краях! Судя по тому, что осталось от той эпохи, расстояние от замка до замка никак не превышало десяти или пятнадцати километров. Радиус действия замка, если так можно выразиться, простирался на семь-восемь километров на равнине; это в среднем, ибо не так уж и редко случалось, что каким-то замком владели, как фьефом, совместно несколько сеньоров.

После этого Ричард пошел на Тайбур, главный фьеф Ранкона; в этом замке его мать, тогда еще совсем юная, провела свою первую ночь с королем Франции Людовиком VII. Жоффруа сдался 8 мая, когда Ричард проник внутрь кольца укреплений. Вот еще один подвиг, ведь тройная крепостная стена считалась тогда непреодолимой. В конце концов Жоффруа сдал все свои замки, и некоторые из них были даже снесены, включая Понский замок. Графу Вюльгрёну Ангулемскому ничего не оставалось, как тоже сдаться, уступив свою твердыню Монтиньяк, которую постигла та же участь. Мятежному графу пришлось уволить наемников, которых он набирал из басков или наваррцев. Те отправились в свои края, не без грабежей, конечно; особенно пострадал Бордо.

Вскоре после этого Ричард решил вновь посетить Англию. Отец посулил ему титул герцога Аквитанского со всеми полагающимися полномочиями, что не могло не огорчить Алиенору. После своего поражения она вот уже почти пять лет пребывала под неустанным надзором. Генрих II хотел развестись с нею. В 1175 году он весьма обходительно принимал в Вест-

минстерском дворце папского легата, который получил в дар великолепных лошадей; Генрих надеялся снискать его благоволение. Впрочем, прекрасная Розамунда, на которой король хотел жениться, умерла на следующий год (в 1176-м); с ее кончиной угасла и страсть, возможно, последняя в жизни короля, хотя, как мы увидим, впоследствии у Плантагенета будет еще одно, более скромное увлечение.

Генрих II стал домогаться от супруги отказа от прав на герцогство Аквитанское в пользу Ричарда. Это не шло вразрез с планами королевы, потому что она и сама думала о том же. Но она, конечно, не намеревалась содействовать королю в его планах; в этом случае она должна была бы отказаться от немалой доли влияния на сыновей, которое переходило к ее супругу. Более чем кто бы то ни было еще, Алиенора знала непостоянный нрав своего сына и в сложившихся обстоятельствах нимало не пеклась об усилении его власти, за которой она угадывала власть того же Генриха. Похоже, что мать находилась тогда в ссоре с сыновьями; впрочем, разлад этот оказался временным: прошло три года, и в 1182 году состоялось примирение Алиеноры и трех ее сыновей.

Ричард переправлялся через Ла-Манш, дабы украсить себя именованием «герцога аквитанцев и графа пуатуанцев». Именно под этим двойным титулом он отправился, вместе со своими двумя братьями, в Реймс на помазание на царство юного французского короля Филиппа Августа на День Всех Святых (1 ноября 1179 года). Отец его, Людовик VII, не присутствовал в соборе; здоровье его становилось все более шатким: его разбил односторонний паралич. Но он, по крайней мере, мог быть доволен тем, что смог подготовить коронацию сына, своего наследника, столь долгожданного, что при рождении тому дали прозвище Богоданный. Церемония поначалу была намечена на 15 августа, но неожиданно случилось странное происшествие: когда двор остановился на привал в Компьене, по дороге в Реймс, Филипп с несколькими молодыми сеньорами из своей свиты пожелал поохотиться в изобилующих дичью окрестных лесах и, слишком увлекшись гоном, оторвался от своих товарищей и заблудился. Должно быть, он бродил по лесу несколько часов — наступала ночь, а он был один в этом страшном лесу; в конце концов на него набрел некий угольщик, однако принц до того перепугался, что дело окончилось нервным срывом. Несколько дней принц оставался безучастным ко всему, пребывая буквально на грани между жизнью и смертью. По всему королевству устраивались молебны и крестные ходы. Людовик VII дошел до того, что запросил у Генриха II разрешения от-

служить молебн об исцелении своего наследника в Кентерберии, у гробницы Томаса Бекета. По его возвращении Филиппу стало лучше, и была назначена новая дата помазания на царство: День Всех Святых. На церемонию пригласили троих сыновей Плантагенета, а Генриху Младшему было вменено в обязанность шествовать в кортеже своего кузена и нести корону Франции. По такому случаю он был формально возведен в достоинство сенешала Франции. Вследствие этого Генрих оказался подле короля и резал для него мясо на праздничном пиршестве, устроенном после церемонии. Королю Филиппу, второму носителю этого имени, не исполнилось еще и пятнадцати лет. Будучи заметно моложе трех английских — или, скорее, анжуйских — баронов, он, однако, выглядел зрелым и решительным, и это впечатление сохранялось впоследствии, на протяжении всего царствования. Рождественская ассамблея в этом году собралась в Винчестере, в Англии.

Тем временем бракосочетание Ричарда с наследницей французского престола Аделаидой уже перестало быть предметом оживленных толков. Людовик VII так и не смог получить окончательного и решающего обещания от Плантагенета. (Он умер 18 сентября 1180 года, не успев осуществить своего горячего желания устроить судьбу собственных детей.) Ричард же, судя по двум попыткам обратить свой взор в сторону, не считал себя более обязанным внушать обманчивые надежды. Первый раз он пожелал взять в жены Маго, дочь Вюльгрена Тейлефера, богатую наследницу, за которой в приданое давали графство Ла-Марш. Но она умерла в 1180 году; вторая попытка вступить в брак, на этот раз с дочерью императора Фридриха Барбароссы, тоже провалилась, и по той же причине: девушка скончалась. Тем временем Генрих II, встречаясь с юным королем Филиппом Августом, уходил от прямых вопросов, ограничиваясь невнятными предположениями, что, мол, Аделаида непременно обвенчается с «кем-то из его сыновей». Похоже, что малопристойная шумиха из-за связи, якобы возникшей между королем Англии и молодой французской принцессой, поднялась не на пустом месте. Что же касается брака Ричарда с Аделаидой, то он останется яблоком раздора между двумя королевствами, поводом для вновь и вновь вспыхивающей вражды. Впрочем, Ричарда, кажется, и не слишком увлекали на путь супружества, наверное, полагая, что принцесса, соблазненная отцом, вряд ли стремится выйти замуж за сына, да и едва ли это замужество прибавит ей счастья — тем более что Ричард и в любви, похоже, вел себя почти так же, как в политике, оправдывая свое прозвище «Да-и-Нет»... Так в точности

и неизвестно, когда он, благодаря связи с одной из аквитанских девиц, обзавелся незаконнорожденным сыном Филиппом.

Как раз в это время экс-трубадур Бертран де Борн (тот самый, который дал прозвище Ричарду) стал появляться в окружении Генриха Плантагенета, где общался не только с двумя сыновьями короля, но и с его дочерью Матильдой, вышедшей замуж за Генриха Саксонского. Бертран был мелким феодалом; ему принадлежал замок Отфор, сохранившийся до наших дней, несмотря на многократные перестройки, пожары и тому подобное. Это был человек весьма своеобразный, не слишком богатый и довольно безалаберный, зато замечательный поэт и свирепый забияка: живи он на несколько столетий позже, он вполне мог бы стать бравым мушкетером, вроде тех, что заполнили собой сразу и нашу историю, и нашу беллетристику.

Как раз с одного из посещений Матильды Саксонской и ее супруга и началась известность, а потом и слава Бертрана де Борна. Отношения герцога Генриха Саксонского с императором Фридрихом всегда оставались неустойчивыми — Генрих возглавлял Брауншвейгский дом, и в этом качестве открыто притязал на императорский сан, соперничая с Гогенштауфенами. В результате он подвергся ссылке и должен был удалиться в изгнание; Генрих прибыл с супругой в Нормандию в сопровождении пышного двора в добрых две сотни немецких баронов. Матильда забеременела в четвертый раз, и Генрих пожелал совершить паломничество в Сантьяго-де-Компостела. Он обосновался в Аржантане; там у Матильды родился сын, умерший вскоре после рождения (пятого сына она родит в Винчестере в 1184 году).

В сопровождении Бертрана де Борна Ричард отправился в гости к сестре и познакомился со своим шурином и со старшим его сыном Оттоном, которому суждено будет занять весьма значительное место в увлечениях и жизни Ричарда. Совершив многочисленные поездки в Перигор, Лимузен и в Гасконь, где решительно невозможно было навести хоть какой-то порядок и обеспечить безопасность паломников, он успешно занял Лектур и Сен-Север, после чего даровал прощение графу Вивьену, ставшему рыцарем Ричарда на Успение, 15 августа 1181 года. Ричард старался также восстанавливать справедливость и разрешать всяческие несогласия в пользу монастырей. Так, аббату обители в Орбестье — монастыря, основанного его прадедом с материнской стороны Гильемом Трубадуром, — он вернул бывшие права на Тальмонский лес. Точно так же лес в Севре был возвращен аббатству Сен-Мексан — а леса в то

время значили необычайно много, и не только потому, что там можно было рубить дрова и заготавливать древесину, но еще и потому, что лес помогал прокормить скотину, которая, поедая как траву, так и молодые побеги, не давала превращаться в непроходимые чащи просекам и дорогам.

Затем Ричарду пришлось пойти войной на Перигор, чтобы наказать за непослушание графа Эли Талейрана. Ему удалось отнять сначала Эксидёйль, потом Пюи-Сен-Фрон, последний с помощью короля Арагона Альфонса II и графини Эрменгарды Нарбоннской — кстати, знаменитой в то время поэтессы — и обоих Генрихов, короля Англии и Генриха Младшего. Ричард не только обязал графа Перигорского подчиниться, но и забрал у него замок в Перигё, стены которого были тотчас скрыты; двух сыновей графа, Ги и Гийома (позже у последнего появится прозвище Паломник), Ричард взял в заложники. Чтобы доказать свое стремление к миру, Ричард тогда же вернулся в Пуату и на какое-то время занялся охотой; продолжая традиции герцогов Аквитанских, он устроил два пышных празднества, собрав главнейших сеньоров во главе с Жоффруа Лузиньяном, Гийомом Лезейским, Раулем Молеонским, Эмери Туарским, к которым присоединились и другие.

В том же 1182 году Генрих II собрал на Рождество роскошную ассамблею в Кане, на которую пригласил и троих сыновей. Ему совсем не хотелось, чтобы каждый из них вздумал собрать порознь своих вассалов, и, как всегда, озабоченный сохранением своего авторитета, король решил предотвратить нежелательное развитие событий, тем более что у него произошло несколько стычек с Генрихом Младшим, опять домогавшимся своих королевских прав.

Спустя некоторое время случился скандал, связанный с именем Матильды Саксонской. Бертран де Борн, сопровождавший своего сеньора, решил, что сможет угодить, избрав Матильду своей Дамой. Посему он принес Даме клятву поэта — два стихотворения, славившие ее под именем Елены: «...веселая, милая Лена», то есть поэт уподоблял Матильду Елене Троянской. Восприняты эти стихи были, однако, без всякого восторга.

Бертран почувствовал себя чрезвычайно уязвленным и отомстил, описав двор в Аржантане как место дурное и злоещее, осиянное лишь красотой «Елены».

Нельзя сказать, впрочем, что Генрих Лев держал трубадуров в ежовых рукавицах: когда наконец он вернулся в свое отечество, он привез с собой из Франции экземпляр «Тристана и Изольды». Это произведение было затем переведено на немецкий язык одним из верных людей герцога, Айльхардтом фон

Обергом, и широко распространило за Рейном вкус к западной словесности, что породило волну куртуазной поэзии, названной движением миннезингеров. Но как раз со времени указанного столкновения Бертран де Борн сблизился с Генрихом Младшим и связал с ним свою судьбу поэта и рыцаря, более или менее странствующего.

* * *

Тем временем Генрих II, отбиваясь от притязаний своего старшего сына, пожелал, чтобы младшие, Ричард и Джеффри, присягнули ему как своему королю. Оба, однако, ответили отказом. Джеффри, похоже, еще можно было переубедить, но Ричард заупрямился. Тем временем Бертран де Борн сочинял свои сирвенты, воинственные стихотворения, которые, естественно, ни к чему доброму не приводили, а лишь сеяли новый разлад, усугубляя несогласия, раздиравшие лоно семьи.

Бертрану все время казалось, что слишком уж миролюбивы принцы, что недостает им воинственного пыла, и он подослал своего жонглера, Папьюля, к «юному королю»:

Папьюль, скорее поспеши
К Младому Королю,
Он все проспит — так и скажи...

Узнав же, что король Генрих-старший собирается поддерживать Ричарда, Бертран начинает попрекать Генриха Младшего тем, что отныне он — принц без земель и «король ничемных»:

Король негодных — звать тебя,
Ты — Генрих без земли¹.

После чего последовала целая череда нестроений, причем то один, то другой из сражающихся соперников прибегал к помощи наемников. Как всегда, война вследствие этого ужесточалась, а надежды на мир становились призрачными, ибо в те времена услуги наемников далеко не всегда оплачивались достаточно щедро, почему они и предпочитали заботиться о себе сами, возмещая скупость работодателей грабежами и сея среди населения ужас. Весной 1183 года первейшей задачей Ричарда стало как раз рассеяние таких хищных орд, заплонивших Ли-

¹ «...Безвластен Генрих! Королевством дряни // Гордиться может трон!» — этот перевод с провансальского (не с французского, как выше) см. в кн.: Жизнеописания трубадуров. Жан де Нострам / Изд. М. Б. Мейлах. М.: Наука, 1993. С. 77. (Прим. пер.)

музен; то были баски, одного звали Раймон ле Брюн, а его племянник носил имя Гийом Арно. Хронисты рассказывают, что Ричард ослепил восемьдесят человек из этой банды.

Как раз в это время граф Эймар Лиможский возобновил былую вражду; вместе с виконтом Раймоном Туренским он захватил Иссуден и осадил Пьер-Бюффьер. Все эти битвы, очевидно, были связаны с угрозами Ричарду со стороны Генриха Младшего и Джеффри, так что положение складывалось нешуточное. Отец решил вмешаться в ссору сыновей; вскоре он оказался среди осаждающих Лиможский замок. Ричард не замедлил присоединиться к нему; тогда Генрих Младший воззвал к королю Французскому Филиппу Августу, и тот прислал наемников, с помощью которых «юный король» захватил Сен-Леонар-де-Нобла. Чтобы наемники не остались без оплаты, он не побоялся сам пуститься в грабежи, и какие! Он зачерпнул из сокровищницы Сент-Марсьяль-де-Лимож, правда, не без расписки, оставленной им вместо заимствованных монет и драгоценностей на сумму 22 тысячи лимузенских су! Затем, видимо войдя во вкус, он сотворил то же с сокровищами Гранмона. Уж не вздумал ли этот феодальный сеньор, король Англии, отвоевывающий свои права на корону, превратиться в сеньора-разбойника?

Именно тогда, в конце мая, «юный король» подхватил некую хворь, о природе которой хронисты ничего точного не сообщают и от которой не помогали никакие снадобья. В прекрасном замке города Мартель, сохранившемся до наших дней как впечатляющий памятник XII века, на границе с Дордонью, Генриха Младшего постигла Божья кара. Он исповедовался в своих грехах, повелел родным и приближенным исправить все сотворенные им несправедливости и отправил епископа Ажанского к Генриху II с мольбой о прощении. Тот, колебавшись немного и спрашивая себя, уж не становится ли он жертвой какой-то новой уловки, отыскал в своей сокровищнице очень красивое золотое кольцо, украшенное драгоценным сапфиром, и вручил его епископу, прося передать кольцо сыну в знак прощения. Когда епископ вернулся, юный принц уже был при смерти. Взяв кольцо, он надолго поднес его к губам перед тем, как надеть на палец; затем, повернувшись к Гийому ле Марешалю, не отходившему от него ни на шаг, попросил совершить за него то паломничество в Иерусалим, которое он поклялся совершить сам. Затем распределил свое имущество между приближенными, велел посыпать пеплом плиту так, чтобы получился крест, и, оставшись в простой тунике, по приятии Святых Даров и по помазании освященным елеем, угас.

Трогательнее всего в повествовании об этой кончине то место рассказа, где говорится о некоем монахе, обратившем внимание умирающего на красивый перстень, который остался у него на пальце после раздела имущества между нищими, духовенством и родными. Генрих отвечал ему: «Это кольцо я берегу не из жажды обладания, но чтобы засвидетельствовать пред Судией моим, что отец мой простил меня и дал мне сие в знак сердечного прощения своего». И добавил, что кольцо можно будет снять с пальца его, как только он испустит дух. Но и после того как он навсегда смежил веки, все попытки снять перстень с пальца оказались тщетными. Все поняли, что это знамение: Бог принял и утвердил отчее прощение, дарованное сыну. Произошло это 11 июня 1183 года.

Млат рухнул, показалось мне,
И вмиг исчезли в вечном сне
Вся доблесть и все доброхотство,
Все вежество, все благородство,

читаем в «Жизнеописании» Гийома Марешаля, который собирался в Святую землю, дабы исполнить обет «юного короля».

Глава четвертая

ГРАФ ПУАТУ И ГЕРЦОГ АКВИТАНИИ

Смерть «юного короля» вызвала немалые потрясения в королевстве Плантагенета, и прежде всего в лоне его собственного семейства. Мать усопшего первой в глубинах души своей почувствовала утрату, поняла, что обольстительного наследника, сына неисправимого и притягательного больше нет; за ночь до его смерти ей приснился вещий сон — распростертый на ложе своем «юный король» с двумя царственными венцами: одна корона — золотая, та самая, которой он был увенчан в день своей коронации, другая — из света, неведомого среди смертных, подобная Святому Граалю¹.

Когда к королеве прибыл архидиакон церкви Уэльса, коему поручено было объявить о смерти ее старшего сына, она прервала его на полуслове; Алиенора заведомо знала, что он собирается сказать, и ей довольно было сонного видения, посланного в Солсберийский донжон, где ее держали взаперти и под неусыпным надзором вот уже девять лет...

Что же касается Генриха II, чей деспотизм поспособствовал злосчастьям сына, оставленного без крупницы власти, то и он не остался безучастным к постигшей его утрате. Жизнеописание трубадура Бертрана де Борна повествует о трогательных подробностях его встречи с королем некоторое время спустя после скорбного происшествия: Бертран хвастался, что у него довольно ума, чтобы не беспокоиться о своем замке — уж его-то он всегда оборонит от любого нападения; Генрих, взяв штурмом Отфор, не удержался от насмешки: «Бертран, вам придется пустить в ход весь свой ум!»² Тот отвечал, что утратил весь

¹ Святой Грааль — легендарный сосуд, отождествлявшийся с чашей Тайной вечери (Мф. 26: 27) и служивший в Средние века поводом для всякого рода исканий, как в духовном мире, так и физическом. Сказания о Граале повлияли на идеологию крестовых походов в Святую землю. (*Прим. пер.*)

² «Вида» (Жизнеописание) Бертрана рассказывает, что он хвастался

ум, когда умер «юный король». И король заплакал о своем сыне и простил Бертрана, повелев облачить его и одарить землями и почестями. Все оплакивали «лучшего короля из всех, когда-либо рожденных матерью, великодушного и красноречивого, нравом прекрасного и видом смиренного»¹.

Среди обетов, данных «юным королем» перед смертью, между прочим, имелось и намерение решительно потребовать от отца возвращения королеве, супруге своей, полнейшей свободы. Некоторое время спустя ее дочь Матильда пересекла Ла-Манш со своим супругом, чтобы навестить Алиенору, а через год королеве было дозволено ответить на этот визит, посетив Винчестер, где Матильда разрешилась сыном, которого нарекли Гийомом (то есть Вильгельмом). В 1184 году произошло всеобщее примирение: память святого Андрея вся семья отмечала в Вестминстерском дворце. Генрих II Плантагенет по этому случаю преподнес своей супруге в дар прекрасную пурпурную мантию на белищем меху с отделанными мехом и расшитыми золотом рукавами. Противоречия, разделившие было Алиенору с ее самым любимым сыном Ричардом, незадолго до этого удалось сгладить, и это примирение на День святого Андрея, как и семейное собрание в дни Рождества, завершилось совместным появлением всех Плантагенетов на людях. Вскоре Алиенора преподнесла дары монастырю в Фонтевро — и это было в первый раз с тех пор, как она засвидетельствовала таким образом свое благоволение этой обители задолго до своего супружества с Плантагенетом.

* * *

Вопрос о наследовании оставался в подвешенном состоянии. Аквитания пребывала тогда в мире, граф Эймар Лиможский безропотно согласился сдать 24 июня 1183 года, вскоре после смерти «юного короля», когда Бертран де Борн, подавленный скорбью, сочинил два трогательных «плача» на погребение юного принца, по которому все горевали. Ибо, несмотря на все свои изъяны, безмерную расточительность и вспышки беспричинной ярости, у Генриха Младшего было

своим умом, утверждая, что ни разу в жизни не использовал его более чем наполовину, потому Генрих и поддевает его, предлагая трубадуру использовать весь свой ум. (*Прим. пер.*)

¹ «...Лучший из смертных уходит: по нем // По короле нашем слез мы не прячем. // Чей гибок был стан, // Чей лик был румян...» — Бертран де Борн. Погребальный плач на смерть Короля-юноши. Цит. по изданию: Жизнеописания трубадуров. С. 78. (*Прим. пер.*)

обаяние, за которое его любили, и он умел со всеми держаться любезно и учтиво. По общему мнению, природа не покупилась на дары для обоих старших сыновей Плантагенета: оба были красивы, щедры, со вкусом к поэзии и музыке. Но все же именно в Ричарде ярче, по-особенному ощущалась южная чувственность, унаследованная от матери. Истинный аквитанец, со вкусом к изяществу, со страстью к приключениям, с врожденным чувством ритма, которое он иногда обнаруживал несколько неожиданным образом. Например, сообщает летопись, если вдруг монахи в церкви пели не так, как ему хотелось, он поднимался на клирос и начинал руководить хором посредством «голоса и жеста». Подобно отцу, он был решителен в действиях, быть может, проявлял в бою чрезмерную суровость, чего никогда не позволял себе Генрих Младший. В Аквитании говаривали про него так: «Ни единая гора, сколь бы высока и крута она ни была, ни единая башня, сколь бы ни была она неприступна и вознесена, не бывала препятствием для него; столь же сноровистого, сколь дерзкого, столь же смекалистого и упорного, сколь порывистого». Великолепный в своем блеске рыцарь, впрочем, исполненный ревностного стремления к поддержанию порядка и правосудия, он явно был счастлив в этой земле, слывшей плодоносной и ухоженной, жить в которой хорошо и приятно. Английский хронист того времени Рауль из Дицето оставил восторженное ее описание в сочинении, которому он дал название «Образы истории»: «Богатая и изобилующая всякими древностями и редкостями; одна из богатейших провинций Галлии, из числа счастливейших и плодороднейших, с возделанными полями, с городами, с лесами, изобилующими дичью, с весьма здоровыми водами»; и далее летописец описывает русла Гаронны и ее судоходных притоков, текущих с Пиренеев к океану; что же до населения, то люди в этом краю речисты и склонны к чревоугодию — эти же определения он прилагает и к обитателям Медока или Дордони. Жители Пуату любят хорошую говядину и доброе вино, замечает он, и предпочитают кушанья с перцем и чесноком; он обращает внимание и на их пристрастие к охоте на диких уток, на которых они ставят силки, — известно, что еще и в нынешние времена жители края развлекают себя ежегодной охотой на диких голубей. Их запекают на кострах, в которые бросают хворост виноградной лозы. Наконец, хронист присовокупляет, что страна изобилует реками и ручьями, в которых водятся миноги и осетры.

Нрав Ричарда, во всех оттенках и подробностях, вполне укладывался в то представление об аквитанцах, которое возникло из рассказов его современника: принц дорожил услу-

гами своего повара и знал толк в яствах. К тому же цитированный выше хронист был близок Ричарду, и мы еще встретимся с ним на коронации Ричарда в Лондоне.

Зная все это, легко представить себе, как мог повести себя граф Пуату и герцог Аквитании, узнав о намерении отца передать Аквитанию самому младшему сыну, Иоанну Безземельному. Ричарда отнюдь не устраивало обещанное ему взамен островное королевство; нет, Аквитания должна была остаться его личным фьефом. Обуздав ярость, охватившую его при известии о предложении отца, он попросил время на размышление, а сам поспешил вернуться как раз в Аквитанию, откуда и прислал ответ с недвусмысленным отказом. Итак, новая распря: на этот раз Ричарду противостояли Джеффри и Джон (Иоанн); эти двое призвали нескольких бывалых военачальников, служивших Генриху Младшему. В числе прочих явился знаменитый Меркадье, надолго запомнившийся обывателям Перигора и всей области Бордо.

Однако во время двух собраний двора: на День святого Андрея и на Рождество, мир (хотя и не доброе согласие) между тремя братьями удалось восстановить. Генрих II, в свою очередь, смог достичь соглашения с королем Франции; встретившись в Три, они договорились, что крепость Жизор — едва ли не вечное яблоко раздора! — остается королю Англии, как и его нормандский домен, при условии выплаты компенсации в 2750 ливров в анжуйской монете. Генрих также успокоил Филиппа Августа относительно участи сестры последнего, Аделаиды, которая жила в Вестминстере; она выйдет замуж за «одного из сыновей короля Англии». В завершение Генрих II, согласно обычаю и без каких бы то ни было оговорок, повторно принес подобающую присягу своему сеньору, королю Франции, за свои материковые владения.

Несколько позже и все еще в видах умиротворения Алиеноре было дозволено посетить Руан, где покоем ее сын Генрих Младший. Ричард сопровождал ее и согласился уступить ей, пока она жива, сюзеренитет над Аквитанией. В конце концов, дело касалось лично их, и глубокое согласие, царившее между матерью и сыном, никак не нарушалось, разве что мимолетно: Ричард продолжал осуществлять свои права графа Пуату и герцога Аквитанского, не спуская глаз ни с единого из своих вассалов. Он утвердил основание монастыря Фонтенле-Комте по уговору с аббатом Мейезэйским: последний получил фьеф в Кулянже, тогда как Ричард заложил новый город Сен-Реми-де-ля-Ай и издал хартию его привилегий. Еще он

возобновил различные привилегии, пожалованные приходу в Шизе, а также тем, кто имел права на пользование лесом Монтрей.

В 1185 году Генрих II созвал Рождественскую ассамблею в Донфроне. Собрание вышло пышное и запомнилось еще и тем, что Плантагенету был предложен венец короля Иерусалимского: Балдуин IV Прокаженный преставился 16 марта того же года двадцати четырех лет от роду, в краткую жизнь свою познав страдания и украсив ее подвигами. Генрих II уже принимал крест двенадцатью годами ранее; он не стал с порога отказываться от короны, однако его притязания, судя по всему, не простирались так далеко и не были столь возвышенны.

В наступившем году случилось разное. Вначале, во время новой встречи в Жизоре, состоявшейся в Великий пост, то есть в начале весны, Филипп Август и Генрих II снова решили, что Аделаида выйдет замуж за короля Ричарда. Это происходило незадолго до того, как вдова «юного короля» Маргарита Французская вышла вторым браком замуж за Белу III, короля Венгрии. Затем Джеффри, граф Бретани, вечно недовольный отцовскими замыслами, изволил принять приглашение от короля Франции и провел лето в его владениях. Несколько недель подряд молодые люди не разлучались друг с другом: их видели вместе за столом, на охоте, на празднествах, следовавших друг за другом, на турнирах. Кончилось это все более чем печально: на одном из таких ристалищ, в августе, Джеффри Бретонский погиб. Подобные несчастья бывали нередки на такого рода играх, задуманных ради состязания в мужественной ловкости и изяществе, но опасных и жестоких.

Отчаяние короля Филиппа Августа поразило современников. Уж не опасался ли он обвинений или подозрений, будто сам заманил Джеффри в ловушку, прикрываясь искренней дружбой с погибшим? Во всяком случае, во время пышных похорон, устроенных Джеффри, казалось, будто король Франции, того и гляди, сам рухнет в свежерытую могилу. Отпевали принца в Нотр-Дам-де-Пари, тогда еще совсем новом соборе Божьей Матери, первый камень которого был заложен лишь двадцатью тремя годами ранее, по почину епископа Парижского Мориса де Сюлли. За двадцать лет работы строители успели обустроить площадку, на которой хватало места для совершения богослужений, но по-настоящему ни кровя, ни стен еще не было. Филипп радушно встретил вдову Джеффри, Констанцию, которая тогда была беременна; сына, родившегося уже по смерти отца, нарекли Артуром — именем из романов о рыцарстве. Мальчик должен был воспитываться главным об-

разом при французском дворе, подобно своей старшей сестре Алиеноре. Много позже Филипп Август запретит собственному сыну Людовику всякое участие в турнирах.

Для Плантагенетов смерть Джеффри, последовавшая всего лишь через три года после кончины «юного короля», стала очень жестоким ударом: мужская линия рода утончилась, и материковые владения прекрасного королевства Плантагенетов могли пострадать. Генрих II был слишком изворотливым дипломатом, чтобы не понять: теперь, более чем когда бы то ни было, надлежало поддерживать мир с королем Франции. На Благовещение, 25 марта 1187 года, в Нонанкуре состоялась очередная встреча Генриха с Филиппом. Ричард, не считаясь с перемирием, по-прежнему продолжал враждебные действия. Филипп Август воспользовался этим и совершил, с выгодой для себя, вылазку в Берри, где овладел двумя укрепленными пунктами: Грасэ и Иссуденом.

Одно обстоятельство, не вполне предвиденное, в корне изменило жизнь государей Запада. На протяжении многих лет вести, приходившие из Святой земли, становились все более неутешительными, и папа Урбан III вынужден был вмешаться и восстановить мир между графом Пуату и королем Франции. Теперь же события за морем приняли и вовсе трагический оборот: раздоры между князьями-крестоносцами, несостоятельность короля Иерусалимского, которым по крайне неудачному выбору стал один из Лузиньянов, а именно Ги, наконец, и более всего, ратная доблесть султана Саладина, уже объединившего под своей рукой Египет и Сирию, — все это поставило хрупкое Латинское королевство, и без того пребывавшее в опасно неустойчивом положении, на грань катастрофы. 4 июля 1187 года, в День святого Мартина «вспыльчивого», произошла битва на отрогах Хаттина. После нее войско франков практически прекратило существование, так что города, для завоевания которых столетием ранее были пролиты реки крови и слез, один за другим переходили в руки победителя. Акра пала 10 июля, Яффа и Бейрут — 6 августа, наконец, сам Святой Град Иерусалим был оставлен 2 октября того же рокового 1187 года.

Вести эти взбудоражили весь Запад и вызвали сильные чувства, благоприятствовавшие делу защиты Святой земли, которую христианский мир считал своим достоянием и на которой Христос явился и жил во плоти, претерпел смерть и восстал из мертвых.

Ричард одним из первых — уже на следующий день по получении известия о падении Иерусалима — взял крест из рук епископа Варфоломея Турского. Перед этим он побывал у короля Франции — он сам запросил примирения, которое было

Готфрид (Жоффруа) Плантагенет, граф Анжу и Мэна,
дед короля Ричарда Львиное Сердце.
Навершие погребальной плиты. Около 1151—1160 гг.

Белый Тауэр. Построен Вильгельмом Завоевателем.
До XVI века служил местом пребывания английских королей

Генрих II Плантагенет.
Миниатюра из «Книги королей
Англии», XIV в.

Гийом (Уильям) ле Марешаль.
Фрагмент надгробия

Алиенора Аквитанская. Изображение на саркофаге в церкви Фонтевро

Король Генрих II и Фома Бекет. *Миниатюра XIV в.*

Людовик VII.
Гравюра XVI в.

Фасад церкви
аббатства Сен-Дени,
усыпальницы
французских королей.
Перестроена в XII веке

◀ Замок Виндзор.
Вид со стороны Темзы.
Хорошо видна
Круглая башня,
главное укрепление замка,
построенное Генрихом II
Плантагенетом

Монета Филиппа Августа с его изображением

Бракосочетание короля Филиппа Августа и королевы Изабеллы.
Обряд совершает Гюи, архиепископ Санский.
Миниатюра из «Большой французской хроники». XV в.

Облачение рыцаря. Король препоясывает рыцаря мечом.
Руки рыцаря сложены вместе для принесения оммажа
(феодалной присяги) королю

Изабелла Геннегауская, первая жена
короля Филиппа Августа.
Гравюра XVI в.

Ингеборг Датская, вторая жена
короля Филиппа Августа.
Гравюра XVI в.

Развалины замка Шато-Гайяр

Ричард I, король Англии. Миниатюра из «Книги королей Англии». XIV в.

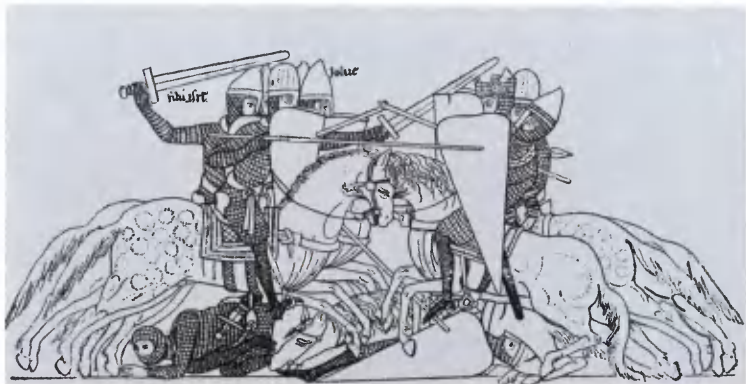

Бернгард де Вентадур.
Состоял в качестве трубадура
при дворе Алиеноры Аквитанской,
затем — графа Раймонда V Тулузского.
С миниатюры XV в.

Клятва верности даме. *С печати 1199 г.*

Рыцарский турнир. *С миниатюры XII в.*

Салах-ад-Дин (Саладин). *Фатимидская школа*

Поле битвы при Хаттине

Конный рыцарь.
Изображение
на печати. 1196 г.

Разгром христиан при Хаттине 4 июля 1187 года.
Миниатюра из «Хроники» Матвея Парижского

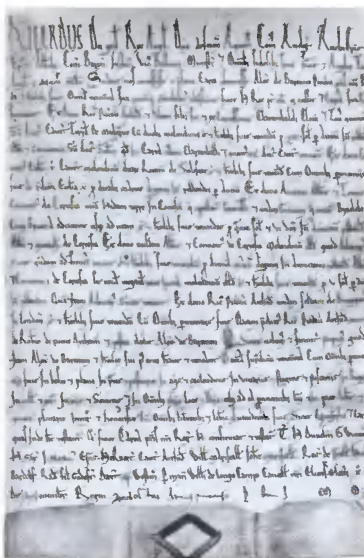

Коронация Ричарда I Львиное Сердце. Миниатюра конца XV в.

Выступления против евреев во время коронации Ричарда. ►
 Рисунок на казначейской расписке, подтверждающей выплаты
 английских евреев в пользу казны

Ричард, увенчанный короной. Рисунок на полях рукописи XIII в.

Грамота короля Ричарда Александру де Барентину, дворецкому Генриха II. 10 ноября 1189 года скреплена «Первой» Государственной печатью короля Ричарда

Круглая карта мира с Иерусалимом в центре.
Из английской Псалтири XIII в.

устроено его кузеном, графом Филиппом Фландрским. Хронист Гервасий Кентерберийский передает содержание беседы, произошедшей между недавними противниками. Ричард пребывал в задумчивости и вдруг возжелал мира, что позволило бы ему отправиться за море: «Я бы босиком отправился в Иерусалим, дабы снискать его благодать». На это Филипп отвечал: «Нужды нет идти туда пешком, бос ли ты, или обут; но вот если такому, как ты, дать коня да доспехи покраше, глядишь, и доберешься».

Очень возможно — во всяком случае, такое рассказывают некоторые летописцы, — что как раз во время этой встречи король Франции раскрыл Ричарду глаза насчет расхожих толков про свою сестру Аделаиду, которую, как говорили, соблазнил Генрих II: от него она родила сына, и этот ребенок, через несколько месяцев после своего появления на свет, умер. Теперь если и возможен был какой-то союз между Ричардом и Филиппом, то лишь против Генриха II.

Окончательно укрепило государей в их намерении появление на Западе патриарха Тирского. Его предшественник, Вильгельм Тирский, весьма почитался не только в Святой земле, но и в Европе. Выдающаяся личность мира христианского, он, среди прочего, оставил нам самую подробную и самую точную хронику событий в Святой земле, произошедших после воззвания папы Урбана II на соборе в Клермоне в 1095 году. Для его преемника 21 января 1188 года устроили торжественную встречу на середине пути из Жизора в Три.

Собрание решило, что следует объявить о сборе особой десятины по всем церквям, как во Франции, так и в Англии, на закупку оружия и снаряжения. Вскоре ее назовут «саладиновой десятиной». Короли и бароны принимали крест. Цвет креста указывал на область: у французских крестоносцев кресты были красными, у английских — белыми, зеленый обозначал Фландрию. Ко всему рыцарству было обращено торжественное увещание, призывавшее покончить с междоусобицами и печься о благе христианства, то есть об освобождении Иерусалима.

* * *

Однако в это время вновь ожили разногласия между Францией и Англией, а в самой Англии отец с сыном опять перестали ладить друг с другом. Можно было ожидать беспорядков, и они не замедлили с появлением. В Пуату снова стало неспокойно: сеньоров края не слишком заботила участь Святой земли — в конце концов, там сидел этот Лузиньян, потерпев-

ший целую череду поражений, по сути дела, подводивших черту под существованием Иерусалимского королевства. Если они и интересовались чем-то, так разве что взаимными распрями, которые возобновлялись, так и не успев толком стихнуть. Вновь составили заговор Эймар Ангулемский, Жоффруа Ранконский и Жоффруа Лузиньянский; подспудно ощущалось сочувствие мятежникам со стороны графа Раймона Тулузского, против которого Ричард воевал на протяжении двух предыдущих лет. За всем этим угадывались намерения Генриха II, всегда хотевшего обездолжить Ричарда в пользу Иоанна и все время подыскивавшего к тому поводы: на его взгляд, с Ричарда довольно было и того, что он наследовал королевство Плантагенетов и верховную власть над всей страной.

Однако граф Пуату уметь сопротивляться; к тому же он мог рассчитывать на помощь ордена госпитальеров, получившего от него немаловажные уступки: магистру английского отделения ордена Гиранду он предоставил на льготных условиях принадлежавший некоему Гийому Котрелю дом в Ла-Рошели, построенный в порту в очень удобном месте, на берегу океана. Госпитальерам очень кстати был этот выход к морю, чтобы доставлять в свои замки в Святой земле коней, сено и фураж для них и пшеницу для солдат гарнизона. Там, далеко за морем, в главной твердыне ордена, прославленной под именем Крак-де-Шевалье, готовились к отражению ударов Саладина. Ясно, что в Ла-Рошели, как и в Марселе, госпитальеров привлекали пристани и возможность создания перевалочных пунктов.

Впрочем, внимание Ричарда привлекала и будничная жизнь его доменов. Так, он устроил в Ла-Рошели общественную весовую и пожаловал ее некой женщине по прозванию Птит, то есть «Малышка», супруге Гийома Лежье, за что смотрители весов должны были ежегодно вносить в казну серебряный кубок, весом в одну марку; еще он дозволил Жоффруа Берлану, которому принадлежали кладовые на ярмарке в Пуатье, сдавать их внаем рыночным торговцам...

Между тем события все более запутывались. В том же 1188 году Ричард, который думал теперь прежде всего о крестовом походе (в Пуату он выпустил из темниц всех узников, пожелавших принять крест), ввязался в стычки, которые то здесь, то там провоцировал Раймонд VI Тулузский. Так, когда Ричард задержал одного из свиты тулузского графа, некоего Пьера Селена, Раймонд тотчас схватил двух рыцарей, возвращавшихся из паломничества в Сантьяго-де-Компостела, и предложил Ричарду обменять их на Пьера Селена. Ричард отказался, обратившись к королю Франции за посредничеством в этом деле, но тщетно. Поэтому пришлось отвечать на вызов

с оружием в руках. Ричард взял Муассак и подошел к Тулузе на опасно близкое расстояние. На этот раз уже Раймонд обратился к Филиппу Августу, который напал на города в Берри: Шатору, Бюзансэ, Аржантон, Левру, Монришар. Тогда Генрих II тоже решил вмешаться в конфликт и предложил тяжущимся посредничество третейского судьи. Таковым, по его предложению, стал архиепископ Дублинский Иоанн Камин. Прелат вынес решение в пользу Ричарда: оба рыцаря, взятые в заложники Раймоном Тулузским, суть паломники, посему они неприкосновенны.

Тем временем нарастала напряженность в отношениях с Филиппом Августом: Ричард, в ответ на атаки на города Берри, захватил замок Рош, принадлежавший французскому рыцарю Гийому де Барру, приближенному короля. Владелец замка попал в плен, но сумел бежать во время весьма свирепой схватки, завязавшейся 28 июля 1188 года у Манта. Затем последовала череда встреч королей Англии и Франции. Одна из них особо отмечена летописями. Произошла она между Жизором и Три, в уже ставшем привычным месте, в пределах Нормандии. Там рос могучий вяз, очень старый; наверное, ему было много сотен лет, во всяком случае, его ствол едва могли обхватить девять человек. Августовским днем Генрих Плантагенет постарался укрыть своих людей от удушающей жары, благо что англичане прибыли первыми; они заняли все пространство, на которое падала тень вяза, а вот припозднившемуся Филиппу Августу с приближенными пришлось располагаться на солнцепеке. День проходил, как и подобало по обычаю, в обмене посланиями; между лагерями французов и англичан сновали туда и сюда гонцы. Однако ближе к вечеру один из тех уэльских наемников, из которых Генрих II набрал добровольцев для своей охраны, вдруг выпустил стрелу. Взъерившись на англичан не только за вызывающе невежливое поведение на протяжении всего дня, но и за попрание ими рыцарских обычаев, французы напали на партнеров по переговорам, вынудив их к беспорядочному отступлению под укрытие мощных стен Жизорского замка, который по-прежнему занимали англичане. Вернувшись к вязу, французский эскорт обратил свой гнев на старое дерево: толстенный ствол посекли в щепки, так что от вяза ничего не осталось. Филипп Август, державшийся в стороне от столь бурных событий, остался, впрочем, очень недоволен случившимся. «Что я, лес рубить сюда явился?» — вопрошал он.

После этого происшествия Ричард вновь сблизился с Филиппом Августом. Более чем когда-либо, он досадовал, что отец не уступает ему ту власть, на которую он, Ричард, имеет

полное право, и даже оттягивает полагающуюся ему коронацию, хотя Генрих Младший в свое время был помазан на царство.

Новая встреча между Генрихом II и королем Франции была назначена на 18 ноября 1188 года, на этот раз в Бонмулин, коль скоро вяз мира более не существовал. Развязка этой встречи оказалась еще более неожиданной. Генрих Плантагенет в изумлении увидел сына и предполагаемого своего наследника Ричарда напротив себя и плечом к плечу с королем Франции; Филипп начал с вопроса, с которого начиналась каждая встреча между двумя королями и который превратился в некое подобие обряда: как обстоят дела с бракосочетанием его сестры Аделаиды и когда же она наконец станет супругой наследника английского престола? Но к этому привычному вопросу Филипп на этот раз присовокупил еще одно требование: Ричард, здесь присутствовавший, должен был получить, наряду с уже принадлежавшими ему правами графа Пуату, также Турень, Анжу, Мэн и Нормандию — то есть те провинции, феодальным сеньором которых был Филипп как король Франции.

Но на такое соглашение с Ричардом Генрих II как раз и не хотел идти; памятуя о затруднениях, рассоривших его со старшим сыном, он остерегался давать следующему хотя бы малую частицу власти. «Вы требуете от меня того, на что я не готов согласиться», — отвечал он на притязания Филиппа.

«Я вижу ясно как день то, что доселе представлялось мне невероятным», — отвечал Ричард. На виду у ошеломленных воинов обоих эскортов он снял с себя пояс с мечом, непрепоясанным преклонил колени перед королем Франции и, как пристало по обычаю принесения присяги, вложил длани свои меж ладоней Филиппа, а затем провозгласил себя вассалом последнего, обязанным ему повиновением за свои французские домены и испрашивающим у него помощи и покровительства, дабы быть облеченным подобающими правами и полномочиями.

Нет нужды добавлять, что эта встреча не могла продолжаться долго. Оммаж, принесенный Ричардом, да еще так, как это было сделано, означал самое недвусмысленное объявление войны отцу. И словно бы затем, чтобы уж никаких сомнений насчет сыновнего бунта не оставалось, примерно за месяц до Рождества Ричард направился вместе с Филиппом в Париж, тем самым давая знать о намерении по-своему провести праздничное время. А ведь отмечать Рождество ему надлежало подле отца. Генрих вместе со своим единственным сохранившим верность младшим сыном, Иоанном Безземельным, направился в

Сомюр. Времена блистательных ассамблей, когда собиралась вся семья, миновали. Судачили, что как раз младшему сыну Генрих собирается отдать свое королевство; в глазах всех он был лишь стариком, изнуренным жизнью и уже почувствовавшим свой близкий конец. Тем временем перемирия то нарушались, то возобновлялись.

Ричард, похоже, весьма весело проводил время во Франции вместе с Филиппом, подобно тому, как некогда веселился там его брат Джеффри. Два принца, казалось, были неразлучны; они делили друг с другом трапезу, а при случае или в силу необходимости — и постель (в то время это не выглядело чем-то из ряда вон выходящим или подозрительным), совместно председательствовали на собраниях, празднествах и церемониях, которых было немало, ибо год заканчивался.

Война должна была возобновиться с приходом весны, но Генрих, здоровье которого явно ухудшалось, предоставил течение событий на усмотрение Ричарда. Накануне Пасхи он послал к нему архиепископа Кентерберийского Балдуина; встреча произошла в Ла-Ферт-Бернар. В который уже раз прозвучал вопрос о бракосочетании Ричарда и Аделаиды: целых двадцать два года прошло с тех пор, как невеста была обещана графу Пуату! Ричард, не утруждаясь ответом, выдвинул новое требование: коль скоро сам он решил отправиться в Святую землю, то пусть и брат его Иоанн сделает то же. На самом деле, наслушавшись сплетен про взаимоотношения отца с сыном, Ричард опасался, как бы отец не воспользовался его затяжной отлучкой и не короновал вместо него своего младшего.

Происходили и вооруженные стычки, впрочем, не слишком значительные. Во всяком случае, Ричард напал на город Ле-Ман, куда удалился Генрих, а Филипп тем временем вошел в город Тур. Было решено провести новую встречу, на этот раз в Коломбье, между Туром и Азе-ле-Ридо. Генрих II появился таким бледным и изможденным, что короля Франции тотчас охватила острая жалость; сложив свой плащ вчетверо, он предложил гостю сесть на него, но Генрих отказался. Два государя договорились обменяться списками тех сеньоров, которые присоединились к каждому из них. После того как Генрих Плантагенет удалился, его доставили в Азе-ле-Ридо, затем в Шинон, где он слег в постель, чтобы более не подниматься.

Тут случилось необыкновенное происшествие, о котором вспоминают все историки. Плантагенет попросил Гийома Марешаля, одного из немногих всегда хранивших ему верность баронов, зачитать знаменитый список, полученный его канц-

лером Роджером от Филиппа Августа. Лишь бросив взгляд на перечень, Гийом не смог сдержать возгласа удивления: в самом начале значилось имя Иоанна Безземельного, любимого сына короля. Он, должно быть, переметнулся к Ричарду совсем недавно, и король еще не ведал об измене, которой ожидал менее всего. Гийом стал читать далее, но король прервал его: «Довольно» и, обратив лицо к стене, стал недвижим. Следующий день миновал, но было непонятно, остается ли король в своем уме. На третий день изо рта и ноздрей хлынула кровь: он умер. Произошло это 6 июля 1189 года.

Глава пятая

КОРОЛЬ АНГЛИИ

Королем Англии Ричард стал при обстоятельствах трагических. Казалось, отец с сыном давно помирились и как будто бы простили друг друга еще после кончины Генриха Младшего. Однако тогда, в июле 1189 года, ничто не свидетельствовало о каком-либо смягчении их отношений: наоборот, рассказывали, что когда Ричард появился в замке Шинон, чтобы забрать останки родителя, покойник лежал в крови, ноздри его багровели, словно старый король продолжал гневаться на своего сына, который мало того, что сам изменил отцу, но еще и втянул в измену совсем юного, почти ребенка, младшего своего брата, последнего королевского «орленка».

Похоже, что Ричарда и в самом деле огорчила эта смерть, которой он, надо сказать, немало добивался. Тот самый летописец, что описывал окровавленный лик отныне недвижимого Генриха II, изображает скорбь и рыдания графа Пуату на протяжении всего пути сопровождаемых им останков отца в аббатство Фонтевро, где они и были погребены. Тот же хронист сообщает попутно еще об одной смерти, случившейся чуть раньше: 28 июня скончалась сестра Ричарда Матильда, герцогиня Саксонская, могила которой в Брауншвейге сохранилась до сего дня. Супруг же ее почил лишь в 1195 году, завещав своему городу роскошное Евангелие, украшенное миниатюрами со сценами коронации Матильды...

Что и говорить, скорбные времена настали для дома Плантагенетов! Были соблюдены все подобающие торжественному погребению обычаи: Генрих II упокоился во всем блеске королевского величия — золотая корона на голове, золотое кольцо на пальце, скипетр в руке, меч на боку. Да и выбор Фонтевро как царственной усыпальницы, монахи и послушники которой молились бы за самодержца, возвещал начало важной эры в истории династии, правившей островом и немалой областью материка. А выбор этот объяснялся прежде всего величествен-

ным обликом монастыря: едва ли можно было найти более подходящее место для вечного упокоения членов английской королевской династии¹.

* * *

В силу двусторонних обязательств, принятых на себя Генрихом II и Филиппом Августом, предполагалось, что новый король Англии принесет оммаж королю Франции за свои материковые фьефы. Сестра Филиппа, вечная невеста, должна была выйти замуж за Ричарда сразу же по его возвращении из Святой земли. Отбытие в экспедицию, которую он, похоже, так страстно желал и которую его отец как будто бы старался задержать, намечалось на Великий пост, то есть на весну 1190 года. Но до этого следовало еще разобраться с противниками и сторонниками короля Генриха, да и с другими делами, на что и ушел целый месяц до отправления в Иерусалим. Кроме того, покойный король посулил королю Франции сумму в 20 тысяч марок серебром и передачу в залог Ричарду и Филиппу двух городов, Мана и Тура, а также двух замков, Луарского и Троо.

Как же поступил Ричард с теми, кто верно служил его отцу, а значит, выступал против него? Силу его гнева вполне ощутил на себе Этьен де Марсэй, сенешаль Анжу. Как только Генрих II был погребен, Ричард бросил сенешаля в тюрьму, велел ковать его в железо и пытать до тех пор, пока тот не вернет все замки и сокровища, полученные от усопшего короля за службу. Дошло до того, что Ричард устроил побег жены сенешаля и помог ей выйти замуж за другого! Но этим его месть и ограничилась, ибо, вопреки ожиданиям, все остальные, кто верно служил покойному королю, сохранили свои посты и все свое достоинство. Напротив, те, кто оставил Генриха II в беде, нимало не снискали расположения его наследника. Даже тех трех

¹ Какой горечью отдает ныне любое, пусть мимолетное, упоминание о Фонтевро! Мало того, что история не поскупилась на всяческие унижения для обители, а революция даже обратила монастырь в тюрьму, так 1987 год принес новое, неслыханное прежде оскорбление: это место получила компания, которая управляет еще и Парком развлечений в Марнела-Валье; она и устроила в аббатстве гостиницу, привлекающую туристов рекламой в духе такого, например, объявления: «Королевское аббатство Фонтевро: отель "три звездочки" в сердце тысячелетия» (!). Вот как осуществляются сокровенные мечтания наших властей, отвечающих за культуру и в грезах своих видящих все наши исторические памятники «рентабельными». Впрочем, рассуждения на подобные темы уведут нас слишком далеко от времен Ричарда Львиное Сердце.

сеньоров, которые изменили его отцу, чтобы перейти на сторону графа Пуату, постигло жестокое разочарование: все они, Ги де Валье, Рауль де Фужер и Жоффруа де Майенн, надеялись на возвращение отнятого у них Генрихом II, но Ричард и не подумал идти им навстречу, ссылаясь на то, что предательство остается предательством и, следовательно, заслуживает кары. Сейчас такое поведение вызывает удивление, но оно было обыкновенно во времена, когда феодальные связи держались на верности и нерушимости обещаний, а всякий обман и любое нарушение договора заслуживали презрения — каковы бы ни были выгоды, проистекающие из столь неблагоприятных дел...

Ричард постарался как можно лучше принять своего брата Джона (будущего короля Иоанна Безземельного) и оказал ему все мыслимые почести. Добавим, что он тогда же приложил все старания, чтобы удержать на своей службе двух самых верных слуг Генриха II, Мориса де Краона и Гийома ле Марешаля. А ведь у него были веские основания для неприязни и злопамятности в отношении последнего: Маршалль сражался с Ричардом совсем недавно, когда прикрывал отступление Плантагенета к городу Ман.

Знаменитая беседа между ними, о которой сообщает нам автор «Жизнеописания» Гийома ле Марешаля, представляется настоящим образчиком жанра, таким отрывком из антологии, составленной из самых ярких эпизодов, достойных украсить любой рыцарский роман. Когда Гийом предстал перед своим новоиспеченным сувереном, побывавшим в свое время у него в учениках, тот поначалу выказал суровость. «Маршалль, — сказал он, — день назад (на самом деле прошло уже дней десять. — *Р. П.*) вы хотели меня убить, и у вас бы это получилось, если бы я своей рукой не отвратил ваше копье».

«Сир, — отвечал Гийом, — я не намеревался убивать вас; в моих привычках точно доставлять свое копье туда, куда я его направляю. Мне столь же просто было поразить ваше тело, как я поразил вашего коня. Я убил вашу лошадь, но не думаю, что я поступил дурно, и не испытываю по этому поводу никакого сожаления». На это удовлетворенный Ричард ответил: «Я вас прощаю и не держу на вас зла».

Сцена очень хорошо передает дух нового царствования. Наряду с неистовством, честолюбием и жестокостью, новому королю Англии отнюдь не чужды были справедливость и щедрость. И все его будущее правление подтверждает это. Не терпел он только лжи и предательства.

Сразу же после похорон отца в Фонтевро Ричард отправился в Нормандию, в Руан. 20 июля, на День святой Маргариты, он был торжественно возведен в герцогское достоинство

и принял герцогский меч в присутствии архиепископа Готье и нормандских епископов, графов и баронов, по принесении присяги на всемерное сохранение верности своему народу. Эта первая церемония дала новому герцогу случай проявить великодушие и осыпать подданных милостями. Прежде всего он отдал юную Матильду, свою племянницу, дочь герцога и герцогини Саксонских, в жены Жоффруа, сыну Ротру де Перша, одного из высших нормандских вельмож; Гийому ле Марешалю он предложил руку Изабеллы, одной из богатейших наследниц в королевстве, отцом которой был Ричард, граф Пемброк; Жильберу, сыну Роже Фиц-Рэнфруа, который верно служил покойному королю сенешалем, он пообещал Элоизу, дочь Уильяма Ланкастера, барона Кендала, еще одну богатую наследницу.

Но более всего он обласкал своего младшего брата, единственного оставшегося у него, обратив к нему всю широту своей души; Иоанн Безземельный нимало не заслуживал своего прозвища после церемонии в Руане. Он стал графом Мортэнским и получил четыре тысячи ливров земли в Англии; кроме того, Ричард подтвердил права младшего брата на все уделы, которые тому были пожалованы покойным отцом. Джон не стал медлить с женитьбой и уже в августе обвенчался с Эйвис Глостерской¹. Брат же Ричарда Джеффри (Жоффруа), один из двух внебрачных сыновей Генриха Плантагенета, избравший духовное поприще и служивший к тому времени в церкви в Линкольне, был возведен Ричардом в архиепископы Йоркские. Назначение это, однако, оказалось слишком поспешным, поскольку Ричард не счел нужным учесть мнения каноников и прелатов этой епархии и даже не посоветовался с ними.

В следующую субботу, пришедшуюся на День святой Марии Магдалины (22 июля), Ричард впервые вел переговоры как король с королем французским Филиппом Августом — он, правда, еще не был помазан на царство, но этого оставалось ждать совсем недолго. Переговоры имели место между Шомоном и Три, в границах той самой Нормандии, герцогом которой отныне был Ричард. Небывало пылкая дружба, воцарившаяся было между двумя молодыми людьми при жизни Генриха II, успела слегка охладеть. В самом деле, Филипп поспешил предъявить притязания на замок Жизор. Ричард постарался уклониться от разговора о сроке, к которому Франция могла бы заполучить названную крепость с окрестными угодьями, за-

¹ Внучка и наследница могущественного нормандского сеньора Робера Канского.

ведя речь о женитьбе на Аделаиде, вечной своей невесте. К тому же он напомнил о субсидии, посулив присовокупить еще четыре тысячи марок серебром и четыре тысячи фунтов стерлингов вдобавок к тем 20 тысячам марок, которые уже пообещал его отец. Встреча на этот раз происходила вовсе не под знаменитым вязом, как иногда думают, и едва не закончилась трагедией. Ричард уже подъезжал к Жизору, когда деревянный мостик проломился под копытом его коня. Всадник провалился в ров вместе с лошастью, но поскольку ров наполовину был заполнен водой, король отделался не слишком серьезными ушибами. После этого Ричард направился к Барфлеру, куда прибыл и его младший брат Джон.

Ричард поступил вполне разумно, направив в Англию Гийома ле Марешаля с поручением освободить свою мать, королеву Алиенору. Прибыв в Винчестер, Гийом, как сам он потом рассказывал, обнаружил, что королева «уже освобождена и еще более властна, чем когда-либо прежде». Королева не теряла времени зря. Вырвавшись из-под надзора (а покойный Генрих приставил к ней трех своих доверенных мужей — Ральфа Фиц-Стивена, Анри де Берневаля, Ренуфа де Глянвилля), она, поражая всю Англию своей решительностью, стала готовить встречу и коронацию самого любимого из своих сыновей, а в сущности, единственного у нее оставшегося, поскольку она так никогда и не преодолела своего недоверия к младшему, Джону. «Первым делом она повелела освободить всех узников»; на этот счет последовал специальный указ. Всякий, кто был схвачен и брошен в узилище, получал право лично представлять доводы в свое оправдание. Те, кого поймали за порубкой леса, освобождались немедленно; таких было немало, ибо покойный король, пекшийся об охотничьих угодьях, коих всегда не хватало в Англии, умножил число указов, доходивших до дикости: за самовольную порубку или за погубленного зверя нарушителя могли покалечить или подвергнуть иному жестокому наказанию. Порыв вольного ветра рассеял туманы над островом и вызвал ответный прилив верности новому суверену. Для начала Ричард постарался вернуть утраченные земли Роберту, графу Лестерскому, которого его отец лишил всех прав, а затем сделал то же со всеми, чьи права и вольности были отменены либо приостановлены Генрихом II. Он также позволил всем главным епископам Англии — Балдуину Кентерберийскому, Гилберту Рочестерскому, Гуго Линкольнскому, Гуго Честерскому — вернуться в свои островные епархии. Некоторым епископам с материка, Готье де Кутансе, архиепископу Руанскому, Генриху, епископу Байе, Иоанну, епископу Эврё, было предложено участвовать в его коронации в Вестминстере.

Таким образом, коронации предшествовали добрые предзнаменования. Каждый надеялся, что с воцарением Ричарда наступят какие-то послабления, ибо все устали от правления, обратившегося в тиранию, особенно в Англии. Генрих был королем мудрым и, как принято выражаться в наше время, благоразумным. Но мало-помалу его власть становилась все более самодержавной. А с тех пор, как Алиенора была лишена власти и заменена красавицей Розамундой, воля короля и вовсе лишилась какого бы то ни было противовеса. Коль скоро король оказался там же, где и его любовница, что еще оставалось королеве-матери, как не угождать народу да проторивать пути для сына, которого она называла Ришар Пуатевинец: хотя Ричард и родился в Оксфорде, он не очень-то много хаживал по английской земле, ибо покойный король не подпускал сына к делам общественным. И Алиенора стала колесить по стране, «от града к граду, от замка к замку», повсюду открывая тюрьмы, умножая милости, утверждая меры, которые ныне представляются нам удивительными, ибо они выдержали испытание временем, и более того, со временем значение их только росло. Она, например, установила единые меры длины и объема по всему королевству, освободив тем самым торговцев и народ от необходимости учитывать мелкие погрешности, связанные с употреблением различных мерных единиц (они менялись от города к городу и от провинции к провинции), что заметно облегчало повседневную жизнь во времена роста торговли и рыночной экономики.

Когда Алиенору освободили, ей было шестьдесят семь лет. Старость, до которой она дожила, стала для нее порой мудрости, решений, исполненных зрелости и рачительности, ибо она никогда не теряла связь с миром, а период вынужденной бездеятельности сумела превратить во время размышлений. До самой своей смерти в 1203 году она выказывала черты той «жены несравненной», которую прославил Ришар де Девиз: «Королева Алиенора, жена несравненная, прекрасная и целомудренная, властная и скромная, смиренная и речистая, что весьма редко встречается в женщине, и еще двоих королей она имела мужьями и двоих королей сыновьями, и не знала она ни истощения сил, ни бездеятельности...»

Бенедикт из Питерборо, или, вернее, тот, кто написал «Gesta Henrici» («Деяния Генриха»), чрезвычайно зоркий свидетель эпохи, хорошо передает общие ожидания в стране перед воцарением Ричарда: «Все королевство радовалось восшествию герцога на престол, ибо всяк уповал по милости его обрестись в лучшем положении». Вот еще одна цитата о том же: «Чудное

дело: солнце закатилось, а ночь не наступила». Или вот такая витиеватая игра словами, во вкусе той, любившей каламбур, эпохи: «В самом деле, верно, что ночь не настала, хотя солнце зашло, но это потому, что солнечный луч дотянулся до почвы и осветил ее всю так, что само солнце показалось слишком ясным и слишком далеким: более того, в час, когда солнце закатилось за горизонт, этот луч его не познал ни падения, ни затмения, явившись сам тотчас как бы ядром солнечным, и солнце явилось в сем ядре явственно повторенным, и луч нового солнца сего, без всякого покрова облачного, без какого-либо ущерба преграждающего, явился много более великим и более светлым... Отец был солнцем, а сын — лучом».

Вот в такой, быть может, слишком мудреной, хотя и не лишенной блеска, литературной манере монах-летописец передает общее настроение, с которым Англия ожидала Ричарда. Среди прочего, хронист приводит такое разъяснение: «Итак, сын, взойдя над горизонтом, продолжил добрые труды своего отца, прекращая те, что были дурны. Тех, кого отец обездолил, сын восстановил в их былых правах. Сосланных вернул из изгнания. Закованных отцом в железа, сын отпустил целыми и невредимыми. Тех, кому отец определил различные кары во имя правосудия, сын помиловал во имя благочестия».

Ричард между тем пристал к английскому берегу в воскресенье после празднования Успения Богородицы и высадился в Портсмуте, тогда как его брат Джон причалил в Дувре. Король был встречен духовенством и народом с «почестями и выражениями преданности». Его путь лежал через Винчестер и Солсбери. Там праздновалось бракосочетание одного из преданнейших слуг Плантагенетов, Андре де Шовиньи, в присутствии епископа Гилберта Рочестерского и королевы Алиеноры: Андре брал в жены ту самую Денизу, отцом которой был Рауль де Деоль и которую некогда так заботливо охраняли из-за чрезвычайной озабоченности отца, а ныне вдову Бодуэна де Ревера, ставшего тогда ее супругом. Она унаследовала домен Шатору с его совладениями в Берри.

Потом, не теряя из виду забот, связанных с предстоящим крестовым походом, Ричард оценил состояние всей королевской казны, унаследованной от отца: результаты учета хронисты оценивают по-разному: 90 тысяч ливров золотом и серебром, по Бенедикту, или более ста тысяч марок, согласно Роджеру Ховденскому, причем второй летописец был более внимателен к начальному периоду этого царствования.

Пока продолжались приготовления к коронации, Ричарду пришлось решать и более запутанные дела, в частности тяжбу, возникшую в связи с возведением своего брата Джеффри в

архиепископы Йоркские. Об этой тяжбе мало что можно сказать определенного, кроме того, что она так и осталась не совсем улаженной, хотя каноники собора в Йорке уже избрали Джеффри на кафедру и торжественно интронизовали. Но из-за двойного сопротивления архиепископа Губерта Готье и королевы Алиеноры, которая не любила этого бастарда своего мужа, статус Джеффри оставался несколько сомнительным. 29 августа Джон обвенчался с Эйвис (Изабеллой) Глостер, и повторилась уже знакомая нам ситуация — церемония дала случай царственному брату жениха осыпать последнего своими щедротами: Ноттингем, Уоллингфорд, Тикхилл и многие английские замки с их доменами присоединились к материковым владениям младшего брата, пожалованным прежде.

Венчание Ричарда на царство свершилось 3 сентября 1189 года в Вестминстере; как и подобало, он принял освящение от архиепископа Кентерберийского, которому помогали Готье, архиепископ Руанский, Иоанн, архиепископ Дублинский, архиепископ Трирский, которого звали Фульмар или Формаль (точно неизвестно), святой епископ Гуго Линкольнский и почти все прелаты Англии, как епископы, так и аббаты, в том числе предстоятель из Риво и настоятель монастыря Сандени во Франции аббат Гуго Фуко; не менее впечатлял и кортеж из баронов, в котором были заметны не только брат короля Джон, ставший графом Мортэнским и Глостерским, но также Роберт Лестерский, который совсем недавно был в ссылке, Гийом ле Марешаль, ставший, благодаря браку, графом Стригилским, король Шотландии с братом Дейвидом, графом Хантингдонским. Из числа служивших отцу нового короля выделялся бывший юстициарий Англии Ренуф де Глянвилль, обласканный Ричардом, несмотря на рвение, с которым он надзирал за королевой Алиенорой во время ее опалы, до тех пор, пока ей не была предоставлена резиденция. Короче говоря, «едва ли не все аббаты, приоры, графы и бароны Англии при сем присутствовали», как замечает Роджер Ховденский.

Что и говорить, церемония весьма пышная. Ее с репортерской точностью, во всех деталях, зафиксировал для нас один из хронистов, Бенедикт из Питерборо. Не будь Ричарда, мы, быть может, мало что знали бы об английском обряде венчания на царство: похоже, что текст Бенедикта был первым описанием этого ритуала.

Итак, епископы, аббаты и клирики, по большей части в пурпурных шапках, с крестом во главе шествия, со свечами и кадилами, двинулись чередой ко вратам королевских палат и там, приняв Ричарда, ввели его в Вестминстерскую церковь и проводили к алтарю; торжественное шествие сопровождалось

песнопениями. Во главе шли клирики в белых облачениях, неся святую воду, крест, свечи и кадила. Потом шли аббаты, за ними следом епископы. Их сопровождали четыре барона, которые несли канделябры со свечами.

Далее шествовал Жан ле Марешаль, неся в руках две большие шпоры из королевской сокровищницы. Подле него шел Жоффруа де Люси и нес королевскую скуфью.

За ними двигались два графа — Гийом ле Марешаль, граф Стригилский и Уильям, граф Солсбери. Один из них, Гийом ле Марешаль, нес королевский скипетр, вершина которого была увенчана золотым крестом. Второй, Уильям, граф Солсбери, нес королевский жезл, с голубем на вершине.

Вслед за ними шли три графа: Давид, брат короля Шотландии, граф Хантингдонский, Роберт, граф Лестерский, и, по середине, Джон, граф Мортэнский и Глостерский; они несли три меча с золотыми украшениями из королевской сокровищницы. Следом шли шесть графов и баронов, которые несли столик с королевскими инсигниями и облачениями.

Шествие замыкал Уильям де Мандевилль, граф Омальский и Эксетерский, с золотой короной в руках. Наконец появился сам Ричард, герцог Нормандский; по правую руку от него находился Гуго, епископ Даремский, по левую — Регинальд, епископ Батский. Над Ричардом несли шелковый полог. Затем вся процессия вошла в храм и остановилась около алтаря. Воображению представляется безмолвное, но торжествующее присутствие королевы Алиеноры, которая и устроила коронацию, предусмотрев все подробности церемонии...

Когда же все присутствующие предстали пред алтарем, Ричард обратился к собранию лицом и перед всеми, архиепископами и епископами, аббатами, графами, баронами, клириками и народом, произнес три присяги: он поклялся и дал обет пред святым Евангелием и многими мощами святых посвятить все дни жизни своей мирному, честному и благоговейному служению Богу и святой церкви и исполнению всего, что они повелевают или соблаговолят повелеть ему. Затем он поклялся творить праведный суд вверенному ему народу. Наконец, он поклялся истреблять дурные законы и извращенные обычаи, буде таковые отыщутся в его королевстве, и охранять добрые. После чего он сбросил одежду, оставив на себе лишь прикрывавшую плечи сорочку да кальсоны. Стопы его вдели в златотканые сандалии. Архиепископ вложил в правую руку его скипетр, а в левую — королевский жезл.

Затем Балдуин, архиепископ Кентерберийский, произнеся подобающие случаю молитвы, трижды нанес на тело святое миро, помазав голову, плечи и правую руку короля. На голо-

ву Ричарда были возложены плат из освященного льна и поверх его скуфья. Затем он облачился в царственные одежды, надел тунику и подрясник-далматику, после чего архиепископ вручил ему меч, дабы он мог преследовать врагов Церкви. Затем два графа закрепили на ногах его золотые шпоры из королевской сокровищницы, и, наконец, король вновь облекся в плащ.

Ричарда подвели к алтарю, и архиепископ призвал его именем Божиим принять все эти почести в знак соблюдения принесенных им обетов. Ричард отвечал: «Помощию Божией да сохраню я все сие во всей вере благой».

И взяв корону с алтаря, он передал ее архиепископу; архиепископ же тотчас увенчал ею голову Ричарда. По правую руку короля встал епископ Дарема, по левую — Регинальд Батский. Эти два епископа повели затем Ричарда к королевскому престолу; впереди шли вышеупомянутые священосцы и меченосцы с тремя мечами. Затем началась воскресная литургия. По ходу мессы два епископа принесли к престолу Святые Дары.

После завершения мессы и совершения всех полагающихся обрядов те же епископы, один справа, второй слева от короля, вывели его, увенчанного короною и со скипетром в правой руке и королевским жезлом в левой, из церкви и проводили до палат. Затем вся процессия прошла на хоры. Король тем временем освободился от короны и королевских риз и, возложив на свою голову более легкую диадему и облачившись в приготовленные для него одежды, направился на трапезу; архиепископы, епископы, аббаты и прочие клирики воссели с ним за стол, каждый на свое место, сообразно сану и достоинству. Графы, бароны и рыцари воссели за иные столы, и началось славное пиршество.

Мне, не юнцу и не невежде,
Знать не доводилось прежде
Учтивости, столь неподдельной,
В торжественности беспредельной
Дворца, где все в прекрасном зале
Три дня, три ночи пировали,
Король же каждому барону,
Вознаграждая верность трону,
Удел и вотчину вручал¹.

Вышеописанное великолепное торжество, к сожалению, оказалось омрачено весьма зловещим эпизодом. Накануне король запретил кому бы то ни было из евреев, будь то мужчина или женщина, присутствовать на обряде венчания на царство;

¹ Европейский порядок наследования фьефов и ленов вне зависимости от воли суверена утвердился в Англии лишь к концу XII века. (*Прим. пер.*)

предосторожность вовсе не лишняя: во всякой разгоряченной толпе возможны беспорядки, а народу по столь великому случаю в изобилии раздавали мясо и вино. Однако, несмотря на запрет, многие из богатых евреев захотели прийти на коронацию. Дворцовая стража, действуя на свой страх и риск, принялась наводить порядок. Бенедикт из Питерборо сообщает о побоях и ранениях, в том числе и смертельных. Так, он рассказал о некоем Бенедикте, еврее из Йорка, который, будучи избит, почувствовал себя при смерти и попросил его крестить... Сверх того, лондонские горожане, услышав о случившемся у врат Вестминстера, напали на дома евреев в городе: одних убили, а у других спалили жилища; евреи обратились в повальное бегство: некоторые из них пытались укрыться в лондонском Тауэре, другие — у друзей.

На следующий день после коронования король Ричард, узнав о произошедшем, послал в город стражников. Несколько виновных были схвачены и подвергнуты допросу. Трех из них, по приговору суда, повесили: одного за грабеж, двух других за поджог. Кроме того, король допросил крещеного еврея, потребовав у него ответа на вопрос: действительно ли тот стал христианином? Последовал отрицательный ответ. «Как это может быть?» — обратился Ричард к архиепископу Кентерберийскому. «Коль не стал сей человеком Божиим, зная, остался он человеком дьявола», — ответил не раздумывая архиепископ. И в самом деле, продолжает хронист, тот, который стал было христианином, вернулся к закону иудейскому. Король Ричард затем разослал гонцов и свои послания по всем графствам Англии с запрещением налагать руки на евреев и предписанием для них королевского мира.

День 5 сентября был посвящен принятию присяги на верность: сначала королю присягнуло духовенство: архиепископы, епископы, настоятели монастырей, затем присягали графы и бароны земли английской.

Но уже очень скоро Ричард Первый, король Англии, вспомнил о своем великом замысле и вновь стал печься только об одном: о походе в Святую землю. Это и стало главным содержанием и как бы эмблемой всего его царствования. Стоило ему помазаться на царство, как все действия, которые он мог предпринять уже как король, имели своей целью осуществление этого заветного замысла и тем самым исполнение обязательства, принятого в свое время его покойным отцом и им самим перед рядом сменявших друг друга пап, тревожившихся об участи Иерусалима, особенно после того, как Святой Град вновь оказался в руках неверных. Так что, вернувшись после коронации в свои поместья, бароны «нимало не успели вновь обжиться».

Ибо король, всех поименно
Призвав, велел им непременно
Припомнить прежние кочевья...
Чтоб поскорее корабли
Уйти к Святой земле смогли...
Король спешил составить флот:
Превыше царственных забот
Паломничество — лишь о нем
Он грезил ночью, думал днем.
И слал во все края гонцов,
И звал в дорогу удальцов:
Гасконь, Нормандию, Анжу,
Бургундию и Пуату,
Берри и все свои уделы
Подвиг он на святое дело.

Так поэт Амбруаз, который оставил нам подробнейшее описание экспедиции, позволяющее проследить ее ход от начала до конца, описывал озабоченность короля, понимавшего, что его ждет за морем, — ведь Ричард знал, что случилось с участниками прежних крестовых походов, будь то бароны или простолюдины.

Намерение покинуть королевство подразумевало, среди прочего, и необходимость учредить администрацию, которая могла бы заменить королевскую власть. Стоит потому присмотреться, как именно Ричард тогда назначал юстициариев — так именовались судьи, возглавлявшие выездные суды с расширенными полномочиями. Ренуф де Глянвилль, исполнявший эту должность, попросился в отставку, ссылаясь на преклонный возраст и усталость; в то же время он попросил у короля разрешения присоединиться к походу в Святую землю, против чего король не возражал. На освободившееся место Ричард назначил двоих: епископа Даремского Гуго и Уильяма Мандевилля, графа Омальского. Немного погодя он назначил Жана, брата Гийома де Марешаля, хранителем и приемщиком доходов в Палате Шахматной доски, иными словами, главным казначеем королевства. Впрочем, Жан не засиделся на этой должности. Несколько позже, прежде чем покинуть Англию, король выбрал в канцлеры Уильяма Лонгчампа, епископа Илийского, о котором еще будет случай поговорить.

Своему брату Джону Ричард поручил подавить бунт Рис-ап-Гриффина, объявившего себя королем Южного Уэльса. Вскоре бунтовщика удалось привести к повиновению; Ричард, впрочем, отказался его принять. Но более всего времени и сил отнимала у него обширная ревизия, которую он затеял, надеясь увеличить свои доходы. Теперь все бальи и прочие судебские чиновники, виконты и другие представители короля в под-

властных тому землях отчитывались перед своим сувереном. В самом деле, задуманный поход не мог состояться без многочисленного и хорошо оснащенного флота; нужны были также кони, а главное, люди, которым (пусть даже они отправились в поход добровольно) надо платить жалованье, давать пищу и т. д. Так Ричард додумался до торговли должностями, став, быть может, первым монархом, которому подобное пришло в голову. Механизм оказался простым: король вызывал бальи или виконта и требовал денег, а тех, которые не могли откупиться, велел бросать в темницу. По крайней мере так поступал он с теми чиновниками, которые особенно ревностно служили его отцу, тем самым еще раз («Да-и-Нет»!) изменяя линию своего недавнего поведения на противоположную. «И все пошло у него на продажу, равно должности, владения, графства, виконтства, замки, города, промыслы и иные подобные вещи», — замечает Бенедикт из Питерборо. Епископы не избежали общей участи. Гуго Даремский покупает навеки для себя и своей церкви сначала домен, потом все графство Нортумберленд со всеми его замками и имениями. Передав же в пользование короля еще тысячу марок серебром, епископ решил, что с короля, пожалуй, будет довольно, и постарался снискать расположение Ричарда, заявив, что помнит о своем обете идти в Иерусалим. Король тем удовлетворился. Тогда Гуго отправил послов к папе, чтобы понтифик тоже узнал о его обете и смог по достоинству оценить усердие столь ревностного архиерея.

* * *

Остаток сентября прошел для Ричарда в переговорах о различных сделках и распродажах. Джеффри, епископ Винчестерский, купил два добрых манора; Самсон, аббат монастыря Святого Эдмунда, приобрел манор в Милденхолле, утверждая, будто тот всегда служил его монастырю, и уплатил за это тысячу марок; Уильям Лонгчамп, епископ Илийский, как утверждали, внес три тысячи фунтов серебром за пожалование ему должности канцлера, иными словами, купил пост министра юстиции. «В самом деле, — писал об этом Ришар де Девиз, — король со многим усердием облегчал бремя всех тех, кого несколько отягощало их серебро, жалуя всякому по его вкусу должности и владения». «Я бы и Лондон продал, найдись на него покупатель», — признавался король. Если верить Бенедикту из Питерборо, Ричард собрал огромную казну, в которой, похоже, было больше серебра, чем у любого из его предшественников.

До сих пор Ричард жил главным образом в Нормандии или в Аквитании. Он едва знал свой островной домен и видел в нем прежде всего источник доходов. И в самом деле, хозяйство Англии развивалось и росло, чему немало способствовали порядки, навязанные пусть твердой и грубой, но зато бесспорно умелой рукой Генриха II. Страна, которую отец Ричарда принял в состоянии полной анархии, была поставлена под надзор юстициариев и окружных судей, а те умели добиваться мира и согласия, потребных для извлечения доходов, завершавших свой путь в сокровищницах Палаты Шахматной доски.

Нельзя тем не менее не упомянуть здесь и о той зловещей картине, которую увидел в английских городах Ришар де Девиз, — впрочем, поостережемся принимать его свидетельство за чистую монету, хотя и оспаривать его вряд ли стоит: автор говорит не от своего имени, но вещает устами некоего старого английского еврея, который уговаривает своего молодого французского единоверца перебраться в Англию. Эту последнюю он расписывает как благоденствующую землю, где, выражаясь библейским языком, «течет молоко и мед»¹. «Как будешь в Англии, смотри, если в Лондон попадешь, советую побыстрее убираться оттуда; уж очень не нравится мне этот город. Там полно людей всякого рода и от всех народов, которые только есть под солнцем, и всяк со своими пороками и своими нравами. Нет только вполне невинных; вот квартал, где если чем и богаты, так это всякой прискорбной скверной; а следующий и того лучше, там уже, считай, совсем отпетые злодеи. Я помню, кому это все говорю, не думай, — продолжает он, — знаю, что у тебя поболее будет, чем это обычно бывает в твоих летах, и горячности духа, и свежести памяти и даже довольно, чтобы умерять то или другое, осмотрительности, а она-то и делает человека рассудительным. Не страшит меня и то, что мне, тем паче тебе, не с кем там иметь дело, кроме разве что людей, живущих дурно; ибо нрав вырабатывается в общении с другими, так что с кем поведешься, как говорится... Ладно, ладно. Поезжай в Лондон. Эх, да что там! можешь мне верить: сколько ни есть всякого зла и разной злобы в мире, незачем искать их, рыская по всем краям всех частей света, ибо все это вместе и сразу ты найдешь в одном-единственном городе». И старший перечисляет все ужасы, очевидцем которых он был: игры в кости, балаганы, театры, кабаки, торговцы всякого рода соблазнами.

¹ Исх. 3:8, 17. (Прим. пер.)

Далее этот псевдоеврей со знанием дела пускается в странное перечисление: «Гистрионы, продавцы девочек, евнухи, гараманты¹, волокиты, педофилы, педерасты, содомиты, бродяги, торговцы зельем, паразиты, гадалки, отравители, лунатики, волхвы, мимы, нищие, шуты, и всяким таким отродьем кишат те места. Так что, коли не желаешь соседствовать с тварями, всякой мерзости преисполненными, не селись в Лондоне. Про людей ученых или религиозных или евреев я, конечно, не говорю, хотя, коль уж речь о жизни рядом с людьми дурными, то позволю себе остаться при своем мнении, а оно таково: и им в подобных обстоятельствах весьма затруднительно быть и оставаться совершенными».

После этого урагана обличительства наш еврей переходит к обзору главных городов королевства: «Как соберешься в Кентерберри, смотри, можешь сбиться с пути... Да и стоит ли тратить силы на дорогу? Все, что там есть, посвящено одному только обычаю, и только его там все с некоторых пор усердно блюдут, почитая словно бы какого-то бога — этого прежнего архиепископа Кентерберийского, значит — и до того эти люди доходят, что умирают средь бела дня от нехватки хлеба, лишь бы остаться в праздности». Еврей намекает на запрудивших город многочисленных паломников, пришедших поклониться «святому Фоме Мученику» (Томасу Бекету). «Рочестер и Чичестер не более чем невзрачные местечки, и непонятно, почему они зовутся городами... Оксфорд с трудом дает жить своим обывателям, уж и не знаю, чем они кормятся. Эксетер питает одним и тем же кормовым зерном и людей, и вьючный скот. Бат выстроен среди ущелий, в самых их низинах, и потому дышит грязным воздухом и сернистыми испарениями, проникающими на поверхность земли из выходов преисподней. Не стоит тебе искать обитель в городах сверхперенаселенных, каковы Вустер, Честер, Херефорд, к тому же эти валлийцы малопочтенны и никогда не бывают почтительными. Йорк переполнен шотландцами, и хотя это вроде бы человекоподобные существа, однако гомункулы сии весьма зловонны и бесстыдны. Или и его почвы всегда гниlostны по причине болот, кои суть его окрестности. В Дареме, Нориче или Линкольне слишком мало богатых людей, тебе подходящих, и не слышать французской речи; в Бристоле нет никого, кто бы не был или не оставался бы мылоторговцем, а известно ведь, что французы почитают мылоторговцев примерно так же, как пачкунов; а вне

¹ Г и с т р и о н ы — бродячие актеры, выступавшие в масках; г а р а м а н т ы — народ, обитавший в античные времена южнее Нумидии (нынешняя Ливия) и славившийся колесницами; возможно, имеются в виду цыгане или иные кочевые торговцы. (*Прим. пер.*)

городов и укрепленных мест нет, в сущности, никаких жителей, кроме грубой деревенщины; во всякое время ты вправе полагать таковой людей из Корнуолла, ибо их считают примерно тем же, чем во Франции числятся фламандцы (!); хотя область, ими населенная, сама по себе весьма богата, по причине обильных рос с небес и плодородности земли. Впрочем, как ни судить о местах, где можно искать чего-либо доброго, такового во всех упомянутых много меньше, чем в одном-единственном городе: это Винчестер».

И вслед за этим наш еврей пускается в безмерные словословия городу Винчестеру, «Иерусалиму евреев»: «Лишь здесь воистину наслаждаются постоянным миром и нерушимым спокойствием, ибо град сей есть подлинное училище благого жития и истинного добронравия; тут доподлинно обретишь людей в человеках; тут достанешь хлеб и вино воистину почти за ничто, ибо в городе этом монашествующие преисполнены кротости и милосердия, чиновники же судят справедливо, щедры и добродушны, граждане преисполнены веры и чрезвычайно просвещены, женщины прекрасны и целомудренны, и малого недостает мне самому, чтобы отправиться туда и зажить по-христиански там, христианином среди этих христиан: вот куда, вот в какой город советовал бы я тебе отправиться, в сей град среди городов, который есть мать им всем и лучше их всех». Насколько достоверно и сколь искренно это живое и очень неравнодушное к современной автору Англии описание? Едкая его насмешливость как бы говорит: понимаете, как знаете, догадывайтесь сами. Что ж, этот Ришар де Девиз был монахом обители Святого Суитина, находящейся именно в Винчестере. Ту же иронию мы находим и в его рассказе об избиениях евреев; правда, здесь его юмор приобретает жуткий, кладбищенский оттенок — но при этом автор не упускает случая подчеркнуть, что в Винчестере, где принято вести себя «цивилизованно», как подобает «просвещенным гражданам», никаких гонений на евреев в те дни не было.

* * *

Если Ричард и питал какие-то чувства к Англии, то они, во всяком случае, не могли удерживать его на острове. Какое-то время ушло на улаживание запутанных дел его брата Джеффри, епископа Йоркского, но здесь так и не вышло ничего путного, и Ричард решил пока отстраниться. Свои французские заботы король попытался переложить на плечи Гийома де Мандевилля, а сам непрестанно думал о близящейся экспедиции на Ближний Восток.

Примерно тогда же он принял Ротру, графа Перша, бывшего к нему для обсуждения приготовлений короля Франции: Филипп Август на собрании в Париже поклялся приложить все старания и прибыть на Пасху в Везеле, дабы, по уже прочно установившемуся обычаю, отправиться в Иерусалим именно оттуда. Филиппа интересовали намерения короля Англии и его баронов на этот счет, а также место и время возможной встречи двух королей. Ричард созвал такое же собрание в Лондоне, и бароны пообещали прибыть в Везеле к 1 апреля.

В том же ноябре в Дувр явился кардинал Жан д'Ананьи, папский легат. Ему устроили торжественную встречу в Кентербери, где легат судей в споре между архиепископом Балдуином и монахами Свято-Троицкого аббатства; тяжбы эти, впрочем, к его прибытию поутихли. Сам король Ричард несколько раз присутствовал на службах в Вестминстере, в храме Святого Эдмунда, где принимал участие в праздновании дня памяти этого святого. Затем он также прибыл в Кентербери для разрешения упомянутого спора. Король решил отменить выбор некоего Роджера Норрея в качестве настоятеля. После переговоров с прелатами и аббатами Ричард и Алиенора добились смещения того, кто не был угоден монахам, и переместили его в аббатство в Эвешаме. Ричард действовал в обычном для себя духе, заботясь прежде всего о мире и спокойствии, которые должны царить на острове во время его отсутствия.

Вскоре, в декабре, в Кентербери приехали для присяги король Шотландии Уильям с братом Давидом. После торжественной церемонии король Англии передал гостям замки в Роксборо и Берике. Он согласился даже на то, чтобы освободить их наследников от всякой вассальной зависимости и подданства в отношении английского престола; при этом сокровища, собранные для будущей экспедиции, увеличились на сумму в 10 тысяч фунтов стерлингов. В том же месяце Ричард даровал своему младшему брату Джону еще четыре графства: Корнуэлл, Девон, Дорсет и Сомерсет. Но более всего король одарил свою мать, Алиенору, вдову и трижды королеву: во-первых, королеву того королевства, которое король Генрих I, дедушка его отца, отдал своей супруге, королеве Матильде; во-вторых, того, которое король Стефан отдал своей супруге, королеве Аделаиде; и, в-третьих, того, которое досталось ей самой от Генриха II. Никто из восседавших прежде на английском престоле не обладал могуществом, сравнимым с той личной властью, которую отныне приобретала эта женщина.

Собрания, проходившие в Кентербери, не могли не увенчаться возведением Джеффри на архиепископскую кафедру в Йорке, что должен был официально утвердить папский по-

сланник. Тем не менее против бастарда Джеффри высказывались многие из сильных мира сего, в том числе Гуго де Пюйсе, епископ Даремский, и, возможно, по наущению Ричарда, Губерт Солсбери; но кардинал д'Ананьи остался непоколебимым и ратифицировал его избрание, которое было подтверждено папой Климентом III в марте следующего года. «После чего всяк возвратился в свои пределы, славя великодушие и великолешие короля».

Ричард оставил Кентербери, полагая, что он уладил споры и достиг мира и согласия в своем островном королевстве. 5 декабря он окончательно утвердил избрание своего брата Джеффри. Доброй воле, выказанной королем, никак не помешали три тысячи фунтов стерлингов, врученные удовлетворенным братом. Итак, открывалась дорога на Дувр, в гавани которого уже стояли многочисленные суда, построенные или приобретенные им в других английских портах во время подготовки к великому переходу.

Было 11 декабря, канун Дня святой Люсии, когда сам он вошел на палубу судна. Ричард намеревался провести какое-то время в Кале, во Франции. Его радостно принял Филипп, граф Фландрский, и сопровождал до Нормандии. Примерно тогда же пришла весть о смерти Гийома, короля Сицилии, графа Апулии и князя Капуи, женатого на сестре Ричарда Иоанне. Ричард некогда сопровождал сестру во время ее путешествия по югу Франции, когда она направлялась на встречу со своим женихом. Гийом умер в Палермо, не оставив наследника. Он словно предвидел это, ибо загодя, несколько лет назад, назначил наследницей свою юную тетю Констанцию, дочь Рожера II Сицилийского, которая стала женой Генриха, сына германского императора Фридриха Барбароссы. Это решение имело долговременные последствия для будущего как Сицилии, так и Империи. Но Танкред Леччийский, родившийся вне законного брака и приходившийся племянником королю Гийому, нарушил клятву, принесенную им в свое время Констанции, и объявил о своих притязаниях на Сицилийское королевство. Ричард должен был посетить остров на пути в Иерусалим, что оказалось на руку его сестре Иоанне.

Между тем приближалось Рождество. Ричарду надо было созывать свой первый коронный Королевский суд в Бюре, в Нормандии. Он и созвал его со всей приличествующей торжественностью.

Через несколько дней Ричард повстречался с королем Франции, чтобы обговорить подробности предстоящего отправления. Источники сообщают, что встреча имела место в

Ге-де-Сен-Реми, по-видимому, 30 декабря; утверждение же договора датируется 13 января. Ге-де-Сен-Реми (или «Брод святого Ремигия») расположен как раз посередине между Дрё и Нонанкуром, и похоже, что между двумя указанными датами Ричард проводил время в Вернёй-сюр-Авр. Как бы то ни было, два короля заключили договор, скрепив его должным образом печатями, и поклялись содействовать друг другу и хранить верность взаимным обязательствам касательно жизни, здоровья и владений друг друга. Кроме того, они поклялись действовать в союзе при любом нападении на город Руан во владениях английского короля или на город Париж в домене короля Франции. Возможно, этот документ принадлежит к числу самых первых свидетельств возрастающего значения Парижа для французского королевства. Можно не сомневаться, что Филипп Август чувствовал, что Париж превращается в столицу — каковое понятие его предшественникам на французском троне было неведомым и чуждым, да и на протяжении последующего столетия ничуть не утвердилось. Это представление укоренится в будущем, когда за него ухватится Филипп Красивый: именно при нем Париж — город, который его предок и тезка вымостил брусчаткой и обнес высокими стенами, изменив весь архитектурный план и устроив Торговые ряды, и на правом берегу которого возвел башню Лувра (открытую вновь нашим двадцатым веком), город, в котором этот Филипп подолгу и охотно жил, — станет местом пребывания парламента и Генеральных штатов, подобно тому, как при Филиппе Августе, в первые годы XIII века, он стал университетским городом.

Итак, оба короля поклялись использовать свои военные силы для обороны главных городов, нормандского и французского. Вслед за королями в том же присягнули графы и бароны, обязавшиеся также не воевать друг против друга на то долгое время, пока будет продолжаться крестовый поход. Архиепископы и епископы, в свою очередь, обязались карать отлучением от Церкви тех, кто посмеет нарушить эту клятву и этот договор о мире. Еще одна статья предусматривала, что в случае если кто-то из двух королей умрет во время экспедиции, переживший его король обратит деньги и людей усопшего на исполнение служения Божия. Наконец, согласно этим договоренностям, если ни тот, ни другой король не успеют к назначенному сроку, то есть к 1 апреля, то они откладывают встречу и обязуются прибыть в Везеле ко Дню святого Иоанна Крестителя (24 июня).

Все это было предпринято ради мира и согласия между двумя великими державами Запада, решившимися оказать помощь Святой земле. Однако всего не предусмотреть: 15 марта

умерла королева Франции Изабелла Геннегауская. Белокурая хрупкая королева произвела на свет двух близнецов, но ни младенцы, ни мать не выжили. Всех троих погребли в Сен-Дени, где уже в наше время нашли посмертную маску двадцатилетней королевы. Оттиск не сообщил ничего существенного о принцессе, числившей среди своих предков Капета, кроме представления о ее пленительной белокурости и слабом здоровье. Это событие, однако, не задержало начало похода.

В феврале Ричарда посетили королева Алиенора и Аделаида, сестра короля Франции. Их сопровождали епископы королевства Английского, а также братья короля — Джон и Джеффри. Король подтвердил звание и полномочия канцлера, которыми он наделил Уильяма Лонгчампа, епископа Илийского; его же он избрал своим юстициарием для Англии, тогда как Гуго, епископу Даремскому, поручалось исполнение тех же обязанностей разъездного юстициария по течению рек Хамбер, Уз и Трент, вплоть до верховий Кингстон на Халле, то есть до земель короля Шотландии. От своих братьев король потребовал клятвы не возвращаться в Англию в течение ближайших трех лет без его ведома и позволения. (Впоследствии, однако, Алиенора под давлением обстоятельств будет вынуждена разрешить Джону вернуться на остров.) Впечатляет число привилегий, которые Ричард предоставил монастырям в своих доменах: 3 февраля он побывал в аббатстве Спаса в Ла-Реоль, 7 марта в аббатстве Благодати Божией в Сен-Жан-д'Анжели, а накануне отправления в Святую землю посетил Монтъернёф. Тогда же он основал в Тальмонде монастырь Места Божия и монастырь Святого Андрея Гурфэйльского в Фонтене. Традиционные дары перед крестовым походом вошли в обычай, а такими обычаями он не пренебрегал.

Пребывание Ричарда во Франции, где он усиленно готовился к приближающемуся отплытию, омрачилось очередной дурной новостью, пришедшей в марте 1190 года. За несколько дней до Вербного воскресенья евреи Йорка, страшаясь избиений, решили укрыться от преследователей в городской башне. Простонародье ненавидело евреев, которые, будучи по большей части ростовщиками, давали под заклад займы, так что со временем почти все обыватели оказывались их должниками, особенно в городах, где скапливалось множество бедного и впавшего в нужду люда. Муниципальные власти угрожали взять башню приступом, и укрывшиеся евреи совершили массовое самоубийство, разведя огонь в своем убежище. Тем временем некоторые горожане разграбили еврейские дома, намереваясь сжечь свои долговые расписки и вообще записи о долгах. Уильям Лонгчамп приказал арестовать представителей

городских властей и разыскать инициаторов погромов. Это стало одним из первых его деяний на посту юстициария.

Король Англии между тем предпринял очередную карательную экспедицию в Гасконь, откуда пришли вести о новых разбойничьих вылазках неумных басков против паломников, шедших на поклонение в Сантьяго-де-Компостела. К тому времени за басками уже прочно закрепилась дурная слава неисправимых злодеев: автор «Путеводителя паломника Святого Иакова» Эмери Пико среди прочего повторяет прежние и расточает новые инвективы против хищных и лживых басков: «Народ этот варварский, отличный от всех народов и по обычаям, и по природе, исполненный злобы, окрасом черный, ликом безобразный, распутный, извращенный, коварный, неверный, порочный, сластолюбивый, пьянствующий» — перечисление еще далеко не закончено! — «искушенный во всяческом насилии, свирепый и по-звериному дикий, нечестный, жестокий и сварливый, неспособный ни к какому добродушному чувству, носитель всех пороков и всякой неправды... За одно су наваррец или баск убьет француза не задумываясь». Разделял ли Ричард столь мрачные воззрения? Во всяком случае, на этот раз он действовал стремительно. Один из атаманов шаек, нападавших на пилигримов, Гийом де Шизи, был схвачен после осады замка, из которого он совершал набеги, и повешен «высоко и коротко»¹.

После этого король вернулся в Шинон, дабы отдать последние распоряжения перед отплытием.

¹ Обыкновенная формула описания расправы с уголовниками. (Прим. пер.)

Глава шестая

КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

«Как решили короли Франции и Англии выступить к Иерусалиму, так король Франции направил путь свой к граду Генуе, а король Англии к Марселю». С этих слов «Книга королей Англии» начинается повествование о тех четырех годах в жизни Ричарда и в истории его царствования, которые затмили собой все прочее и вознесли того, кто был еще за год до этих событий не более чем «графом Пуату», на высоты небывалой славы. В самом деле, последствия развернувшихся событий стали определяющими для будущей истории как Запада, так и Ближнего Востока.

* * *

Отплытие обоих королей, французского и английского, ознаменовано было торжественной церемонией, устроенной в Везеле 4 июля 1190 года. Казалось, что вновь зазвучали на холме отзвуки гулкового гласа святого Бернарда, поднимавшегося на вершину этого холма сорок лет тому назад, 31 марта 1146 года, когда за моря отправлялись король Франции Людовик VII со своей супругой Алиенорой; огромная толпа, которая слушала тогда клервосского аббата, столь явственно воодушевилась, что в паломничество за море с тех пор стали отправляться именно отсюда, с этого холма, посвященного Марии Магдалине, помазавшей миром стопы Христовы пред Его восшествием на Голгофу. Да и не видывал ли Везеле похожие сборища пилигримов, идущих к Сантьяго-де-Компостела? Напомним, что в следующем столетии король Людовик Святой побывает здесь четырежды.

Ричард и Филипп Август еще прежде встретились в Туре, надо думать, ради возобновления обязательств, взятых прежде. Филипп направился в аббатство Сен-Дени, где пилигримы по обычаю получали дорожную баклажку и посох. Тем временем Ричард добрался до Везеле, потом побывал в Азе, Монришаре

(где он останавливался 27 июня), в Ля-Сель-сюр-Луар и, наконец, прибыл в Донзи 1 июля. В том же Везеле ему должны были вручить дорожную фляжку и посох, но, как рассказывают, стоило ему взять посох, как тот выскользнул у него из рук, что нельзя было не принять за дурное предзнаменование перед затеянным походом... Об этом происшествии, правда, ни словом не обмолвился никто из историков, наиболее близких Ричарду, прежде всего Бенедикт из Питерборо, так что очень возможно, что рассказ возник уже после завершения крестового похода.

Но что никоим образом нельзя отнести к области легенд, так это несчастья, которых хватало на пути крестоносцев. Несомненно, отправляясь в Святую землю, короли Франции и Англии еще не знали, что паломничество германского императора оборвалось так внезапно: Фридрих Барбаросса утонул в водах Салефа, в Малой Азии.

Случилось это 10 июня. Император выступил к Регенсбургу вместе со своим сыном Фридрихом Швабским 11 мая 1189 года. Он находился во главе «огромного войска», представлявшего, быть может, самую могучую армию из всех, что переправлялись когда бы то ни было за море. Весть о падении Иерусалима взволновала население Запада вплоть до скандинавских стран. Войска собирались на севере Германии, в Дании, в городах на Рейне. Летописцы-современники рассказывают, что во всей империи показывали пальцем на того, кто не был отмечен крестом. Путь следования выбрали тот же, что и во время Первого крестового похода: по суше, до границы с Арменией. Не обошлось, впрочем, без затруднений, возникших в Византии и задержавших продвижение. Там прошел слух про состоявшиеся якобы переговоры Саладина с императором Исааком Ангелом (западные хронисты именуют его Кирсаком). Немецкая армия продвигалась медленно, то и дело подвергаясь нападению разбойников. Добравшись 24 августа до Филиппополя, Фридрих решил переждать здесь зиму. Наконец, после остановки в Адрианополе, в марте 1190 года он переправился через Дарданеллы, а затем, наткнувшись на войска султана Румского, захватил крепость, зависевшую от турецкого государства со столицей в Конье (Иконии).

Тогда-то, совершая победоносный бросок к Святой земле, Барбаросса и утонул в той «широкой реке, текущей посреди земель турецких и отделяющей их от земли Рубена (армянского князя. — *Р. П.*) и впадающей в залив Саталия». «Прибыв к ней, — продолжает хронист, — император оставил одежды свои на берегу реки и вошел в воду, дабы омыться, ибо стояла необычайная жара. По примеру императора многие его товарищи

по оружию стали сбрасывать одежды свои и входить в реку и пытаться переплыть на другой берег, как это смог император. А как он стал возвращаться, как и прежде, вплавь, сил ему не хватило, и неистовство потока утянуло его на дно. Товарищи его, пораженные случившимся, оцепенев и плача, все в тревоге, вынесли его на берег» и попытались оживить. Но тщетно: Фридрих Барбаросса был мертв, и им не оставалось ничего иного, кроме как приступить к жуткой операции, полагавшейся по обычаю в тех случаях, когда в краях столь отдаленных умирал кто-то из важных osób: следовало вскрыть тело и отделить мясо от костей — плоть погребалась на месте, а кости должны были быть преданы земле в городе Тире. Поразительно, что войско, лишившись вождя, разбежалось и буквально испарилось. Как писал историк Крестовых походов Джошуа Проуэр, «исчезновение столь великолепной армии остается неразрешимой загадкой». Фридрих Швабский, сын Барбароссы, решил тем не менее направиться в Сирию. Он разделил свои силы на три части: одна должна была двигаться к Тиру, вторая — к Антиохии, по морю, тогда как третьей надлежало отправиться сухим путем тоже на Антиохию. Но как-то не видно, чтобы столь впечатляющая армия сыграла сколько-нибудь важную роль; впоследствии этой мощи очень недоставало жестоко страдающим французским и особенно английским крестоносцам, которые, пока разворачивались эти события, еще пребывали в пути и уповали на крепкую поддержку.

Они вместе прибыли в Лион. Пребывание в этом городе ознаменовалось еще одним происшествием: мост через Рону, по которому проходили крестоносцы, обрушился; видимо, уж слишком много народу на нем собралось. «Многие мужчины и женщины были ранены», — сообщает летописец. Ричард, по-видимому, пробыл в Лионе трое суток, с 14 по 17 июля, а на дорогу из Везеле до Лиона ушло восемь суток. Затем обе экспедиции разделились, ради пушего удобства: такое множество народу надо было кормить и как-то размещать, и это, конечно, создавало трудности. Филипп направился к Генуе, чтобы там погрузиться на корабли. Ричард продолжил путь по Роне, к Марселю. Хроника сообщает, что там его поджидало «некоторое число паломников, которые уже находились здесь длительное время и даже поиздержались, потратив все, что у них было. Приходя к королю, они предлагали ему свою службу, и многих из них взял король в свиту свою».

Ричард надеялся, что в Марселе его будет ожидать флот, который он снарядил в Англии. Однако корабли задерживались, что очень раздражало короля. В конце концов 7 августа он принял решение грузиться на суда, вероятно, сданные ему внаем

марсельскими судовладельцами: двадцать «хорошо вооруженных» галер и десять больших барок. Современники отмечали, что, всходя на борт, Ричард был «печален и смущен».

На самом деле корабли, которых король дожидался, покинули Дартмут еще 18 мая. По пути крестоносцы не теряли времени зря. На португальском побережье они захватили город Сильвию, принадлежавший тогда сарацинам. Во взятом городе оказалась церковь, превращенная мусульманами в мечеть; крестоносцы вновь обратили ее в церковь, освятив храм «в честь Божию и в честь благословенной Девы Марии Матери Божией». Освящение произошло при стечении множества португальских епископов 8 сентября, на Рождество Богородицы. Затем флот двинулся в путь и прошел через Гибралтарский пролив в День святого Михаила, 29 сентября¹.

В это время Ричард медленно продвигался вдоль средиземноморского побережья. Постоянные задержки, надо полагать, все более усиливали его нетерпение. Он прошел остров Святого Гонората, затем проследовал к Лерину, что напротив Канна, позже его видели у Ниццы, а после у Вентимилля. 13 августа Ричард был в Савоне, откуда рукой подать до Генуи, где он собирался повидаться с королем Франции. Тот и в самом деле находился в Генуе, но был нездоров. Снова пустившись в путь, Ричард за пять дней дошел до Форт-Дофена. У Филиппа Августа возникли какие-то затруднения с транспортировкой войск, судя по тому, что он просил у Ричарда пять галер. Король Англии предложил три, от чего, в конце концов, Филипп отказался.

Продолжив свой путь вдоль итальянского побережья, Ричард поочередно миновал Порто-Венере и Пизу. Здесь ему сообщили, что в городе находится архиепископ Руанский Готье, который замещал заболевшего епископа Эврё. Король решил продолжить путь верхом и с несколькими рыцарями выехал 23 августа, очевидно, из-за того, что ветер был неблагоприятным и корабли двигались слишком медленно. Наконец, воспользовавшись попутным ветром, он снова поднялся на борт корабля и 25 августа прибыл в Порто-Эрколе. Там из-за случившегося на его корабле обрыва паруса король вынужден был сменить судно, чтобы пристать наконец в порту Остия в устье Тибра, куда на встречу с ним явился епископ Октавиан. Хронисты отмечают, что в этом месте «было много весьма великих развалин древних стен». Можно предположить, что Ричард, на протяже-

¹ В этот день римская церковь празднует память архангелов Михаила, Гавриила и Рафаила. День святого Михаила Архангела в восточной церкви отмечается 8 ноября. (*Прим. пер.*)

нии всей своей жизни отличавшийся живейшим интересом к древностям, с любопытством разглядывал античные руины в Остии, которые и ныне производят сильное впечатление.

Бенедикт из Питерборо, который наряду с Роджером Ховденским является наиболее точным и наиболее подробным из всех хронистов, освещавших этот период экспедиции, восторженно описывает лес, через который король проследовал 26 августа: «Там была дорога, из мрамора сделанная, наподобие мостовой, и она проходила посреди леса, раскинувшегося на 80 миль. Сам лес этот изобилует оленями, косулями и ланями. В тот же день он проезжал мимо замка, именуемого Лейкум. Там имелись врата, которые некогда были покрыты медью, а за ними открывался вход в пещеру, через которую доставляли серебро для Рима».

По-видимому, хронисты очень хорошо были осведомлены об итальянском этапе путешествия короля Ричарда. В хрониках перечислены места, где побывал король: мыс Чирчельё, гористые возвышенности, город Террачина. Над всеми этими местами господствовали пики Монте-Кассино, видневшиеся за красивым цистернианским аббатством Фосса-Нова. Как известно, в наши дни вся эта местность пострадала от серьезных разрушений. В этом же пассаже упоминается остров Иския, «который всегда изрыгает дымы» (древние кратеры тогда еще не совсем угасли), а также купальни в Байе, прославленный бальнеологический курорт, где некогда располагались, как утверждает хроника, «бани Вергилия».

Ричард должен был прибыть в Неаполь 28 августа и посетить монастырь Святого Януария; он пробыл в этих местах до 8 сентября, после чего собрался в Салерно, где тогда находилась знаменитая медицинская школа. Но вряд ли именно это привлекло короля, который, как отмечает летописец, устроил там «долгое пребывание». В самом деле, он оставался в Салерно до 13 сентября. Ричард предпринял также восхождение на Везувий, так близко подходя к огнедышащим расселинам на склоне вулкана, что это пугало его спутников.

Между тем он узнал, что до Мессины добрался его собственный флот, который вынужден был задержаться в порту Марселя на добрую неделю, чтобы поправить суда и пополнить запасы продовольствия. По пути к Марселю флотилия угодила еще в одну передрыгу: когда суда шли по Бискайскому заливу, налетела буря, усмиренная предстательством святого Фомы Кентерберийского, явившегося двум крестоносцам, уроженцам Лондона Уильяму Фиц-Озберту и Джеффри Орфевру. Мы уже не говорим о боях в окрестностях Сильвии против воинов султана Марокко, осаждавших замок Сантарем. Многие из

горожан Сильвии, людей молодых и хорошо вооруженных, выразили желание присоединиться к английским крестоносцам, но они не хотели покидать родину, не попрощавшись со своим королем Санчо Португальским и не получив его позволения. Португальцы готовы были даже нанести ущерб кораблям, лишь бы те не ушли без них. Хронист, который рассказывает об этих событиях, прибавляет, что королю пришлось оплачивать каждый корабль и покрывать всевозможные издержки. Затем английские крестоносцы прибыли в Лиссабон, где не без успеха поучаствовали в боях на подступах к Терраш-Нуэваш¹ и вокруг замка Томар, принадлежавшего ордену тамплиеров (храмовников), но осажденного войском марокканского султана. Сражения эти, впрочем, имели весьма неожиданную развязку: когда появились слухи о смерти султана Марокко, марокканская армия попросту разбежалась. К этому времени к Лиссабону прибыл новый огромный флот, включавший 63 корабля. Но пилигримам на этих судах мало было того, что они счастливо добрались до Лиссабона; многие паломники, рассеявшись по городу, повели себя не лучшим образом: они оскорбляли обывателей и нападали на них, позволяли себе непристойные выходки, подчас насиловали женщин и девушек, грабили дома евреев и язычников, состоявших на королевской службе. Те обратились к начальникам флота Роберту по прозвищу Саблюлю и Ричарду Камвиллу. Когда беспорядки дошли до точки, за которой они могли бы перерасти в мятеж с массовыми избиениями и убийствами, вмешались власти, и в результате энергичных действий короля Санчо было схвачено семьсот человек. После этого было заключено соглашение, по которому случившееся предавалось забвению, а порядок во флоте восстанавливался. Этот договор сохранял силу до отбытия флотилии из устья Тежу.

Вновь подошедшие английские суда увеличили флотилию до 106 больших кораблей, «груженных оснащенными для битвы людьми, припасами и оружием».

Вскоре Ричард узнал о приближении своего флота и порадовался его прибытию. Но не обошлось и без некоторых личных огорчений. Из Салерно Ричард совершил вылазку в Сан-Эуфимию, а затем, несомненно памятуя о славе своих предков-норманнов, добрался до Милето, где Робер Гискар в лесу некогда строил башню, собираясь напасть на монастырь Святой Троицы, церковь которого существует и по сей день. Там, на крайней оконечности калабрийского сапога, разверзается зна-

¹ Новые Земли (*порт.*), то есть земли, еще не отвоеванные у арабов в ходе Реконкисты. (*Прим. пер.*)

менитая пучина, которую называют Сцилла¹ и которая слывет причиной водоворотов, порождаемых якобы ветрами и течениями у Мессинского маяка. Король, который путешествовал пешком в сопровождении единственного спутника, оказался близ какого-то дома и услышал крик сокола. Войдя в хижину, он схватил птицу и выказал намерение забрать ее с собой, но местным жителям это пришлось не по вкусу. Кто-то из них кликнул подмогу, и вскоре король оказался в окружении недружелюбно настроенного сброда, вооруженного дрекольем и швыряющегося камнями. Один из крестьян кинулся на него, размахивая ножом. Ричард выхватил меч и с такой силой ударил им плащом по груди простеца, что у того треснуло ребро. Вскоре, также кидаясь камнями, король разогнал остальных и поспешно удалился в Ла-Баньяра, замок, расположенный неподалеку; здесь он нашел своих приближенных. Не желая задерживаться, он в тот же день пересек местность Мессинского маяка, где и устроился на ночлег под кровом.

Ричард вознаградил себя за треволнения на следующий день, 23 сентября, когда величественно вошел в сицилийский порт и город во главе своего флота.

Боевой флот в 100 кораблей и 14 барок был тщательно подготовлен. Современники отзывались о нем с восторгом: «суда великой вместимости и отменной подвижности», «суда мощные и оснащенные совершенно». Они дают такое подробное описание флота: «Первый из сих кораблей имел три руля, 13 якорей, 30 весел, 2 паруса и всяческие снасти в тройном количестве; и для всякого корабля все, в чем только могла возникнуть нужда, приготовлено было вдвое, кроме мачты и шлюпок. Для провода каждого корабля весьма опытный лоцман с 14 помощниками избраны были по искушенности их в ремесле». На каждом корабле можно было перевозить 40 дорогих лошадей, приученных к оружию, и все, что потребно для оснащения конных воинов; 40 пехотинцев и 15 матросов; наконец, съестные припасы для этих людей и лошадей на целый год. Барки, суда очень больших размеров, вмещали вдвое больше, чем обычные корабли. Сокровища, составляющие флотскую казну («величия неисчислимого», как писал Ришар де Девиз), предосторожности ради разделены были между кораблями и барками, с тем чтобы «коль некая часть окажется в опасности,

¹ Сцилла и Харибда — мифологические чудовища, обитавшие по обоим берегам самого узкого места Мессинского пролива, отделяющего Сицилию от Апеннинского полуострова. Обычно со Сциллой отождествляется скала на калабрийском (итальянском) берегу, а глубоководную впадину, в которой возникают водовороты, расположенную под этой скалой, чаще называют Харибдой. (*Прим. пер.*)

да оставшееся спасется». Корабль, на котором находился король с самыми близкими из своих приближенных, шел первым и таким образом первым приставал к берегу во главе флота во всех портах или городах, куда заходили крестоносцы. Именно так, в соответствии с правилами похода, Ричард, король Англии, в голове флотилии приблизился к Мессине на Сицилии «в такой славе, под звуки труб и рожков, что страх обуял тех, кто пребывал тогда в городе». Ришар де Девиз пишет еще выразительнее: «Столь блистателен был вид тех, кто приближался, так громогласно бряцало и грохотало их оружие, так пронзительно звучали трубы и медные рожки, что город объят трепет и ошеломление ужасное, и все люди всякого возраста поспешили королю навстречу; народу без счету собралось, восхищающегося и повторяющего, что король прибывает много более славным и грозным образом, чем король Франции, который явился сюда 7 августа со своими войсками». В последовавших затем событиях король французский выглядел бледновато рядом с королем английским...

Однако первая их встреча прошла очень тепло, даже пылко: «Того же дня король Франции, узнав о прибытии своего соратника и брата, устремился встречать его и, наряду с целованиями и объятиями, не было недостатка в иных телодвижениях, выражающих радость одного по случаю прибытия другого. Что же до их армий, то манера, в которой они обменивались взаимными приветствиями, и то, как воины сразу же оживленно заговорили друг с другом, побуждали верить, что столь многие тысячи людей суть одно тело и одна душа. Сей праздничный день миновал в таковых выражениях радости; оба короля удалились друг от друга, не пресытаясь, но слегка устав, всяк из них пошел к своим».

Филипп решил в тот же день покинуть Мессину, чтобы на всех парусах плыть к Акре. Он вышел из гавани вместе со всем своим флотом, однако поднялся встречный ветер и, к великому своему сожалению, король во избежание худшего вынужден был вернуться в порт. Тем временем Ричард обосновался в усадьбе некоего Реньё де Муске (или, быть может, де Моак), где устроено было для него жилище вне стен Мессины, «среди виноградников» на городской окраине. Король Франции нашел приют во дворце Танкреда, короля Сицилии, то есть внутри городских стен. Короли весьма благоразумно не предоставили возможности баронам и солдатне перемешаться между собой и перессориться.

Дворец, в котором обосновался прибывший первым (16 сентября, если быть уж совсем точным) король Франции, был достаточно вместителен, чтобы принять обоих монархов.

Но Ричард предпочел уклониться от такого решения. Этот жест подчеркивал уважение к тому, кто был его сотоварищем по путешествию, но в то же время оставался его сеньором в континентальных владениях. Да и благоразумная осторожность никогда не бывает лишней, ибо известно, чем подчас заканчиваются попытки двух медведей ужиться в одной берлоге.

Каждый нетерпеливо дожидался близящегося отплытия в Святую землю. Никто не собирался слишком долго оставаться в Сицилийском королевстве, и пребывание на острове если и затягивалось, то, надо думать, против их воли.

На следующий день по прибытии Ричард приступил к отпавлению правосудия. Оно было скорым и решительным в отношении тех, кто ранее был пойман на грабеже, воровстве или изнасилованиях. Ричард велел соорудить виселицы и, невзирая на пол и возраст, равно как и на то, были ли преступники соотечественниками или иностранцами, подвергал всех суду и наказанию. Король Франции предпочитал утаивать или заминать проступки, совершенные его людьми, так что, согласно летописи, «грифоны» (так крестоносцы называли поначалу византийцев, а потом и всех тех, у кого останавливались) прозвали его Агнцем, а Ричарда — Львом. Так это прозвище и осталось бы в памяти потомков, вспоминающих короля Англии, утвердись оно в походе.

Нежданное происшествие в первый раз нарушило прочный мир и дружбу, которые установились было между двумя королями. 24 и 25 сентября они обменялись визитами. «Казалось, что такая взаимная приязнь воцарилась между ними, что ничто и никогда не сможет нарушить или разрешить эти узы любви», — писал Бенедикт из Питерборо. «И вдруг появилась женщина»... Через три дня, 28 сентября, Ричард должен был встретиться с сестрой Иоанной. Напомним, что она покинула Францию в возрасте одиннадцати лет, чтобы стать женой Гийома Сицилийского и, по обычаю, поселиться при дворе своего жениха. Теперь Иоанне было уже двадцать пять. Более года она пребывала вдовой и фактически являлась узницей претендовавшего на престол Танкреда Леччийского, незаконнорожденного сына герцога Рожера Сицилийского (дяди супруга Иоанны). То, что на остров прибыл ее брат, к тому же король, должно было обрадовать молодую женщину, которую, впрочем, беспокоили не столько заботы о Сицилийском королевстве, сколько козни Константиции, тетки покойного ее супруга, дочери Рожера II Сицилийского и супруги германского императора, которая тоже зарилась на столь завидное наследство. Танкред воспользо-

вался случаем и запер Иоанну в крепости Палермо как раз тогда, когда ее брат, король Англии, вступал в Мессину с блеском, ослепившим население города. Но Ричард энергично дал понять Танкреду, что не потерпит, чтобы с Иоанной обращались как с пленницей. Он встретил ее у своих кораблей и проводил в госпиталь Святого Иоанна Иерусалимского, где приготовил для нее пристанище, приличествующее ее достоинству.

На следующий день по прибытии Иоанны произошло событие, достойное упоминания. По случаю праздника святого Михаила король Франции явился, дабы приветствовать короля Англии, и они вдвоем направились в обитель госпитальеров. При виде Иоанны лицо Филиппа Августа вдруг просветлело: уж очень та была хороша. Самая младшая дочь Алиеноры Аквитанской, она, вероятно, более остальных детей удалась в мать. Живописного ее портрета не сохранилось, зато имеется великолепное, вырезанное по меди и золоту рельефное изображение ее головки; оно преисполнено благородства. Это произведение искусства хранится ныне в музее Сен-Жан в Анжере, куда оно попало из аббатства Фонтевро, и по нему вполне можно судить об облике модели¹. Видимо, юная вдова привыкла к климату на Сицилии, где она провела свою юность и годы счастливого супружества (Гийом, прозванный Добрым, оставил о себе хорошую память), и находилась в самом расцвете красоты, какой только возможен у женщины в двадцать пять лет. Судя по всему, она произвела необычайно сильное впечатление на Филиппа Августа, который потерял свою первую супругу, белокурую и нежную Изабеллу Геннегаускую, всего за три месяца до этого. «И король Франции словно бы увидел там образ цветущий, так что народ говорил, что король собрался взять ее в супруги». Еще говорили, что жители Мессины не замедлили понять, в чем дело, и оценили впечатление, произведенное на Филиппа их королевой. Короля, которому только-только исполнилось двадцать семь лет, поразила настоящий удар грома.

Ричард первым отдал себе отчет в происходящем. Он сразу подумал о возможных последствиях — ибо о новом франко-английском браке, когда сам он стремился, не без труда, выпутаться из уз, связывавших его с Аделаидой Французской, не могло быть и речи. Решение пришло, как обычно, мгновенно. На следующий день Ричард прошел тем узким проливом, который называли «рекой Фар», и овладел укреплениями

¹ Эта восхитительная вещица была представлена в 1962 г. в Лувре на выставке «Соборы» (№ 163 в каталоге).

«ла Баньяра» (что значит «Знамя»), представлявшими собой настоящую крепость с монастырем и постоянными канониками. Он оставил там достаточное количество рыцарей с оруженосцами и устроил резиденцию для своей сестры. Этот ход заодно позволял ему в случае необходимости дать отпор Танкреду Леччийскому, который захватил не только позолоченный трон, но и вдовье наследство королевы: все имущество, завещанное ей покойным супругом. Согласно хронике, оно заключало в себе «столик из золота» 12 футов в длину, шелковый шатер, 100 сундуков с запасами всего необходимого на два года, 60 тысяч мер пшеницы, столько же ячменя и столько же мер вина и еще 24 чаши и 24 блюда из золота. Думается, что богатство это было никак не меньше того, которое собрал король на момент отправления своей флотилии в Святую землю. Спустя два дня Ричард захватил укрепленный замок на острове в той же «протоке Фарской» — место это называли монастырем грифонов (греков).

Подобная тактика запугивания не могла не обеспокоить жителей Мессины. Между ними и английскими крестоносцами начались ссоры, и дело дошло до того, что сицилийцы стали закрывать городские ворота. Ричард вмешался и, не щадя посоха, стал разгонять своих подданных, задерживая тех, кто затеял осаду, в то время как одни из них уже лезли на стены, а другие пробовали силой пробиться через ворота. Наконец, свара утихла. Утром 4 октября, обогнув город по морю, Ричард отправился на совет к королю Филиппу. В совещании участвовали самые главные из английских, сицилийских, а также французских баронов. Тем временем посреди ночи неожиданно возобновились столкновения между жителями города и крестоносцами. Шум поднялся с той стороны, где располагалось пристанище Юга ле Бруна, графа Ла-Марша. Ричард тотчас скомандовал своим баронам вооружиться и под его началом занять высоту («гору огромную и крутую, про которую никто не думал, что на нее возможно подняться»). Устремившись оттуда на ворота и стены Мессины, они потеряли пять рыцарей и двадцать оруженосцев из ближайшего окружения короля, но сумели водрузить свое знамя на стенах города. Французы никак не помогли им, и среди английских крестоносцев стал слышен ропот.

* * *

Согласие, однако, было восстановлено 8 октября. Были заключены новые договоренности, скрепленные клятвой обоих королей оказывать друг другу всяческую помощь во время па-

ломничества, а затем и на обратном пути. После монархов присягнули и графы с баронами.

Распоряжения, отданные по возобновлении союза, дают нам представление об условиях, в которых жили все эти люди. Так, было заявлено, что пилигримы, кто бы они ни были, могут распоряжаться посредством завещания лишь оружием и снаряжением, предназначенным как для самих себя, так и для лошадей; в том же, что касается иного добра, которое они взяли с собой, они вольны распорядиться лишь наполовину, другая же половина переходила грессмейстерам орденов храмовников и госпитальеров или же кому-то из двух главных прелатов, сопровождавших экспедицию, — Готье, архиепископу Руанскому и Манассии, епископу Лангрскому, или же, наконец, одному из приближенных короля Франции — Югу, герцогу Бургундскому, которому и надлежало решать вопрос по ходу дела. Одни лишь клирики вольны были вполне распоряжаться всем, что они взяли с собой, — «часовнями и всем, что в них, включая святые книги». Сохранились завещания, оставленные крестоносцами. Зачастую они очень трогательны, как, например, то, что написал рядовой крестоносец из Болоньи, который во время одного из более поздних походов (1219 год) завещал свою сорочку одному товарищу, кольчугу — госпиталю германцев, а все, что найдут на нем, — своей жене Джульетте. Вероятно, существовал обычай составлять подобные завещания перед началом боя.

Будни крестоносцев скрашивали азартные игры. Они были под запретом, который не распространялся лишь на рыцарей и носителей духовного сана, и то при условии, чтобы проигрывалось не более 20 су за 24 часа. Если эта сумма превышалась, то изыскивался штраф в 100 су в казну архиепископа и прочих лиц, уполномоченных заботиться о нуждах бойцов. Добавим, что обоим королям игра дозволялась, но под тем же условием: предел в 20 су на день и ночь. Что же до всех прочих, то любой, кого застигнут за игрой, волен был выбирать между уплатой штрафа или же разгуливанием на протяжении трех дней голышом, но с оружием; если же запрет нарушал кто-то из матросов, его три дня подряд выкидывали за борт, раз в день, в открытом море. Игра в кости так и осталась единственным развлечением в армиях крестоносцев. Однажды Людовик Святой застал монахов за игрой то ли в кости, то ли в шахматы; схватив игральные доски, он вышвырнул их в море...

Из других предписаний упомянем те, в которых речь шла о пропитании крестоносцев. Пища должна была быть здоровой и распределяться по справедливости. Также надлежало следить за припасами муки и хлеба; изготовление выпечки и сладостей

или приобретение их в городе формально запрещалось. Что же касается мяса, то запрещалось употреблять в пищу всякое убитое животное, кроме тех, что приобретены были живыми и забиты уже в армии. Устанавливались ограничения на стоимость вина, а также вводилась единая денежная система, согласно которой один английский денье приравнивался к четырем анжуйским денье.

Оставалось добиться соглашения с Танкредом Сицилийским. Ричард затребовал приданое Иоанны. Танкред предложил компенсацию: 20 тысяч унций золота за то имущество, на которое Иоанна имела право как вдова, и еще 20 тысяч за имущество, завещанное ей покойным супругом Гийомом. По случаю заключенного соглашения возник и был одобрен проект бракосочетания между одной из дочерей Танкреда и юным Артуром, герцогом Бретонским, сыном Джеффри и, следовательно, племянником Ричарда.

Все эти меры принимались ввиду возможной задержки отплытия, поскольку погода никак не благоприятствовала плаванию. «Мы вынужденно задержались в вашем городе Мессине, тогда как мы рассчитывали уже покинуть его, по причине суровости морских ветров и холодов, отложивших наш выход в море», — указывал Ричард в грамоте, скрепленной его подписью. Клятвы, которыми он обменялся с Танкредом, предусматривали необходимые меры на случай зимовки армии на острове. Ричард сообщил папе Клименту III о различных статьях договора, который он заключил с королем Сицилии, а папу попросил стать гарантом соглашения. Тем временем двое приближенных Танкреда, адмирал Маргарит и Джордано дель Пино, которым король Сицилии ранее доверил город Мессину, бежали ночью вместе со своими семьями и всем своим золотом и серебром. Ричард распорядился взять под охрану остальное их имущество, дома и галеры. После этого для пущей безопасности он приказал окружить глубоким рвом ту половину города, где находился монастырь грифонов, чтобы обрести укрытие для своих сокровищ и припасов, предназначенных для армии. Исполненный решимости, он повелел также воздвигнуть на самой высокой горе, господствовавшей над Мессиной, форт, которому дал многозначительное имя Матегрифон («укрощение греков», или, точнее, пользуясь шахматной терминологией, «мат византийцам»).

В течение всего этого времени в отношениях между сицилийцами и нормандцами царили ненависть и озлобленность. Более того, на горизонте появился еще один опасный противник, к тому же хорошо известный Танкреду. В том же 1190 году

новый германский император Генрих VI Гогенштауфен вознамерился вернуть своей супруге Констанции права на Апулию и Сицилию. Более чем на полстолетия Италия превратилась в арену ожесточенной борьбы.

Пришла зима, однако погода не улучшалась. 19 декабря на рейде Мессины разразилась страшная буря, «армии королей Франции и Англии оцепенели от ужаса». Молния поразила один из английских кораблей, и он пошел ко дну. Ураган вызвал разрушения и оползни и обрушил часть города.

Крестоносцам запомнились и другие события. С изумлением солдаты и народ смотрели на то, как король Ричард, без облачения и с тремя хлыстами из тонких прутьев в руке, отбивает земные поклоны перед прелатами и архиепископами, совершающими богослужение в лагере, и как король винит себя за ошибки и кается своим тонким голосом в грехах «с таким смирением и сокрушением сердца, что нельзя было не поверить, что сие есть дело Того, Кто взирает на землю, и она содрогается».

Как писал Бенедикт из Питерборо, король Ричард, по нашествии божественной благодати, возымел «память о мерзостях в жизни своей». Он принес публичное покаяние в том, что прежде опускался до гомосексуализма. «Он отверг грех свой и обратился с мольбой о подобающей епитимье к бывшим при том епископам». Гомосексуализм, содомитский грех, выражаясь библейским языком, есть провинность, подлежащая божественной каре согласно установлениям Ветхого Завета. Не столько говоря о короле, сколько признаваясь в своих личных переживаниях, летописец восклицает: «Блажен тот, кто пал, чтобы так восстать, блажен тот, кто, по покаянии своем, не впадает вновь в грех!» На этот факт вымоленного и дарованного прощения обратил внимание только Бенедикт, да еще Роджер Ховденский, который описывает происшедшее с такой же деликатностью.

Столь необычная и удивительная для нашего душевного строя и для нас, людей XX века, сцена произошла в том же 1190 году, накануне Рождества. Быть может, приближение праздника и подвигло Ричарда на устройство такого зрелища. Если скандал вызывает шум и толки в обществе, то и покаяние должно воздействовать на него подобным же образом.

Как бы то ни было, оба короля, Ричард и Филипп, вместе торжественно отпраздновали Рождество и приняли участие в праздничных богослужениях в форте Матегрифон: литургию служил Регинальд, епископ Шартрский, а присутствовали Рено де Монсон, Юг, герцог Бургундский, Гийом, граф Неверский, Пьер де Куртене, Гийом де Жуаньи, Жоффрау де Перш и

большинство приближенных короля Франции. Праздничная трапеза прошла бурно из-за несчастья, постигшего флот: склоки начались со спора между пизанцами и генуэзцами по поводу кораблей английского короля, а затем все смешалось в непристойной свалке. Короли и бароны пробовали восстановить порядок, но без успеха; одна только ночь смогла разнять дерущихся. На следующий день, когда в церкви госпитальеров Святого Иоанна собралась толпа, один из пизанцев пырнул кого-то ножом, скорее всего генуэзца. Беспорядки вновь вспыхнули, но на этот раз вмешательство короля Франции и короля Англии оказалось действенным и порядок был восстановлен.

* * *

Вот еще один случай, произошедший, вероятно, в те же дни — но уже в январе 1191 года. Тогда на Сицилию к королю Ричарду прибыл некий человек, которого звали Джакомо, бывший настоятелем Кораццо, цистернианского монастыря в Калабрии. Сегодня он более известен под именем Иоахима Флорского как основатель (в 1192 году) монашеского ордена. Сколь же необычайной казалась эта встреча воина в расцвете сил и лет (Ричарду было тогда тридцать четыре года) с прозорливым старцем, таинственная власть которого сохранялась на протяжении столетий! Иоахиму было около восьмидесяти; он представился десятью годами спустя, в 1202 году. Весьма вероятно, что на Сицилию старец приехал по приглашению короля, ибо сообщается, что «король Англии охотно выслушал его пророчества, его мудрость и его учение». В самом деле, два летописца, повествующие об этом событии, Бенедикт из Питерборо и Роджер из Ховдена, в своих рассказах приводят разные подробности встречи, а следовательно, они пользовались разными свидетельствами, что лишний раз доказывает истинность обоих рассказов.

Иоахим занимался прежде всего толкованием Откровения святого Иоанна. Видимо, Апокалипсис, книга, которой заканчивается Новый Завет, по-особенному занимал и Ричарда. «Он и приближенные его наслаждались услышанным», — подчеркивает один из рассказчиков. Беседа началась с обсуждения видения: «Жена, облеченная в солнце; под ногами ее луна, и на главе ее венец из двенадцати звезд»¹. Иоахим считал, что эта женщина «знаменует Святую Церковь, покровенную и облаченную солнцем праведности, которое есть Христос Гос-

¹ Откр. 12:1. (Прим. пер.)

подъ, а под ее стопами ...<...> мир сей с его пороками и вожделениями несправедными, которые Она стопами своими попирает непрестанно». Что же до дракона о семи главах и десяти рогах, то он означает диавола, у которого в действительности голов без счета; головы эти обозначают гонителей Церкви; десять же рогов суть ереси и расколы, которыми измыслившие их противятся десяти заповедям и повелениям Божиим, а семь диадем дракона — это цари и князи мира сего, измышлителям заблуждений поверившие. Что же до драконова хвоста, соевлекшего с неба треть звезд и повергнувшего их на землю, так этим предсказывается конец и погибель тех, кто имел веру в дракона и кого дракон сбросит в геенну; и еще этот хвост означает конец света, когда восстанут некоторые люди несправедные и начнут рушить Церковь Божию: «Во времена антихриста много христиан укроются в пещерах и в местах пустынных в горах и сохранят веру христианскую в страхе Божиим до сокрушения антихриста».

Но аббат из Кораццо пошел в своих толкованиях дальше. Он назвал по именам семь главных гонителей Церкви: Ирод, Нерон, Констант, Магомет, Мельземут (или иначе Массамут, под каким именем он основал династию Альмохадов) и, наконец, Саладин и антихрист. И предсказал скорый конец Саладину: «И там есть один, ведомый как Саладин, который угнетает ныне Церковь Божию и лишил ее служения на Гробе Господнем и в Святом граде Иерусалиме и той земле, по которой ходил ногами своими Христос. И он ныне движется к утрате королевства Иерусалимского и будет убит и алчность хищников (сарацинов. — *Р. П.*) погибнет, и произойдет страшное смертоубийство, не бывало подобного которому с начала света, и жилища их будут опустошены и города разорены, и христиане вернут утраченное в проигранных походах и совьют свои гнезда».

Пророчество заставило вскочить со своего места короля, надеявшегося отвоевать Иерусалим. Ричард, не мешкая, спросил у монаха: «Когда будет взято это место?» Иоахим отвечал: «По прошествии семи лет со дня, в который захватили Иерусалим». — «Так что же, мы слишком торопимся?» — «Нет, — ответил Иоахим. — Твой приход туда весьма нужен, ибо Бог дарует тебе победу над врагами Его и вознесет имя твое над именами всех князей земли». Что и говорить, утешительные виды на будущее... Монах еще добавил: «Это то, что приготовил тебе Господь, и Он восхотел, чтобы это пришло на тебя. Он дарует тебе победу над врагами твоими и Он прославит имя твое в вечности; и ты прославишь Его, а Он прославится в тебе, если ты будешь упорен в начатом деле».

Подобное обращение служит для нас лишней гарантией подлинности рассказа — хотя и не подтверждает истинность пророческого дара у Иоахима Флорского... К тому же известно, что Иоахим распространил в своих проповедях больше заблуждений, чем истин, как, например, в своих прозрениях о Духе: часть ордена францисканцев сочла возможным признать их — и эти заблуждения породили множество ошибок. Не так давно о. А. де Любак просветил нас относительно длительных последствий этих ошибок, влияние которых прослеживается до наших дней¹. А между тем сомнительно, чтобы эти предсказания вызвали восхищенный гул у слушателей, в числе которых упоминаются Губерт Готье, епископ Солсберийский, архиепископ Руанский, два других архиепископа, Н. Апамейский и Гиранд Ошский, Иоанн, епископ Эврё, и Бернард, епископ Байонны, а также «много иных почетных лиц, как клириков, так и мирян». В присутствии их Ричард задал еще один вопрос: «Где родился антихрист и где он будет править?» — «Можно верить, — с твердостью в голосе отвечал Иоахим, — что антихрист рожден во граде Риме и что он захватит апостольский престол». — «Если антихрист родился в Риме, — тотчас же возразил король, — и он должен завладеть апостольским престолом, я полагаю, что это нынешний папа». Он сказал так, добавляет Бенедикт из Питерборо, потому что ненавидел папу Климента III.

«Я-то думал, — добавил Ричард, — что антихрист должен родиться в Вавилоне или Антиохии и от рода Данова и править из храма Божия, что в Иерусалиме, и ходить по той земле, которую попирали стопы Господни, и что антихрист будет царствовать три с половиною года, и что будут у него прения с Енохом и Илиею, и они будут убиты, и умрут, и что после их смерти Бог дарует шестьдесят дней покаянных, чтобы успели раскаяться те, кто совратился с пути праведного и соблазнился проповедью антихриста и ложных пророков его».

Что на эту речь ответил Иоахим, хронисты не сообщают, но зато дают пространный комментарий, показывающий, насколько волновали Ричарда подобные вопросы; ему и прежде приходилось немало размышлять над услышанными им пророчествами. Бенедикт из Питерборо и Роджер из Ховдена добавляют насчет речей настоятеля Кораццо о пришествии антихриста, что «многие из духовенства, люди мудрые и сведущие в божественных писаниях, попытались доказать противное, и то тут, то там предлагались правдоподобные мнения; однако спор по этому вопросу остался открытым».

¹ См.: *La Postérité spirituelle de Joachim de Flore*, 2 vol., in-8°.

Как бы то ни было, визит Иоахима Флорского стал одним из знаменательных событий того зимнего стояния на Сицилии, а его спор с королем Ричардом («диспут», как говорили в то время) должен был запечатлеться в памяти слушателей.

Вскоре после праздника Сретения, 2 февраля, произошло событие, которое началось как простая забава, но едва не обернулось трагедией. Была суббота, все только что поднялись из-за стола. Ричард и Филипп, в кругу множества рыцарей, своих приближенных, «по обычаю» послепраздничных дней, устроили игры за городом. Когда же они стали возвращаться, то на улицах Мессины им повстречался крестьянин с ослом, груженным вязанками длинного камыша; на юге Франции это растение называют тростником. Король Англии, а потом и те, кто ехал рядом с ним, вмиг расхватали вязанку. Выбрав себе противника, они встали в боевую позу с тростиной в руке. Король Англии оказался против Гийома де Барра, известного своей горячностью рыцаря, близкого королю Франции, и оба стали фехтовать своими тростинами. Накидка короля порвалась, когда он наносил удар Гийому; но Ричард атаковал противника до тех пор, пока тот не пошатнулся на своей лошади. Ричард решил выбить противника из седла и, приблизившись к нему, возобновил наступление, силясь сбросить Гийома на землю. Гийом в ответ вцепился в шею коня; король, в бешенстве, стал на него кричать. Робер де Бретейль, сын графа Роберта Лестерского, устремился к своему королю, пытаясь заодно защитить Гийома, но Ричард кричал: «Оставьте меня, оставьте меня один на один с ним!» И, как бы затем, чтобы ничего уже нельзя было исправить, король продолжал голосом и жестами оскорблять противника: «Давай-ка, прочь отсюда! Но берегись, не смей попадаться мне на глаза! Знай, отныне ты и те, кто с тобою, — навек мне враги». Гийом удалился, опечаленный и смущенный неистовством короля Англии и его угрозами. Он явился к своему сеньору, королю Франции, ища у него помощи и совета.

Ричард, известный своей горячностью, должно быть, и в самом деле разгневался не на шутку, потому что на следующий день даже не пожелал выслушать короля Франции, явившегося заступиться за Гийома и желавшего испросить у Ричарда мира и милосердия. Еще через день то же попытались предпринять другие три сеньора: граф Шартрский, герцог Бургундский и граф Неверский. Гийом де Барр почел за лучшее не искушать судьбу и оставил Мессину. Его примирение с Ричардом произошло не ранее чем по прошествии многих и многих дней, когда наконец на судах подняли паруса и флот двинулся к Святой земле; только тогда король Франции, а также епископы и

архиепископы, графы и бароны войска вымолили мир и пощаду для Гийома де Барра и показали королю Англии, что он был не прав в своем отношении к рыцарю такой доблести.

Что тут скажешь: это кажется даже забавным — разозлиться на рыцаря потому лишь, что тот осмелился сопротивляться, да к тому же еще порвал накидку! Но Ричард при этом славился и способностью к ошеломляющему великодушию, которое он проявил и во время своего пребывания в Мессине. Как раз под тем же февралем в хрониках упоминается о многих кораблях, переданных королем Англии из своего флота королю Франции, причем суда те были прекрасно оснащены. Также в феврале Ричард разделил свои сокровища между всеми своими товарищами, графами, баронами, рыцарями и оруженосцами и был щедрее всякого из предшественников своих; никогда, говорили, никто за год столько не раздавал, сколько он раздавал за месяц. Выходит, что неукротимое безрассудство Плантагенетов уживалось в нем с добросердечием, снискавшим ему приверженность народную на все время похода.

* * *

Между тем назревало новое столкновение, последствия которого оказались, быть может, еще тяжелее. 1 марта Ричард должен был повстречаться с Танкредом и потому направился к Таормине, где находился дворец Танкреда. По дороге он задержался в Катанье, где поклонился мощам святой Агафии, одной из святых покровительниц острова; английские летописцы не преминули напомнить о покрове святой Агафии, хранящем город и спасающем его от страшного пожара.

Танкред, предупрежденный о госте, вышел ему навстречу. Если верить свидетельствам источников, увидев друг друга еще издали, он и Ричард спешились, а сойдясь, «тот и другой при встрече много раз обнимались, целовались и обменивались приветствиями». Затем, вновь оседлав коней, они въехали в Катанью; духовенство и народ встречали их крестным ходом с песнопениями и хвалениями. После молебна возле усыпальницы святой Агафии король Англии был приглашен во дворец Танкреда; он должен был пребывать там три дня, со всеми подобающими почестями. Перед отъездом Танкред предложил Ричарду всяческого рода дары: кубки из золота и серебра, лошадей и шелковые ткани; король, впрочем, ничего не принял, кроме небольшого кольца, в знак взаимной приязни. В свою очередь, он преподнес Танкреду подарок много более ценный: меч короля Артура, знаменитый Эскалибур, который нашли в раскопанной могиле в аббатстве Гластонберри. Выходит, меч

этот представлял собой археологическую находку; он свидетельствовал об эпохе, память о которой помечена именем короля Артура, благородного государя «бриттов», героя «шансон-де-жест» («песен о подвигах»), эпических поэм, от которых пошли рыцарские романы, позаимствовавшие ослепительную пышность у Гальфрида Монмутского. Можно задаться вопросом: придавал ли Танкред этой памяти о прошлом ту же ценность, что и Ричард? Однако он определенно остался доволен, так как подарил королю Англии четыре больших корабля (такие суда называли «вратарниками») и пять галер для похода.

Два короля вместе выехали в Таормину, и именно там состоялся доверительный разговор между ними, посеявший смущение. Танкред сказал следующее:

«Я знаю из надежного источника, и определенные приметы это подтверждают, что то, что король Франции дал мне о вас знать через герцога Бургундского и через его собственные письма, происходит более из зависти к вам, нежели из любви, которую он питает ко мне. Он меня уведомил, что вы не блюдете со мною ни мира, ни союза и что вы нарушаете договоренности, заключенные со мною, и что в этом королевстве вы только возмущаете против меня, но если я захочу выступить против вас со своим войском, сам он со всеми силами своими пойдет на вас и на ваше войско также». Не поддаваясь волнению ни в облике своем, ни в словах, король Англии отвечал: «Сколь же смущают они, те, кто возбуждает зло! Что же касается меня, мне трудно поверить, что он сообщил вам это, ибо он мой сеньор, а также мой товарищ по паломничеству, которое мы совместно предпринимаем».

На это Танкред отвечал: «Если вы желаете убедиться в том, что сказанное мною правда, вот доказательство: я даю вам письма, которые король Франции направлял мне через герцога Бургундского, а если герцог Бургундский будет от них отказываться, я ему докажу, позвав одного из своих товарищей, который передавал мне эти письма, надежно и достоверно скрепленные печатью короля Франции».

Король Англии подержал письма в руках, но затем, узнав, что король Франции собственной персоной намеревается прибыть в Таормину для переговоров с Танкредом, отдал их обратно своему собеседнику.

Ричард вернулся в Мессину другой дорогой. Филипп Август провел в Таормине только ночь, а на следующий день тоже вернулся в Мессину. Ричарда едва не трясло, так он злился на Филиппа; он не стал делать приятное лицо и избражать преувеличенную любезность или подыскивать при-

чину ухода, но просто удалился восвояси. Король Франции почувствовал перемену и настоятельно потребовал объяснений через посредничество графа Фландрского и некоторых других своих баронов. Ричард пересказал то, что сообщил ему король Сицилии. Услыхав это, Филипп Август смутился и поначалу не знал, что отвечать. Потом, оправившись от смущения, он сказал: «Все это неправда, и выдумана она недавно, ибо я знаю и вижу, что король Ричард ищет обвинений против меня. Уж не затем ли он распространяет такие выдумки, чтобы избавиться от моей сестры, которую пообещал взять в супруги?» Последовал ответ короля Англии: «Я не ишу способа увильнуть от его сестры, но я отказываюсь взять ее в жены, потому что отец мой познал ее и родил от нее сына».

Так возродилась старая свара, теперь из-за козней Танкреда, и между двумя королями стала усиливаться неприязнь. Пошли всякие разговоры и переговоры. Филипп поддался увещеваниям, ибо многие настаивали на признании свершившегося и неизбежного и уговаривали раз и навсегда освободить Ричарда от обещания заключить брак с Аделаидой при условии, что Ричард пообещает уплатить десять тысяч марок серебра. Сошлись на том, что, когда Филипп вернется во Францию, его сестра получит волю, а Жизор в то же время будет возвращен ему со всем, что было приготовлено для ее бракосочетания; благодаря этому король Англии развяжет себе руки для выбора супруги. «Таким образом, в тот день король Франции и король Англии вновь стали друзьями и подтвердили все договоренности, что заключены были между ними клятвами и грамотами, скрепив их печатями своими».

Лишь после этого, в субботу 30 марта 1191 года, Филипп Август покинул со своим флотом порт Мессины. В пути он пробыл месяц и пристал к палестинскому берегу, чтобы присоединиться к осаждающим город Акру, в субботу Пасхальной седмицы, 20 апреля.

* * *

В тот самый день — и едва ли по простому совпадению! — в Мессину прибыла сама королева Алиенора, мать Ричарда Английского. По правде говоря, о ее приезде было объявлено более чем за месяц до этого, когда вновь появился Филипп, граф Фландрский, чтобы присоединиться к крестоносцам. Но если сам Филипп мог тотчас же вступить в Мессину, то королеву, по сути, регентшу Англии, со «множеством людей, ее сопровождающих» (как читаем в тексте Бенедикта из Питер-

боро), люди сицилийского короля не хотели пускать на остров. В конце концов Алиенора высадилась в Неаполе в сопровождении внушительной свиты. Она должна была, обогнув Калабрию, добраться до Бриндизи, и, вероятно, именно поэтому король Ричард собрался к Танкреду: он намеревался потребовать у него объяснений.

Алиенора Аквитанская путешествовала не одна: ее сопровождала Беренгария (Беренжера), дочь Санчо VI, короля Наварры, которую королева взяла с собой в качестве своего рода секретного оружия. Королеве очень хотелось женить сына, но она и слышать не желала о нареченной ему Аделаиде Французской. Веря разом и в крайности, которые мог совершить Ричард (она если и не винила его, то уж точно имела в виду публичное покаяние, которое произошло в Мессине), и в то, что король Филипп затеял козни затем, чтобы наконец завершить бракосочетанием договоренность об участии своей сестры, сама королева тем временем решила найти такой вариант, который бы удовлетворил одного и навсегда отбил охоту к интригам у другого. Амбруаз заявляет, что Ричард «много возлюбил (Беренжеру. — *Р. П.*) с тех пор, как стал графом Пуату». Можно было ожидать, что Алиенора задержится в Мессине, стремясь обеспечить женитьбу своего любимого сына. Но она выказывала настойчивое желание уехать. Новости, привезенные ею, нельзя было назвать прекрасными, и это определенно подвигло Ричарда на внесение изменений в распоряжения касательно управления королевством (об этом речь несколько позже). Алиенора пробыла в Мессине всего четыре дня и покинула город 2 апреля. Нельзя не поражаться ее бдительному попечению о делах в королевстве в отсутствие сына, не говоря уже о телесной крепости семидесятилетней женщины; становится понятным уже цитировавшееся нами восклицание Ришара де Девиза: «Королева Алиенора, жена несравненная, прекрасная и целомудренная, властная и скромная, смиренная и речистая, что весьма редко встречается в женщине!» Что же касается дочери короля Наварры, то она, по мнению того же Ришара, была «более мудра, нежели прекрасна». Правда, сам Ричард несколькими годами ранее как будто бы посылал Беренжере пламенные стихи, но поэзия возникала как часть куртуазной лирики и заключала в себе те славословия, которыми подобало превозносить Даму.

Беренжера должна была довериться попечению Иоанны, бывшей королевы Сицилии, а сама Алиенора возвращалась в Англию через Рим. Она, вероятно, прибыла в то время, когда стало известно о смерти папы Климента III, того самого, в котором Ричард хотел видеть антихриста. В самый день смерти

на его место был избран Джачинто Бобоне, в свое время студент школы при соборе в Париже и знакомец Пьера Абеляра; быть может, он даже присутствовал на прославленном заседании в Сансе, на котором Абеляр противостоял Бернарду Клервосскому в присутствии короля Франции Людовика VII. В то время Джачинто Бобоне был просто дяконом. Избранный 10 апреля, он был посвящен четырьмя днями позже под именем Целестина III. На следующий день, в понедельник Пасхальной седмицы, он короновал императором и императрицей Генриха VI, Римского короля, и его супругу Констанцию. Алиенора, вероятно, присутствовала на коронации. Если верить Роджеру из Ховдена, церемония не отличалась особой торжественностью; более того, папа (которому тогда было восемьдесят пять лет) ударил ногой по короне императора. Яростная свара разразилась из-за города Тускул, который император хотел разрушить.

А вот Ричарда в тот день 14 апреля в Мессине уже не было. Впрочем, и форта Матегрифон тоже — он был уничтожен, потому что Ричард не пожелал оставить его позади себя. Сто пятьдесят больших кораблей и пятьдесят галер наконец отплыли на волнах, приближаясь к Святой земле, где дожидались помощи христиане, вот уже более двух лет осаждавшие Акру. Но на Святой седмице, с 12-го числа, то есть со Светлой пятницы, начался «ужасный ветер» и буря разметала весь этот великолепный флот. Король добрался до Крита лишь с небольшой его частью. Это было первое, но далеко не последнее происшествие на его пути к Святой земле.

* * *

Про Александра смерть я петь не стану..
Не вспомню про Артура. И Тристану
Не припишу невероятных приключений,
Как и Парису иль Елене увлечений, —
Не знаю уж, как там они любили..
Про рыцарей же, что позднее жили,
Пусть поют жонглеры для услады
Собравшихся на праздник: люди рады:
Шансон-де-жест — старинный слог, задор..
А правда ль в песне или сущий вздор, —
Судить о том предоставляю вам.
Я расскажу о том, что видел сам:
О воинах, что Акру осаждали,
Каким огнем сердца у них пылали,
Как немощь человеческой природы,
Жара, мороз и лютые невзгоды
Войны жестокой побеждались верой.

Так писал Амбруаз, участвовавший в походе и прошедший весь путь от начала до конца. И то, что он поведал, оставляет далеко позади все рассказанное в «шансон-де-жест», то есть в северофранцузском героическом эпосе.

Ричард не задержался на острове долее чем на день, и уже 18 апреля отчалил. 22-го числа он сошел на берег на Родосе. Здесь он пробыл десять дней, наверное, для того, чтобы дать отдохнуть командам судов, заделать повреждения в корпусах кораблей и пополнить запасы воды и продовольствия. Флот покинул Родос 1 мая.

В тот же день четыре корабля попали в бурю и были выброшены на берег острова Кипр. Три из них буря совершенно разбила, и лишь обломки этих кораблей достигли порта Лимасол (тогда город назывался Лимиссо). Большинство тех, кто плыл на них, утонуло. Среди утопленников оказались и приближенные короля, в том числе королевский вице-канцлер Роже Моша. Нашли его труп, в руке он сжимал королевскую печать.

Император Исаак Ангел не побрезговал собрать с потерпевших крушение кораблей все, что только могло представлять ценность. Что же касается спасшихся после кораблекрушения, то они были брошены в узилища, и император потребовал выкуп за их освобождение. Тот же корабль, который уцелел в бурю, также попал в чрезвычайно сложное положение, поскольку Исаак запретил ему заходить в порт. А как раз на этом судне находились Иоанна, бывшая королева Сицилии, и Беренжера, дочь короля Наварры.

Слух об этом происшествии, подкрепленный свидетельствами очевидцев, достиг короля Англии. Встревоженный, он устремился к острову на кораблях и галерах, выглядевших со стороны весьма внушительно, и обнаружил вблизи Лимасола судно, на котором находились его сестра и будущая супруга. Ричард, не мешкая, отправил своих посланцев к императору и трижды, с великим смирением, просил отпустить паломников и вернуть им отнятое имущество. Исаак же снизошел лишь до пренебрежительного ответа: он, мол, и слышать не желает ни про то, ни про другое и отнюдь не боится ни короля Англии, ни его угроз.

И воспыдало неистовство в Ричарде. «Вооружитесь и следуйте за мной, — сказал он тогда своим воинам. — Отомстите за неправды, которые еретик сей совершил пред Богом и нами, угнетая невинных и отказываясь отпустить их на свободу. Но тот, кто отказывается вершить дела по справедливости, да будет принужден к тому силою оружия, и я вверяюсь Богу, и да дарует Он нам ныне победу над императором сим и народом его».

Еще живописнее эта история выглядит у Амбруаза, бывшего очевидцем происходившего тогда и облекшего свое свидетельство о виденном в рифмы. Этот эпизод оказался настолько важным и в жизни самого Ричарда, и в истории дальнейших отношений между Англией и Ближним Востоком, что не будем отказывать себе в удовольствии и хотя бы прозой перескажем повествование Амбруаза.

«Было то утро в понедельник, когда Бог уготовил дело, которое, по воле Его, совершил король: Он пожелал, чтобы король забрал потерпевших кораблекрушение, освободил свою сестру и вызволил свою подругу. Обе они проклинали день, в который попали сюда, ибо император пленил бы их, если б смог. Когда король захотел захватить порт, не было недостатка в людях, желавших ему воспрепятствовать, ибо император сам был на берегу вместе с народом, который он смог только собрать за серебро и по приказу. Король призвал одного посланца и отправил его в лодке к земле с учтивой просьбой к императору вернуть пострадавшим от кораблекрушения паломникам то, что у них было, и возместить нанесенный ущерб, который он им причинил. Тот же насмеялся над посланниками до полной потери рассудка. Он так и не пожелал дать более пристойный ответ, но лишь ворчливо и злобно насмеялся. Посланник быстро возвратился назад и пересказал все это королю.

Когда же король увидал, что над ним так посмеялись, он сказал своим людям: "Вооружайтесь!" Они немедленно повиновались и не стали зря тратить время. Он велел им грузиться во всеоружии на шлюпки своих кораблей. Отправил он добрых рыцарей и отважных арбалетчиков. У греков тоже были арбалеты, а их люди все стали подвигаться поближе к берегу, и у них было пять галер во всеоружии. В городе Лимасол, где начался бой, у них не осталось ни единой двери, ни единого окна, откуда бы не стреляли из лука, ни бочки, ни защелки, ни засова, ни щита, ни старой галеры или старой баржи, балки или доски или ступеньки; всё они стащили на берег, чтобы нападать на паломников. Собравшись во всеоружии на берегу, самые надменные люди, которых только знает этот свет, с плюмажами и знаменами богатых цветов, верхом на мощных огромных конях и на крупных мулах, могучих и прекрасных, они красовались перед нами и шикали на нас, как на собак; но скоро им пришлось поубавить спесь. Мы были в худшем положении, ибо мы наступали с моря, нам было тесно в наших битком забитых маленьких барках, мы были отягощены колебанием волн и всем бременем нашего тяжелого оружия. Мы были пешими, и в их стране. Но воевали мы лучше».

И Амбруаз завершает свой рассказ: «Что вам еще сказать? Через пятнадцать дней, и я не лгу, Бог возымел все воздаяние свое, а король имел Кипр в своем распоряжении и во власти франков».

Он рассказывал еще, как стрелы сыпались на бойцов, словно ливень на посевы. Ричард, который именуется тут «великолепным победителем — *magnificus triumphator*», выказал такую сноровку, что «если бы ночь не настала слишком скоро, он захватил бы императора, живым или мертвым». Но, не зная горных дорог и тропинок, он не стал утруждать себя преследованием разбежавшихся уроженцев этой земли; вместо этого он вернулся в опустевший город Лимасол с огромной добычей, заключавшейся «как в людях, так и в животных». В тот же день Иоанна и Беренжера, остававшиеся на корабле в бедственном положении, смогли войти в порт в сопровождении королевского флота.

И это еще не все. Услышав, что император и его люди рассеяны где-то милях в пятнадцати, Ричард еще до рассвета выступил с войском и, не поднимая шума, подкрался к тому месту, где расположились лагерем императорские силы и где все еще спали. Византийцы были разбужены страшными воплями нападающих и впали в оцепенение, не зная, что делать и куда бежать. Сам император ускользнул со считанными приближенными, оставив на произвол судьбы все свои ценности: сокровища, коней и весьма красивый шатер, а вдобавок еще и императорский штандарт, расшитый золотом. Король Англии незамедлительно решил принести его в дар святому Эдмунду, прославленному мученику.

На следующий день, 9 мая, часть сеньоров Кипра явилась к Ричарду и, оставив залог, поклялась ему в верности против императора и против всех его людей. Наконец, 11 мая на остров прибыли несколько важных лиц из Палестины: Ги Лузиньянский, носивший вместе со своим братом Жоффруа титул короля Иерусалимского, Онфруа де Торон, Раймон, принц Антиохийский, со своим сыном Бозмундом, графом Триполлийским, и Лев, брат и кузен Рубена, князя Армянского; все они объявили себя «людьми короля Англии» и поклялись ему в верности.

Однако оставался еще Исаак. Поняв, что его оставили почти все его люди, он послал наконец послов к королю Англии с предложением мира и уплаты 20 тысяч марок золотом в возмещение обид, нанесенных жертвам кораблекрушения; кроме того, он обещал освободить пленных со всем их добром и выражал готовность вернуться в Сирию с сотней рыцарей, четырьмястами туркопольцев и пятьюстами пеших оруженос-

цев. Более того, чтобы закрепить по обычаю мирный договор брачным союзом, император готов был отдать единственную дочь в жены тому, на кого будет указано королем Англии. В свидетельство своей верности он предложил в залог множество замков и даже поклялся в верности королю Англии, объявив себя его человеком и пообещав хранить во всей доброй вере, твердо и без дурного умысла предложенные условия. Ричард принял все эти предложения.

В тот же день, подкрепившись около полудня, император удалился в свой шатер; рыцари короля, которым поручено было охранять его, расслабились и предались полуденному отдыху. И тут Исаак неожиданно для всех бежал. Очевидно, его не устраивал мир, заключенный с королем Англии; своим поведением он давал знать Ричарду, что не собирается ни придерживаться мира, ни соблюдать заключенный договор. Предосторожности ради Ричард незамедлительно собрал вооруженные силы, доверив руководство ими Ги Иерусалимскому и иным князьям. «Преследуйте его, поймайте его, если сможете, — сказал им Ричард, — что же до меня, то я окружу весь остров галерами и буду стеречь его, чтобы никак нельзя было ему уйти от рук моих».

Он так и поступил. Перестроив свои галеры в две флотилии, он поручил одну из них Роберту Тернхемскому, а другую возглавил сам. Они расставили все корабли и галеры, которые только удалось отыскать, один за другим, цепочкой вдоль берега, особенно стараясь прикрыть дороги, выходящие к морю. Когда греки и армяне, охранявшие города и замки императора, а заодно и свои припасы провианта и амуниции, увидели, какие силы ополчились против них, они побросали все и поспешно бежали в горы. Король, таким образом, вместе с Робертом беспрепятственно овладел всеми этими городами, замками и портами, — убедившись, что они совершенно опустели, они вернулись в Лимасол.

На следующий день, пришедшийся на воскресенье 12 мая, когда праздновалась память Акилы и Панкратия, Ричард, король Англии, сочетался браком с Беренжерой, дочерью короля Наварры. Венчал молодых капеллан короля Николай. В тот же день во граде Лимасоле Иоанн, епископ Эврё, в присутствии многочисленных прелатов, архиепископов и епископов, в числе которых был и взявший крест епископ Байоннский, увенчал Беренжеру короной королевы Английской.

После этого король Англии, которому стало известно, что дочь императора пребывает в весьма укрепленном замке, именуемом Шерине, явился под стены его со своим войском; не успел он приблизиться к замку, как сама дочь кесаря вышла к

нему и, пав ниц, предала ему самое себя, как и замок свой, в уповании на его милосердие. Затем Ричард взял еще один сильно укрепленный замок, называвшийся Бюффаван, и так, мало-помалу, овладел всеми городами и богатствами Империи.

«Злосчастный император укрылся в весьма укрепленном монастыре, который носил имя Главы святого Андрея (Капо-Сан-Андреа). Узнав, что король направляется в его пределы, он повергся к его стопам, также вверяя его милосердию жизнь свою и своих близких, не упоминая о королевстве, ибо ведал уже он, что все оно оказалось в руках и во власти Ричарда. Но он умолял короля не заковывать в железы его руки и ноги. Услыхав прошение сие, король отдал пленника под надзор своему постельничему Раулю Фиц-Годфруа и велел тому наложить на руки и ноги императора цепи из золота и серебра. Это произошло на острове Кипре в месяце июне 1-го числа, в канун Пятидесятницы. Ричард, отдав распоряжения касательно безопасности императора, а также относительно охраны городов и замков, оставил всю власть Ричарду Камвиллу и Роберту Тернхемскому и поручил им править от его имени».

«Король Англии удалился с Кипра на галерах 5 июня, увозя вместе с собой короля Иерусалимского, принца Антиохийского, графа Триполійского и других принцев, которых ему удалось найти на Кипре. А Рауля Фиц-Годфруа с императором он отослал в Триполи». На другом корабле плыли королева Беренжера, а также Иоанна Сицилийская и дочь Исаака.

Можно вообразить славу, которую снискал Ричард столь стремительным и блестящим завоеванием. Кипр представлял собой удобную гавань, расположенную совсем неподалеку от Палестины, и крестоносцы не замедлили учесть неоценимые удобства такой близости к Святой земле. Стремительность же, с которой король, впрочем, в доброй вере и ради защиты пилигримов, его сопровождавших, заполучил остров, поражала, словно удар молнии, достойный запечатления в воспоминаниях. Истинный ореол доблестного завоевателя отныне следовал за ним, и этот ореол остался на века.

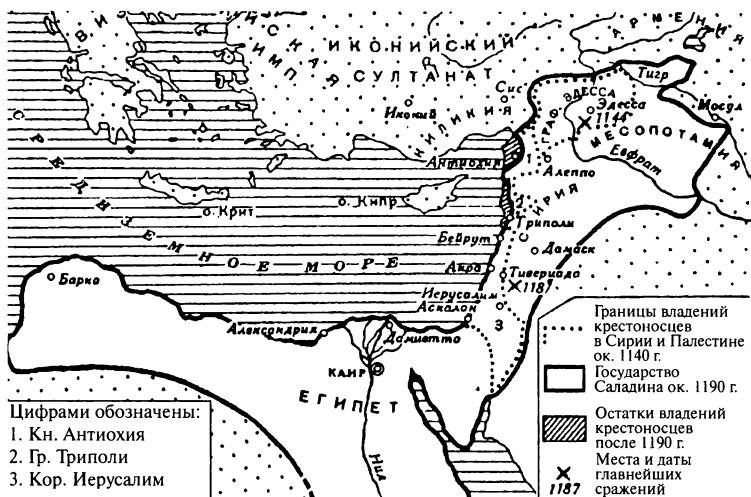
На пути к Акре был совершен новый подвиг, еще более умноживший блистательную его славу. 7 июня 1191 года в море было замечено судно, несшее цвета короля Франции. Ричард направил к этому кораблю нескольких посланцев, которые должны были узнать, откуда, куда и зачем держат путь мореплаватели. Последовал ответ, что они — христиане, люди короля Франции, и что направляются в Антиохию с грузом провианта и оружия для короля. Ответ заставил Ричарда на какое-то время задуматься; «Король Франции не располагает кораблями такой величины. Если же они действительно из дома его,

скажите им, чтобы они явились ко мне для разговора». Но когда посланцы вновь приблизились к незнакомому кораблю, с него полетели стрелы и даже «греческий огонь». Догадавшись, с кем он имеет дело, король тотчас приказал преследовать и захватить судно, пообещав всем своим людям, что добыча достанется им. Через несколько часов судно было потоплено. Оно перевозило около 1500 сарацинов, которые должны были попасть в Акру и укрепить там силы Саладина. Груз состоял в основном из оружия, провианта и глиняных сосудов с нафтовым маслом — то есть нефтью, которая особенно страшила воинов-франков и давала сарацинам очевидное преимущество на поле боя. Эта победа добавила славы Ричарду, королю Англии, именно тогда, когда он входил в залив Святого Иоанна Акрского, а происходило это на следующий день, 8 июня 1191 года. Можно себе представить, как обрадовались те, кому он пришел на помощь, и как укрепился дух сражающихся.

* * *

И как раз вовремя. Осада Акры началась, в сущности, еще за три года до этого. Предприятие казалось безнадежным, особенно после сокрушительной победы армий Саладина у отрогов Хаттина в 1187 году, в День святого Мартина, 4 июля, после чего уже никто не сомневался в полнейшем и близком изгнании европейцев с Ближнего Востока. В то время когда, по словам Джошуа Проуэра, «кости павших при Хаттине белели у подножия Отрогов», а победитель захватил у франков Иерусалим и важнейшие замки и города Святой земли, такие обособленные и побуждающие к сопротивлению предприятия, как осада Акры, кажутся весьма многозначительными.

Между прочими заслуживает упоминания эпизод, случившийся в Тире. Конрад Монферратский, которого летописцы называют «маркизом», не то феодал-сеньор, не то искатель приключений, отправился морем в Константинополь чуть ли не в то самое время, когда начались бедственные события, обернувшиеся потерей Святого града. Ничего не зная или по крайней мере не отдавая себе отчета в происходящем (его собственный отец Гильельмо де Монферрато попал в плен при Хаттине), он собирался пристать в порту Акры, когда вдруг понял, что на рейде происходит что-то непонятное. Обычно стоило показаться христианскому кораблю, как среди населения возникало немалое оживление. В церквях радостно ударили в колокола, а духовенство встречало западных паломников крестным ходом. Теперь же колокола Акры не отозвались благовестом на появление западного судна, и это выглядело

Государство Саладина и владения крестоносцев в конце XII века

дурным предзнаменованием. Известно, что в мусульманских странах колокольный звон считается пагубным и потому запрещен. Конрад, человек осторожный, решил повернуть назад и благополучно вышел в открытое море. За ним и не подумали гнаться: новые хозяева города, знамена которых развевались над крепостями, приняли корабль итальянца за обыкновенное торговое судно. Конрад воспользовался своим везением и поспешил к порту города Тира, который нашел переполненным беженцами и в совершенном расстройстве, потому что город этот превратился в центр христианского сопротивления. С помощью пизанской эскадры и каких-то двух сотен сицилийских рыцарей город героически выдерживал атаки осаждающих с суши и с моря. С появлением неустрашимого «маркиза» жители ожили и воодушевились и сумели дать отпор воинству Саладина. Но вот обратная сторона медали: стоило бывшему королю Иерусалима Ги Лузиньяну, освобожденному Саладином по настоятельным просьбам его супруги, королевы Сивиллы (и взамен за сдачу Саладину города Аскалона), появиться у стен Тира, как городские ворота пред ним затворились: Конрад предпочел остаться единоличным вождем обороны города и едва ли не почитал себя за наследника того королевства, которое незадачливый Ги Лузиньян не сумел сохранить.

Тем временем, с наступлением весны 1189 года, бывший иерусалимский король доказал свою удалость. Он предпринял в свой черед наступление и вместе с малочисленным войском,

составленным из остатков армий, защищавших Святую землю, по большей части храмовников и госпитальеров, преуспел на поле боя. Ему удалось занять укрепленную высоту, которая называлась Тель-Фухар (то есть деревня Гончары), к востоку от Акры и напротив восточных городских ворот. Место и в самом деле было выбрано очень удачно. Хронисты называют его Тороном Рыцарей. Располагалось оно на месте древнего городища, в каких-нибудь 1200 метрах от города и порта, и господствовало над равниной. Ги со своими людьми удерживал его не один месяц, прикрывая отважные вылазки из-за стен Акры. Небольшие заливы и бухточки давали ему возможность получать подкрепление с моря. Мало-помалу Акра превращалась в цель всех тех, кто покушался на отвоевание Святой земли; в лагерь франков на холме и на стоянки в округе являлись все новые и новые пилигримы: датчане, фризы, фламандцы; прибыли и немногочисленные французы под знаменем Жака д'Авенского, доблесть которых не замедлила снискать им славу. Наконец явился и передовой отряд немецкой армии под командованием Людовика, ландграфа Тюрингии. Однако надежды на прибытие имперской армии сменились вскоре жестоким разочарованием. Войнство Саладина стремилось взять в кольцо позиции, занятые крестоносцами, так что осадная война мало-помалу перерождалась в своего рода войну окопную, а сами крестоносцы в несколько приемов превращались из осаждающих в осажденных, да еще и страдающих от голода.

Зимой 1190/91 года положение стало критическим: «Хлебец, которого не хватало для того, чтобы один-единственный человек наелся досыта, вздорожал до десяти су в анжуйской монете. Конское мясо превратилось в самое настоящее лакомство, а за меру пшеницы давали 200 безантов» (мера — такое количество пшеницы, которого хватало на разовый прокорм одной лошади). Некоторое время спустя положение поправилось и цена пшеницы понизилась до шести безантов за меру. Это случилось в начале февраля 1191 года, и положение спас архиепископ Солсберийский, собиравший средства для самых бедных крестоносцев. И вот, тремя днями спустя, пришел корабль и, прорвав блокаду, доставил груз пшеницы, вина и растительного масла, который немедленно был распределен среди воинов.

Сохранился длинный список погибших и умерших во время осады Акры. Среди них, в числе прочих, сама королева Иерусалимская Сивилла и двое ее сыновей, умерших ранее октября 1190 года. Поскольку права Ги Лузиньяна на королевство Иерусалимское основывались исключительно на правах его супруги — а сама Сивилла унаследовала их от своего свод-

ного брата, Балдуина Прокаженного, — Конрад Монферратский задумал занять его место; вот почему он стал домогаться брака, который укрепил бы его притязания на наследство: он решил жениться на сестре Сивиллы, Изабелле. Однако тут возникло еще одно затруднение: Изабелла не только уже была замужем, но еще и страстно любила своего молодого мужа Онфруа де Торона, отличавшегося чрезвычайной красотой. Бароны обязались развести Изабеллу, чтобы выдать ее замуж за Конрада, отныне считавшегося вождем королевства, которое, правда, надо было еще отвоевать. Тем временем папа отлучил их от церкви. Среди крестоносцев события эти вызвали тревогу, и вскоре Конрад был наказан за свой нечестивый и дерзкий брак.

Ричард прибыл в ореоле славы недавних подвигов, и это должно было поднять дух разношерстного войска, утомленного непрекращающейся осадой, в ходе которой мало-помалу стиралось различие между осаждавшими и осажденными, поскольку армия Саладина окружала холмы, удерживавшиеся арьергардом армии, намеревавшейся, в свою очередь, захватить Акру. Приходилось считаться и с запутанными иерархическими отношениями: воины должны были хранить верность не только сеньору, но и его вассалам. Все хотели восстановить в правах короля Иерусалимского, но кто отныне должен был считаться королем? Ги Лузиньян сброшен со счетов, Онфруа де Торон отвергнут, Конрад Монферратский проявил себя беспринципным честолюбцем. Полнейшее смущение и путаница царили в рядах крестоносцев.

Ричард также был включен в число возможных претендентов на иерусалимскую корону. Сразу же по прибытии ему пришлось принять делегации: от пизанцев и генуэзцев. И те и другие прежде всего были судовладельцами и купцами. Они знали, что город святого Иоанна Акрского намерен вновь сделаться «франкским»; а свой интерес и первостепенную заботу видели в сохранении лавок и меняльных контор и обеспечении свободы торговли. Пизанцы считали, что у них есть особые права: их эскадра, вместе с архиепископом Убальдо, прибыла из Пизы еще прежде весны 1189 года и приняла участие в первых сражениях за Акру Ги Лузиньяна. Король Англии согласился принять обеты верности от пизанцев. Генуэзцев же, которые присягнули в верности королю Франции и маркизу Конраду, он отверг. Впрочем, впоследствии Ричард принял от них присягу в обстоятельствах, повторяющих те, что сопутствовали присяге пизанцев, ибо сам он тотчас же подтвердил все свободы, которыми те пользовались в Палестине, и возобновил их привилегии.

Град святого Иоанна Акрского возвышался над мысом, который, в свою очередь, господствовал над морем и над длинным песчаным берегом, простиравшимся до Хайфы. В дюнах петляла речушка, медлительная и залившаяся уже во времена крестоносцев; она называлась Нааман. Один удачный удар счастливой руки позволил Ги Лузиньянскому захватить единственную высоту вблизи Акры — Торон Рыцарей. Но далее к востоку оставалось немало населенных пунктов; один из них, который крестоносцы называли Торон Саладина, стал главным лагерем мусульманского войска. Была еще небольшая бухта, прямо на север от Акры, в которую заходили итальянские и франкские корабли, доставлявшие сражающимся провиант, оружие и подкрепления. Большая часть сил франков была стянута к горе Мусард, господствовавшей над бухтой, тогда как храмовники, госпитальеры, генуэзцы и немцы наседали на стены города; пизанцы же занимали площадку к югу от Акры, в устье Наамана. После одной из битв в октябре 1189 года Саладин сбросил туда все трупы, и это отравило и без того нездоровую атмосферу в низменности, по которой протекала речушка.

Второй год осады отмечен лишь затяжным приступом, продолжавшимся в течение нескольких месяцев зимой 1190/91 года; почти все остальное время было потрачено на изготовление новых осадных машин. Король Франции Филипп соорудил новые башни, одна из них называлась Мальвуазин, то есть «Плохая соседка», и использовалась против мусульманской башни, находившейся внутри города и именовавшейся соответственно Малькузин, то есть «Скверная родственница». И осаждавшие, и осажденные перестреливались с башен и метали друг в друга камни. Ричард не преминул позаботиться о запасе камней, еще когда покидал Мессину: он захватил с собой огромные морские валуны — один такой камешек убивал дюжину человек — и двинулся с этим грузом на Саладина. Возле мусульманского лагеря бойцы обнаружили, что с башни в них бросают и пресловутый «греческий огонь» — само название показывает, что речь шла о византийском изобретении. Вообще-то это были глиняные горшки с нефтью, которые швыряли в нападавших и которые воспламенялись, когда сосуд разбивался. Для защиты своих военных машин франки увешивали их свежими шкурами животных или обмазывали горшечной глиной; воины скоро поняли, что нечего и пытаться затушить пламя водой, но если и можно как-то справиться с «греческим огнем», то лишь заливая его уксусом или засыпая землей.

К 1191 году обе стороны пообвыкли и приспособились к войне. Джошуа Прозер цитирует описание рынка, который был устроен в лагере мусульман: «Рынок, учрежденный в ла-

гере султана перед Акрой, был огромен и занимал большую территорию. В нем было устроено 140 будок для кузнецов. Я насчитал у одного повара 28 котлов, в каждом из которых мог поместиться целый баран... Говорили, что войско обзавелось жилищами: слишком уж долго оно оставалось на одном месте!» В лагере насчитывалось «более 1000 бань, вырытых в земле и защищенных камышовыми и соломенными матами»¹. Добавим, что в перерыве между боями султан Саладин, часто и по справедливости хвалимый за великодушие и щедрость, многократно присылал груши из Дамаска и другие дары королям Франции и Англии, зная, что и тот и другой заболели и тяжело страдают.

Сразу же по прибытии Ричард действительно заболел, Амбруаз называет его болезнь «леонарди» (то есть львоподобной); наверное, это была «потная горячка» или, быть может, малярия. Очень скоро и Филипп пал жертвой недуга, свирепствовавшего в армии. У больных выпадали волосы и ногти — у Филиппа волосы так и не отросли. Обоим угрожала смерть, тем не менее оба выздоровели: Ричард чуть раньше, чем король Франции. Но не обошлось без потерь: так, Филипп не позаботился об охране своих осадных машин, и они сгорели — вероятно, их подожгли осажденные во время одной из ночных вылазок. Ричард же, напротив, велел держать военные машины под непрерывным надзором и днем и ночью.

Сохранились подробнейшие описания этих осадных машин. Наряду с каменными и боевыми башнями, с которых противника осыпали камнями или стрелами, в осаде Акры очень активно использовали тараны; летописец Амбруаз приписывает их конструкцию архиепископу Безансонскому: «Этот таран походил на крытый дом для уничтожения крепостных стен. Внутри находилась длинная корабельная мачта, увенчанная железной булавой. После того как люди устанавливали таран напротив стены, он отступал, чтобы ударить вновь и с еще большей силой в то же место стены. Он работал так, чтобы разрушить стену и чтобы в ней образовалась брешь после череды повторяющихся ударов. Те же, кто действовал таким образом, когда таран разбивал стену, прятались внутри тарана, спасаясь тем самым от всякой опасности, которая могла бы грозить с высоты»². Такое орудие, с помощью которого можно было подобраться к стене, не опасаясь осколков и обломков, приходится считать весьма действенным. Франки использовали его против башен, вроде той, которую они назы-

¹ Histoire du royaume latin de Jérusalem, t. II, p. 59.

² Цит. по: Prawer, t. II, p. 53, n. 74.

вали Башней Проклятья. В то же время приходилось постоянно вести саперные работы: надо было засыпать рвы, приближавшиеся к стенам, сооружать насыпи, с которых можно было бы взбираться на крепостные валы.

Военные действия продолжались весь июнь, с перерывами из-за болезни обоих королей: Ричард слег к 15-му числу, Филипп заболел чуть позднее, после 23-го. «По милосердию Божию, короли, как один, так и другой, восстали от болезни и с еще большей крепостью и еще ревностнее стали служить Богу», — отмечали английские хронисты. Нельзя сказать, что франки действовали уж очень активно. 14-го, а потом и 17 июня 1191 года войску султана, который лично руководил защитой Акры, удалось зайти в тыл нападающих. Франкам пришлось оставить уже захваченные позиции. В начале июля атаки франков на Башню Проклятья продолжились, однако небольшая часть их армии осталась скованной, будучи вынуждена отбиваться от наскоков Саладина.

У осаждающих нашлись друзья в самом городе; со стрелами, перелетавшими через стены, к франкам попадали послания, в которых сообщалось о положении в городе и о том, что замышляют его защитники. Авторство подобных посланий летописцы приписывают «одному человеку, который хотел угодить Богу, потому что он ненавидел язычников»; послания начинались так: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Никто из христиан, ради которых он так старался, не знал его ни до, ни после того, как город был взят. Быть может, его схватили или же он погиб во время осады... Но многочисленные его донесения сослужили крестоносцам немалую службу: например, когда Саладин хотел тайно вывести из Акры свой гарнизон, замысел стал известен и потому провалился.

Это произошло в ночь с 4 на 5 июля. Предыдущая вылазка была предпринята 3-го числа. Крестоносцы, в который уже раз, пошли на приступ Башни Проклятья и крепостных валов близ нее, а Саладин в это время попробовал зайти в тыл осаждавшим, но безуспешно. Амбруаз подробно рассказывает о героической гибели маршала Франции Обри Клемана. Вместе с несколькими товарищами по оружию маршал установил лестницы, собираясь подняться на стены у пресловутой башни, но их отбросили, и приступ сорвался. Обри погиб, и та горстка воинов, с которой он пошел на приступ, тоже. Он был сыном одного из преданнейших советников короля Людовика VII, Робера Клемана.

Несмотря на неудачи, осаждавшие мало-помалу продвигались к цели, тогда как защитники Акры, чем дальше, тем сильнее ощущали безнадежность своего положения и задумывались

о сдаче города. Переговоры, начатые в первых числах июля 1191 года, имели целью выработку условий почетной капитуляции. Важность момента понимали обе сражающиеся стороны. Об этом свидетельствуют рассказы и арабских, и западных летописцев, которые живописуют подвиги, совершенные как франками, так и мусульманами. Беха-эль-Дин, в частности, говорит о поразившем его воображение крестоносце, который, отражая атаки войск Саладина, не прекращал метать камни в мусульманских воинов и казался неуязвимым до тех пор, пока «его не обьял "греческий огонь", брошенный в него одним из наших офицеров». Также он вспоминает о женщине в зеленом одеянии, которая сражалась наравне с мужчинами и без устали посылала стрелы в мусульман, пока сама не была убита. «Мы отнесли ее лук султану как трофей», — сообщает хронист.

Два «языческих принца, которые пребывали во граде Акра», явились 4 июля к христианам и предложили сдать город со всем оружием, золотом и серебром в обмен на право уйти свободными и невредимыми. Но короли Франции и Англии пожелали большего. В обмен на жизнь защитников Акры они хотели возвращения всей земли, которую им пришлось уступить после катастрофы у Хаттина, то есть Иерусалима и его окрестностей, а сверх того еще и освобождения всех христиан, которые были пленены Саладином или его людьми после 1187 года. Представители осажденных, которых хроника называет Местош и Карракуа (Эль-Мештуб и Каракуш), очевидно, не чувствовали себя вправе пойти на такие уступки без консультации с Саладином. Они удалились, оставив заложников, но султан не пожелал и слушать о чем-либо подобном, и они так и не вышли более из города. Переговоры сорвались. А между тем в стане франков уже воцарилось настроение победы.

На следующую ночь, около полуночи, Саладин вновь попытался преодолеть внешние рвы, окаймлявшие христианский лагерь. В его намерения входило вызволить часть защитников Акры из города, но, поскольку оба короля знали, что он задумал, стены оставались под неусыпным надзором. Войска были начеку, и вылазка Саладина сорвалась, да еще с немалыми потерями. Несколько позже, 5 июля, люди и осадные машины короля Англии пробили огромную брешь в одной из крепостных стен. Ночью рухнула одна из башен, а на следующий день, 6 июля, франки вновь начали приступ. Местош и Карракуа, к которым присоединился третий парламентар по имени Эльседин Жардик, снова начали торговаться об условиях сдачи. Ричард, к тому времени совершенно выздоровевший, предложил по слитку золота всякому, кто принесет камень из Башни Проклятья, и велел продолжать подкапывать крепостные стены.

Наконец, несмотря на настоятельное желание Саладина продолжить сопротивление, осажденные исчерпали все свои силы и приняли решение капитулировать при посредничестве ордена госпитальеров и Конрада Монферратского. В пятницу 12 июля «крест и знамя поднялись над городскими стенами», писал арабский летописец Абу-Шама¹. «Страшный шум поднялся на стороне франков. Всех правоверных охватил ужас, все оцепенели, поле огласилось воплями, плачем, стонами и рыданиями. О, гнусное зрелище: маркиз, войдя в Акру с четырьмя знаменами христианских королей, поднял одно из них на цитадели, второе — на минарете великой мечети (а была пятница!) и третье — на боевой башне, вместо знамени ислама». Взгляд на произошедшее с другой стороны представляет хронист Амбруаз, голос которого звучит победно и торжествующе:

«Четыре года минуло с тех пор, как сарадины захватили Акру, и город был взят нами на следующий день после праздника святого Бенедикта, несмотря на их проклятый род. Тогда мы увидали церкви, оставшиеся в городе, изуродованными и лишенными образов, с повергнутыми алтарями, с посеченными крестами и распятиями из презрения к вере нашей ради удовлетворения их неверия и освобождения места для их мечетей».

И алтари низвержены,
Кресты разбиты, сожжены, —
И что вся наша вера?

Было условлено, что защитникам Акры сохранят жизнь и в скором времени освободят при условии уплаты выкупа в 200 тысяч динаров золотом и освобождения 2500 христианских узников. Войска Саладина отступили, оставляя за собой пустыню: до самой Хайфы виноградники и садовые деревья были вырублены, а крепости и города, малые и большие, разрушены.

Два короля встретились на следующий день, с тем чтобы поделить между собой город и пленников. Филипп Август получил свою резиденцию из рук Дрё де Мелло, а Ричард доверился Югу де Горне. Было похоже, что Саладин предложил армиям Запада союз, потому что ему нужна была военная помощь против сына Нур-эд-Дина. Взамен Саладин обещал отдать франкам землю Иерусалимскую до Иордана. Сам он пока отдыхал у Сефории, а по всем тропам и дорогам сновали гонцы, курсировавшие между его лагерем и Акрой, в которой англичане и французы разбирали свои осадные машины. Происходил и обмен подарками. Ричард отправил Саладину охотничьих

¹ Цит. по: René Grousset, t. VI, p. 155.

Ричард I, борющийся со львом. Гравюра XVI в.

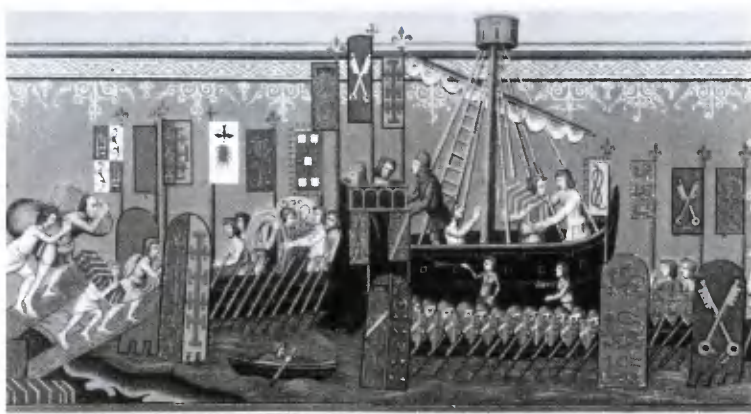

Гипсовый слепок
со «Второй»
Государственной печати
короля Ричарда

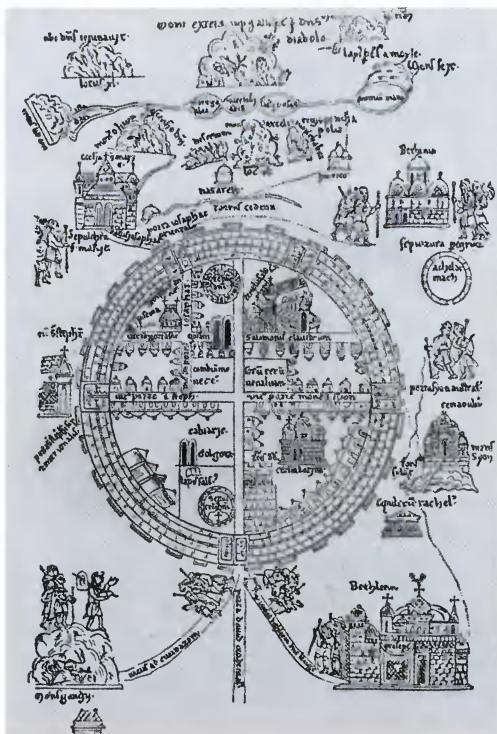
Большая
Государственная печать
короля Филиппа Августа

Крестоносцы,
погружающиеся на корабль.
Миниатюра XV в.

План Иерусалима.
XII в.

Крестоносцы
перед крепостью
Сен-Жан д'Акр.
Миниатюра XV в.

Фридрих I
Барбаросса.
Миниатюра
из «Иерусалимской
истории»
Роберта монаха

Смерть Фридриха
Барбароссы.
Миниатюра
второй половины
XIII в.

Печать Иоанны
Сицилийской,
сестры Ричарда
Львиное Сердце

Сицилийский двор при короле
Танкреде

Церковь и монастырь
Сан-Джованни
в Палермо.
Построен
нормандским королем
Сицилии Рожером
в 1135 году

Осада замка. Миниатюра XIII в.

Боевой топор. XIII в.

Высадка войск.
Миниатюра из «Хроники»
Матвея Парижского

Вверху: крестоносцы атакуют сарацинов; внизу: игра в шахматы.
Миниатюра из «Истории» Гийома (Вильгельма) Тирского. XIV в.

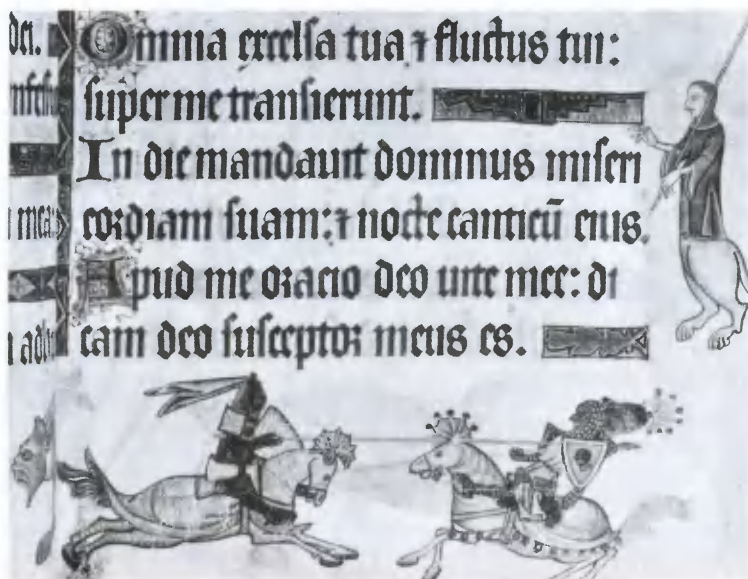
Прибытие короля Филиппа Августа под Акру и осада города.

Миниатюра из «Большой Французской хроники». XV в.

В правой части миниатюры изображен захват королем Ричардом Львиное Сердце корабля сарацинов

Рыцарский поединок. Левый рыцарь изображен в доспехах Ричарда Львиное Сердце; правый, которому приданы черты «безбожного» Саладина, держит щит с изображением головы сарацина.

Миниатюра английской Псалтири. 1340 г.

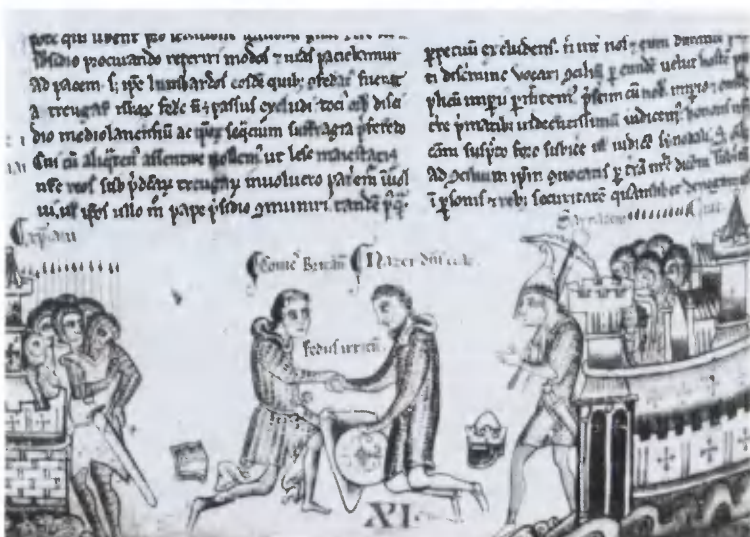

Итинерарий Матвея Парижского. Последняя часть пути Ричарда Львиное Сердце из Англии в Святую землю: изображены крепости в Палестине и Сирии, а также Иерусалим

Филипп Август покидает Палестину. Миниатюра XIV в.

Перемирие между крестоносцами и сарацинами осенью 1191 года.
Миниатюра из «Хроники» Матвея Парижского

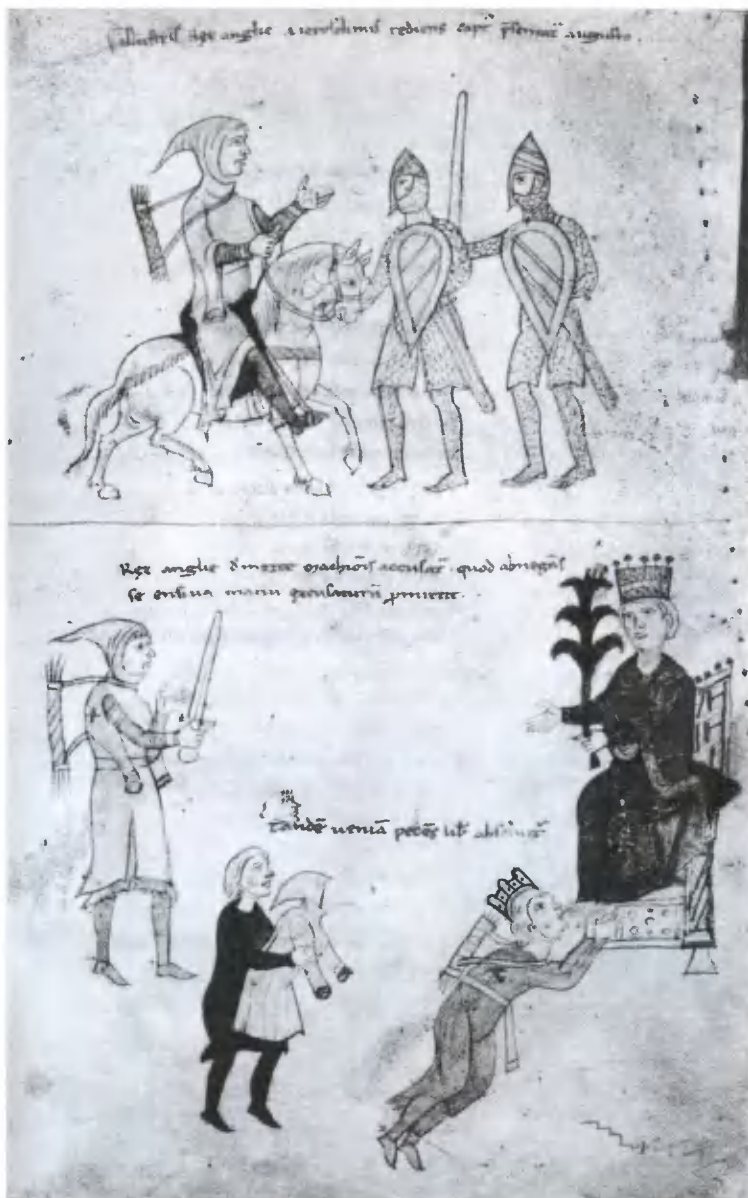
Меч.
Середина
XIII в.

Смерть Саладина. Миниатюра из «Хроники»
Матвея Парижского

Замок Дюрнштайн на Дунае,
в котором находился в заточении
Ричард Львиное Сердце

Ричард в Германии. Вверху: арест Ричарда воинами Леопольда; внизу: Ричард припадает к стопам императора Генриха VI, умоляя о помиловании. Миниатюра из «Хроники» Петра из Эболи

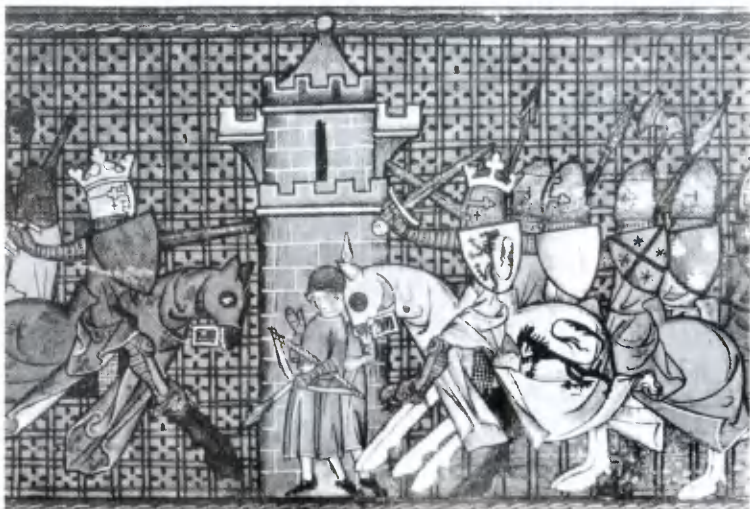

Император Генрих VI

Папа Иннокентий III

Король Ричард атакует Филиппа Августа у Жизора. 1198 год.
Миниатюра XIV в.

Иоанн Безземельный, младший брат Ричарда. *Миниатюра XIV в.*

Битва у Бувины в 1214 году.

Миниатюра из «Хроники» Матвея Парижского

Два эпизода из жизни Ричарда. Слева: Ричард томится в тюрьме в Германии; справа: Ричард получает смертельное ранение при Шалю.
Средневековая миниатюра

Внутренний вид
церкви Фонтевро,
усыпальницы
Плантагенетов

Надгробия
Ричарда
Львиное Сердце
и Алиеноры
Аквитанской
в церкви
Фонтевро

собак и соколов. Султан, в свой черед, прислал «великие и весьма ценные дары» королю Ричарду; к сожалению, Бенедикт из Питерборо не уточняет, какие именно. Тем временем епископ Веронский Алард, архиепископ Тирский, епископы Шартра, Бове, Пизы, вместе со всем духовенством и мирянами, очищали и вновь освящали старинные церкви, превращенные мусульманами в мечети, и повсеместно восстанавливали христианское богослужение. В воскресенных храмах проходили торжественные литургии, тогда как войско занималось укреплением и восстановлением крепостных стен и починкой разрушенных домов.

Король Франции поселился в крепости, король Англии — в доме храмовников. Прочие рыцари нашли пристанище в различных домах по всему городу. Однако возникло немалое затруднение из-за того, что старинные обитатели Акры пожелали возвращения своего имущества и явились с просьбой к королю Филиппу: «Вы пришли, государь, дабы обрести королевство Иерусалимское, и нет причины, по которой бы мы были обездолжены вами. Рыцари в наших домах, и они говорят, что они отвоевали их у сарацин. Посему, сир, мы у вас просим совета (суда. — *Р. П.*) между нами». Филипп Август принял их сторону. В замке Акры созвали совет, на котором присутствовал и Ричард.

Филипп начал говорить и изложил желание горожан Акры и их прошения: как они просили совета, с тем чтоб не оказаться обездолженными и лишенными своего имущества, которое они не продавали и не закладывали, но которое сарацины взяли насильно. «И я говорю, что мы пришли сюда, не ища наследства или захвата чужих домов. Мы пришли ради Бога и во спасение душ наших и ради отвоевания королевства Иерусалимского, которое сарацины отняли у христиан и которое мы должны вернуть и вновь отдать в руки христиан. И мне представляется весьма вероятным, что Бог, даровавший нам власть завоевать град сей, не дает нам причины, чтобы тот, кто владел наследием, должен был его потерять. Таков мой совет, если вам будет угодно с ним согласиться».

Ричард без раздумий присоединился к Филиппу, а за ним и прочие бароны. Было решено, что все те жители Акры, которые смогут доказать, что владели тем или иным домом, должны быть восстановлены в своих правах; с другой стороны, они приютят у себя рыцарей на все то время, пока те остаются в Святой земле.

Кроме того, купцы из Пизы потребовали оплаты по счетам графов и баронов обеих армий — в том числе и тех, кто более двух лет участвовал в осаде Акры. Но короли, кажется, не то-

ропились делиться с ними добычей. 20 июля, на День святой Маргариты, Ричард вновь совещался с королем Франции и предложил, чтобы все крестоносцы дали клятву провести на Святой земле три года для победы над врагами веры Христовой и уж по крайней мере не возвращаться домой до тех пор, пока у Саладина не будет снят Иерусалим со всеми землями вокруг него. Филипп, однако, и слышать не хотел ни о какой клятве. «Он уже в душе видел свое возвращение», — пишет Бенедикт из Питерборо.

Тем временем король Ричард перевел свою супругу, королеву Англии, и свою сестру, королеву Сицилии, а также дочь императора Кипра под охраной в свой дворец в центральной части Акры. Вероятно, до этого времени они оставались на одной из английских галер, укрытой в небольшом порту близ горы Мусард. На следующий день, в который праздновалась память святой Магдалены, к королю Англии явилась делегация французских баронов. Ричард принял Филиппа де Дрё, епископа Бове, Юга, герцога Бургундского, Дрё и Гийома де Мелло.

«Они явились к королю и поприветствовали его от имени короля Франции, после чего стали плакать, так, что невозможно было разобрать ни единого слова. Глядевшие на них сами начинали рыдать, видя их в таком состоянии. Всё это еще продолжалось, когда король Англии обратился к ним с такими словами: "Не плачьте: я знаю, чего вы у меня попросите. Ваш сеньор, король Франции, решил вернуться в свою страну и вы вместе с ним, коль уж он получил от меня согласие на отъезд". Они же тогда обратились к нему с помертвевшими лицами: "Государь, вы знаете всё, и мы в самом деле явились затем, чтобы получить от вас позволение последовать за ним. Ибо он утверждает, что если не покинет вскоре эту землю, то умрет". — "Вечный позор, — отвечал король Англии, — пал бы на него и на королевство Французское, оставь он прежде времени труды, ради коих он сюда явился, и если б дело было только в моем совете, он не ушел бы отсюда; но раз уж речь идет о жизни и смерти, то пусть он поступает так, как считает нужным и как представляется лучше ему и его близким"».

Растерянность баронов, по-видимому, не была притворной: видя, что их король отстраняется от похода, который едва начался, они, кажется, испытывали те же чувства, что и король Англии, то есть намерения короля представлялись им бесчестными. В представлениях рыцарства верность слову стояла очень высоко: нарушение обещания считалось тягчайшей виной; но ведь никто не обещал ничего иного, кроме как участия в экспедиции, а цель ее состояла в отвоевании Святой земли, то есть Иерусалима.

Не то чтобы Филиппу Августу не доставало отваги. Рассказывали, что в последние дни осады его то и дело видели на крепостных стенах, на которые он взбегал словно белка. Но нет сомнений: если он о чем и мечтал, то лишь о возвращении на родину; в его глазах отвоевание Акры выглядело вполне достаточным подвигом. С другой стороны, надо признать, что на него то и дело нападали хвори, что болел он тяжело, потому что плохо переносил здешний климат, а места эти были знойными. Его отличала повышенная нервозность. Куда ему было тягаться с Ричардом... Король Франции страдал навязчивой идеей, все время опасаясь за свою жизнь. Добавим к этому, что личные подвиги Ричарда Львиное Сердце не могли не вызывать в глубине души короля Франции досаду; все летописцы сообщают о соперничестве между двумя королями.

О Ричарде, Английском короле,
И о деяниях его в Святой земле,
Чтоб рассказать, достойный нужен слог,
Чтоб, не смущаясь, я доверить смог
Слова свои чернилам и бумаге,
Дабы узнали о его отваге,
О вежестве и о деяниях славных,
О том, что не бывало ему равных.
Когда король Французский поскупился,
То бишь от уговора отступился
Платить своим раз в месяц три монеты,
Так Ричард, вскоре услыхав про это,
Велел, не пощадив своей казны,
Да всякий воин, из любой страны,
Во удовлетворенье нужд своих
Получит от него четыре золотых.
И славил Ричарда войсковый стан:
Все говорили: «Сей средь христиан
Вождь наилучший! Он в час мирный и в бою
Творит Господню волю — не свою!»

По прибытии Ричарда Филипп не постеснялся потребовать от него половину непредвиденной добычи, доставшейся после завоевания Ричардом острова Кипр. Ведь разве не договаривались они перед отправлением в поход, что все добытое в пути они будут делить поровну? Ричард отвечал на это требование со всей ясностью: пусть Филипп отдаст ему половину Фландрии, тогда и он отдаст половину завоеванной им страны. В самом деле, граф Фландрский был тогда при смерти, а король Франции (и вот еще одна причина, побуждавшая его к возвращению в свое государство) заявил о своих притязаниях на оставленное им наследство. Очевидно было, что приобретения обоих королей подлежали дележу лишь в том случае,

если приобретались совместно, и что Филипп не имел никаких отношения к завоеванию Кипра королем Ричардом.

Соперничество обоих королей усугубила долговременная тяжба между бывшим Иерусалимским королем Ги Лузиньянским и маркизом Конрадом Монферратским. Король Англии, как истый пуатуанец, встал на сторону первого, а король Франции поддержал второго. Между обоими претендентами то и дело возникали споры; ссоры, тяжбы, свары чередой сменяли друг друга. Неоднократно замечали великую близость, установившуюся между Филиппом Августом и «маркизом», «который много творил такого, что стало срамом и ущербом и убытком множеству людей для их душ».

Не замедлили появиться слухи и толки, связанные с замыслом Филиппа Августа покинуть Святую землю. Как писал Амбруаз, на этот счет слышалось больше проклятий, чем благословений. Главнейшие бароны умоляли короля не понуждать их к тому, что они полагали дезертирством со службы Божией, на которой они обретают честь и достоинство для себя и своих потомков. Филипп, казалось, заколебался; быть может, у него появилась тайная мысль отыскать какую-то более убедительную причину для отъезда, и потому он вернулся к своему требованию о разделе Кипра. Это послужило поводом к новой ожесточенной ссоре с Ричардом. Для достижения примирения пришлось немало потрудиться прелатам и другим людям из окружения обоих монархов, слывшим мудрыми и пользовавшимися моральным авторитетом.

Неизвестный автор продолжения хроники Гийома Тирского сообщает в этой связи о любопытном эпизоде. Перед смертью граф Филипп Фландрский просил короля Франции, чтобы тот навестил его. На смертном одре он поведал королю, что тому «должно побережь себя, ибо есть в войске люди, которым желанна его смерть. Король принял слово это к сердцу и так сильно разгневался, что слег в болезни, которая его давила так тяжело и так долго, что он едва не умер. В этой болезни, когда он был прикован к постели, к нему явился король Англии, чтобы узнать, как больной себя чувствует. Король Франции отвечал, что чувствует себя очень плохо. Тогда говорит ему король Ричард: "Государь, утешьтесь, ибо Бог соблаговолил сотворить волю Свою о Людовике, сыне вашем". (Он хотел сказать: «Бог сотворил Свою волю, призвав к Себе Людовика». — *Р. П.*) Я не знаю, — добавляет хронист, — почувствовал ли король Ричард себя уязвленным, сказал ли он это потому, что разгневался на короля Франции, или же просто так, по ходу разговора. Когда король Франции понял его, он сказал: "Да, это может меня утешить, ибо, если я умру в этой стране, королевство Франции

останется без наследника". Как только король Франции остался один, — продолжает тот же безымянный летописец, — он позвал герцога Бургундского и Гийома де Барра и прочих членов его личного совета и попросил у них, чтобы они верно ему сказали, знают ли они какие-то новости о смерти его сына Людовика, и если да, то пусть ему скажут. На это герцог Бургундский ему отвечал: "Государь, после того, как вы явились сюда, дабы участвовать в осаде Акры, не было ни одного корабля из-за моря, который принес бы такую новость. Но король Англии сказал вам про это из злобы, чтобы усугубить вашу болезнь". Услышав это, король Франции нимало не стал притворяться, но послал за врачами, и одарил их сокровищами, и просил их, дабы они приложили все старания, чтобы он выздоровел; они постарались, и Бог явил свою милость, так что в скором времени он оправился».

Анекдоту этому историки не верят, и по справедливости, поскольку в действительности граф Фландрский погиб 1 июня 1191 года, то есть до захвата Акры и еще до прибытия Ричарда Львиное Сердце. Трудно, впрочем, приписывать последнему такую совершенную ненависть и такую расчетливую злобу; при всей несовместимости их характеров Ричард никак не мог желать того, чтобы Филипп покинул Святую землю; наоборот, он очень надеялся, что король Франции останется, ибо трудно было обеспечить успех похода без французского войска, часть которого, несомненно, последовала бы за своим королем.

Одна ссора между тем была улажена без особых проволочек — это тяжба между бывшим королем Иерусалимским Ги Лузиньяном и Конрадом Монферратским. У обоих была поддержка: за одним стоял король Франции, другому сочувствовал король Англии. 27 июля встретились все заинтересованные стороны. Ги и Конрад перед собранием баронов и прелатов, на котором председательствовали оба короля, высказали свои притязания. Первый доказывал, что королевство Иерусалимское принадлежит ему как наследнику своей супруги, покойной королевы Сивиллы, скончавшейся бездетной; второй же ссылался на свои права, которые ему якобы давал брак с сестрой покойной королевы, Изабеллой, ибо та все же стала его супругой, хотя и пошла на это супружество не по своей воле. Теперь оба соперника вынесли свои притязания на суд королей Англии и Франции и их окружения. Первым делом совет баронов провозгласил мир и согласие между обоими, а соперники поклялись подчиниться их приговору, который должен быть вынесен на следующий день, 28 июля. После возобновления присяги короли огласили свое решение: Ги Лузиньянский сохраняет титул короля Иерусалимского за собой до

конца жизни, но сан сей принадлежит ему лично, и если он вступит в новый брак и у него родятся сыновья или дочери, то никто из его детей не будет вправе притязать на наследство; после же смерти Ги Конрад и его супруга, сестра королевы Сивиллы, буде они к тому времени останутся в живых, или же их наследники получают права на королевство со всеми правами, включая право наследования. Пока же все доходы от земли должны делиться между королем Ги и маркизом Конрадом до конца их жизни. При этом маркизу передаются во владение Тир, Сидон и Бейрут. Жоффруа де Лузиньян, брат короля Ги, получает графство Яффское и обязуется, как и маркиз, признать, наконец, власть короля Иерусалимского. Все заинтересованные стороны согласились с этим приговором, в чем и принесли присягу.

На следующий день Филипп Август даровал маркизу Конраду в личное владение часть недавно завоеванного города. 29 июля произошло новое совещание между двумя королями. Филипп еле сдерживал нетерпение — ему хотелось как можно скорее покинуть Святую землю и вернуться в отечество. Английские летописцы сообщают, что «по решению совета и по воле главных баронов» король Франции испросил у короля Англии согласия на возвращение в свою страну и поклялся на Евангелии и перед лицом всего народа, что не сохранит в душе, и не сотворит никакого зла, и не позволит кому бы то ни было злоумышлять против короля Англии, его земель или его людей, но, напротив, обязуется охранять всех его людей и все его земли в мире и добром состоянии, защищать их от всякого вражеского вторжения и заботиться о том так же, как если бы речь шла о защите града Парижа. Присяга, подобная любой присяге в феодальном духе, во многом напоминала ту, которую принес сам Ричард Филиппу Августу, своему сеньору, касательно земель во Франции: он утверждал в ней свои виды только на Нормандию, но признавал и особенные права короля на Париж, в котором Филипп пребывал охотнее любого из своих предшественников на престоле.

После этого король Франции, готовясь покинуть Святую землю, стал отдавать необходимые распоряжения. Командование армией он передал королю Англии, а во главе ее поставил герцога Юга Бургундского. Он выделил сто рыцарей и пятьсот оруженосцев в помощь князю Антиохийскому Боэмунду, и Ричард тоже направил Боэмунду столько же своих воинов. Обязанности коннетабля были переданы одному из приближенных, Роберту Куинси. Король Ричард добавил к этому пять больших кораблей, загруженных оружием, конями и провиантом, и направил их в Антиохию. На следующий день делили

пленников, захваченных в Акре, а 31 июля, в День святого Германа, Филипп Август взшел на корабль и отбыл в направлении Тира, который и стал первым этапом на его обратном пути. С собой Филипп забрал Манассию, епископа Лангрского, Рено, епископа Шартрского, и Пьера де Куртене, графа Неверского. Поход короля Франции в Святую землю закончился.

Эх, да что там, пускай! слава Богу, убрался!
И какую же скверною он оказался!
Нет других чтоб сдержать! Он и сам наутек,
Да еще и толпу за собою увлек! —

восклидал Амбруаз, повествуя об отплытии Филиппа Августа.

Историк Джошуа Проуэр справедливо подчеркивает значение взятия Акры, остававшейся столицей того государственного образования, за которым удерживалось наименование королевства Иерусалимского на протяжении целого века: с 1191 года до окончательного разгрома крестоносцев в 1291 году. Разбираясь в характере экспедиций в Святую землю, Рене Груссе отмечает, что если первые крестовые походы вдохновлялись верой и предпринимались ради веры, то на протяжении второго столетия эпохи крестовых походов пребывание христиан в Святой земле зависело в основном от торговли пряно-стями...

Как бы то ни было, отъезд Филиппа Августа стал своего рода подарком для мусульманских армий и лично для Саладина, который по-прежнему удерживал Иерусалим, завоеванный еще за четыре года до этого: Саладин лучше, чем кто бы то ни было, понимал, что значит обладание Святым Градом. Для христианских же армий уход с театра военных действий короля Франции и части войск стал чувствительным ударом, серьезно ослабившим их боевой дух, не говоря уже о военном потенциале. Этот поступок сильно повредил престижу Филиппа Августа, тогда как Ричарду, напротив, досталась едва ли не вся слава.

Дни после рокового отплытия были заполнены подготовкой к новой кампании. Камнеметальные и прочие осадные машины грузили на корабли, которые прибывали загруженными вином, пшеницей, растительным маслом и всем прочим, что могло понадобиться, а также людьми и лошадьми. Ричард давал понять, что намерен вернуть под власть христиан Аскалон, и велел готовить армию к выступлению. Среди прочего, он перетянул к себе всех лучников, предложив им хорошую плату. Слухи об этом дошли до лагеря Саладина и вызвали там большие опасения: все понимали, что Аскалон — наилучшая отправная точка для похода в Египет.

Между тем близилось 9 августа — день, после которого надо было освобождать пленных, в соответствии с ранее достигнутыми договоренностями. По этому поводу возникла первая ссора между Ричардом и маркизом Конрадом, который ощутил свою силу благодаря поддержке, полученной им от Филиппа Августа. Ричард отправил Губерта Готье, епископа Солсберийского, с поручением вернуть пленных, которых оставил Конраду король Франции. В числе пленных находился и некий вельможа, которого летописцы называли Каррасуа. Маркиз наотрез отказался отдать пленников, доказывая, что они ему достались бешенству, в которое пришел Ричард, когда услышал такой ответ?! Он уже заговаривал о возможной осаде Тира, которая должна была привести Конрада в чувство; герцог Бургундский поспешил унять короля и вызвался лично отбыть в Тир в качестве парламентаря для переговоров с пресловутым маркизом.

Наконец наступило 9 августа. Помимо обмена военнопленными в этот день христианам должен был быть возвращен Истинный Крест.

«Когда пришел день, в который Саладин должен был это выполнить, он потребовал от христиан, чтобы они ему дали еще один день, ибо он пока не готов к тому, что ему надлежало сотворить. Наши люди, имевшие великое желание обрести Святой Крест и узреть пленных освобожденными, согласились на это. Когда же настал день, о котором с ним было условлено, короли и рыцари и все вооруженные люди были готовы. <...> Прелаты, священники и всё духовенство, разоблачившись и разувшись, вышли из города в великом благоговении и пошли к тому месту, которое назначил им Саладин. Когда они пришли туда, они были уверены, что Саладин вернет им Святой Крест и исполнит свое обещание, которому они поверили... Однако они оказались обмануты. Великая печаль восстала среди христиан, и много слез пролито было в тот день».

О том же писал и Продолжатель Гийома Тирского:

...И впрямь: сарацины нам снова солгали.
Султан Саладин, по коварству натуры,
Решив, что за Крест он сдерет с нас три шкуры,
Заложников вновь утешенья лишил
И вновь — вместо мира — лишь торг предложил.

Так накапливалось разочарование после победы, которая вернула было надежду на восстановление латинского королевства в Иерусалиме. Упомянем здесь еще об одном обстоятельстве, показавшемся малозначительным некоторым хронистам (судя

по тому, что они лишь упоминают о нем), но вовсе не мало-важным для последующей истории Ричарда. По словам Ричарда де Девиза, при дележе военнопленных, захваченных в Акре, одного из вождей, Местоша, приписали королю Англии, тогда как второй, Карракуа, «пал, как глоток свежей воды, в широко разинутую пасть жаждущего короля Франции». Хронист рассказывает, что по этому случаю герцог Австрийский, один из старейших участников осады Акры, встал рядом с королем Англии и потребовал для себя тех пленников, которые должны были достаться ему; он велел нести перед собой свой штандарт, чтобы подчеркнуть свое желание отвоевать свою долю торжественной победы. Это не понравилось свите Ричарда. И не по его ли приказу штандарт герцога сбросили в яму? Во всяком случае, это вполне соответствовало его настроению, как и настроению его приближенных; кое-кто из его свиты в знак презрения стал даже топтать знамя. Герцог Австрийский ужасно разозлился, но, будучи не в силах незамедлительно отомстить, сделал вид, что у него разболелась старая рана, и удалился в свой шатер под навесом, где и провел ночь, пытаясь побороть обиду. Впоследствии, однако, он вновь исполнился злобы. Много позже, когда подвернулся весьма удобный случай, эта злоба не замедлила выплеснуться наружу.

Был назначен новый срок для обмена военнопленными и возвращения Истинного Креста — 20 августа; подготавливалась также и встреча между Ричардом и братом Саладина. В тот день король, сопровождаемый некоторыми приближенными, прошел над крепостными рвами, но напрасно прождал так и необъявившегося глашатая. Рассказы о том, что случилось дальше, слегка разнятся между собой. Терпение Ричарда иссякло; дальнейшие свидания с султаном, о которых надо было вновь и вновь улаживать, показались ему бесполезными. Ричард не выдержал напряжения; что уж говорить о страже, ответственной за содержание и питание узников и за надзор над ними.

«Он повелел, чтобы вывели тех сарацин, которые достались ему как его доля, — рассказывает Продолжатель Гийома Тирского. — <...> Когда же их привели, он велел их выстроить в виду двух армий, христианской и сарацинской. И их построили так, чтобы сарацинам их было хорошо видно. Король тотчас же приказал, чтобы всем им отрубили головы и сделали это дерзко, напоказ. И со связанными руками они были умерщвлены на виду у сарацин».

Жуткая, отвратительная бойня. Бенедикт из Питерборо рассказывает, что Саладин поступал так же с рабами-христианами. И в самом деле, по свидетельству арабских летописцев, он

лично присутствовал при массовом умерщвлении христиан, попавших в плен после Хаттина; среди убитых особенно много было храмовников, а казнили их обезглавливанием. Впрочем, это все равно не извиняет Ричарда. Считается, что истреблено было до 2700 военнопленных; это убийство омрачает для нас славу Ричарда и его громких подвигов. Но, как всегда бывает со всеми варварскими выходками подобного рода, казни беззащитных узников ни к чему доброму не привели: все переговоры были прекращены, а война, казалось, утихавшая, возобновилась с новой силой и со все более нараставшей ожесточенностью. В живых не оставили никого, кроме двух парламентаров, посредничавших в переговорах о сдаче Акры: им пришлось пообещать королю Англии содействие в возвращении Иерусалима и Аскалона. Пощадили еще нескольких вельмож Акры, в их числе оказались коннетабль, казначей и тот, кого хронисты называют «Кахедином, писателем (наверное, нотариусом. — Р. П.) Акры».

Когда наше войско у Акры стояло,
Прошло две зимы, одно лето пропало,
А муки какие, а сколько убытку?..
А сколько детей превратилось в сирот?
А множество вдов — кто мужей им вернет?
А девушки — сколько их сбилось с пути?
А сколько наследства теперь не найти?
Епархии по архипастырям тужат,
А в храмах без пастырей Богу не служат.
А сколько погибших: баронов, князей,
И графов, и менее важных людей?
О Боже, прости! Да Господь все устроит!
И страдалцев во Царстве Своем упокоит!

Понимая, что вражда может вспыхнуть снова и что он может стать ее виновником, Ричард передал Акру на попечение Бертрана де Вердена и Стивена Лонгчампа¹ — последний, вероятно, был братом епископа Илийского. Три женщины не должны были разлучаться с королем: его сестра Иоанна, его супруга Беренжера и дочь императора Кипрского. Для их охраны Ричард выделил стражу и войсковое подразделение и двинулся в направлении Хайфы.

Позволительно спросить: почему же он не решился тогда предъявить права на Иерусалим? Надо полагать, он понимал, что нечего и думать об отвоевании Святого Града с тем уменьшившимся войском, которым он располагал. Нет сомнений,

¹В оригинале французская форма имени: Этьен де Лонгчамп. (Прим. пер.)

что полководец и стратег — а Ричарду нельзя отказать в одаренности талантами военачальника — должен был принять во внимание трудности, которые возникли бы, вздумай он повторить опыт, приобретенный при Акре. Затяжная осада Иерусалима не сулила успеха, ибо здесь не было того, что обеспечило в конце концов победу при Акре: постоянной поддержки с моря; ведь именно морским путем доставляли подкрепления, провиант и все необходимое. И вероятно, из желания надежно обеспечить прикрытие с моря и задумал Ричард завоевать берег Палестины.

Историки нашего времени любят отмечать отсутствие у первых крестоносцев подобной осторожности: те сразу шли на Иерусалим и брали Святой Град, обладание которым имело определяющее значение для христиан: это был их общий фьеф, их достояние, на которое никто не притязал лично. Ричард же вел себя как мудрый стратег, предусмотрительно заботящийся о том, что бывает после победы. Известно, что стало с Готфридом Бульонским на следующий день по взятии Иерусалима: он и его 300 рыцарей сами оказались в осаде. В итоге три года невероятных страданий, увенчавшихся взятием Святого Града, пропали зря, ибо были превращены в ничто армиями султана, который зашел с тыла и опрокинул войско крестоносцев. Быть может, Ричарду недоставало воинственности, быть может, не хватало войска или дерзости духа и веры, но со стратегической точки зрения его осторожность была оправданной.

Марш, начавшийся 22 августа, сразу же столкнулся с большими трудностями. Ричард должен был перейти со своими войсками поток Нааман, протекавший близ Акры, и затем, уже оказавшись на другом берегу, двигаться к Хайфе. Армия представляла собой огромную массу людей, включавшую не только бойцов, рыцарей, оруженосцев, лучников и арбалетчиков, но еще и вспомогательные силы, плотников и саперов, притом каждый со своей поклажей. Тяжелые машины, вроде баллист и иных осадных приспособлений, были погружены на корабли, ушедшие из Акры с тем, чтобы обследовать берег до Яффы. Этот флот представлял собой резерв на тот случай, если султан вздумает напасть превосходящими силами; к тому же корабли могли поставлять провиант для войска. Поначалу особых затруднений как будто бы не наблюдалось: песчаный берег зарос колючим кустарником, затруднявшим передвижение, а потому Саладин не мог появиться неожиданно и захватить караван врасплох. Жара в том августе стояла невыносимая, и продвижение давалось с немалым трудом, но порядок на марше поддерживался безупречный.

С самого начала были приняты особые меры. Вот что говорит об этом принимавший участие в походе хронист Амбруаз: выманить бойцов из Акры оказалось нелегко, ибо в городе было «полно добрых вин и девиц, из которых многие были весьма красивы; воины предавались вину, женщинам и всяческим безумствам». «Веселые девки», как их тогда называли, всячески привечались и обхаживались, хотя если кто и заботился об армии, так это «добрые старые паломницы, труженицы, работницы и прачки, которые мыли белье и ухаживали за волосами крестоносцев и которых в вычесывании блох почитали равными в ловкости обезьянам». Ричард, вместе с Ги Лузиньяном, возглавлял поход. В середине колонны оборону обеспечивали нормандские рыцари, тогда как в арьергарде шли по большей части рыцари французские: Юг Бургундский, Жак д'Авен и с ними Гийом де Барр, как будто позабывший о былых своих стычках с королем Англии. Этот последний отличился в самом начале экспедиции, когда войско Малика эль-Адила, брата султана Саладина, окопавшееся к югу от Акры, в местечке, известном среди крестоносцев как Райнемунде, напало на обоз крестоносцев. Лишь сплоченность строя и строжайшая дисциплина позволили франкам отразить это нападение. «Конница и пехота франков, — писал арабский летописец эль-Имад¹, — двигались вдоль берега, по правую руку от себя имея море, а по левую — равнину. Пехота окаймляла обоз наподобие крепостного вала. Люди были в коротких войлочных куртках и кольчугах, которые защищали их от наших стрел. Вооруженные мощными арбалетами, они поражали издали наших всадников».

Вылазки войск султана против двигавшейся на марше армии происходили непрерывно. Турки пользовались своей излюбленной тактикой, которая стала хорошо известна со времени крестовых походов и сводилась к налетам небольших конных отрядов на фланги обоза. Всадники осыпали солдат стрелами, стремясь, чтобы те нарушили строй и начали суетиться и кружиться, «как мухи»; тогда сами нападавшие спешили скрыться, а затем, перегруппировавшись, ударяли в иное место. Стычки и набегі по ходу этого нудного продвижения давали шанс и «сарацинскому» войску, и воинству Запада выявить слабые места друг друга. Правда, от резвости летучих отрядов на песчаном морском берегу было мало толку, а христиан не очень-то брали стрелы, потому что их хорошо защищали кольчуги. Беха эль-Дин, видевший, подобно Амбруазу,

¹ Цит. по: René Grousset, t. VI, p. 165.

все происходившее своими глазами, свидетельствует о некоем солдате, который беззаботно шагал вперед, хотя в его спину попало с добрый десяток стрел.

«Борьба между двумя армиями не прекращалась, — писал он, — но тщетно мусульмане осыпали фланги врага стрелами и завязывали бои: враг продолжал следовать своим путем, сохраняя чинность и мерность поступи. В середине войска видна была колесница, на которой везли высокую, как минарет, башню, а над той башней развевалось их знамя».

Эта колесница с высоко воздетым над нею штандартом служила ориентиром, обозначавшим место сбора на тот случай, если неприятелю удалось бы рассеять войско. «Их суда, — добавляет тот же летописец, — плыли по морю параллельным курсом и останавливались при каждой задержке марша. Продолжительность перехода выбиралась в видах удобства пехоты, поскольку, хотя вьючные животные и использовались, поклажу и палатки несли на себе солдаты резерва». Многие другие арабские хронисты также более всего удивлялись этой безупречно строгой дисциплине, которая делала войско неуязвимым для турок и бедуинов; последние были «гнуснее и много чернее, чем сажа, чрезвычайно ловкие и смекалистые... они оказывались столь дерзкими, что не оставляли врагу ни мгновения передышки». И еще: напрасно «наше войско окружало франков во всех частях и обрушивало на них град стрел ...<...>, [они] хранили совершенную твердость на марше, не выказывая никакой тревоги, и их пехота отвечала на наши неустанные наскоки и поражала нашу конницу залпами арбалетов и стрелами».

Так армия Ричарда прибыла в Хайфу, завершив первый этап пути, и встала на привал под пальмами, ибо сам город был razорен Саладином. Тот, в свою очередь, точно отслеживал перемещения франков и собирался захватить их врасплох, а пока расположился лагерем в месте, которое называлось Каймун (Кемон). Дорога с этого времени слегка меняется, пролегая между морем и горой Кармель. Тут высилась крепость, известная как «Разрушитель», или «Резной Камень», а за ней в том месте, которое называется Капернаумским приморьем, следовала еще одна твердыня; но и та и другая уже не существовали: их уничтожил Саладин, старательно проводивший политику «выжженной земли». Связь с кораблями, продолжавшими следовать за армией, оставалась надежной, и позволительны были даже передышки, подчас растягивавшиеся до двух суток. Неподалеку от того места, где флот смог укрыться в двух бухточках почти неприступного острова, спустя двадцать лет, в 1218 году, орден тамплиеров воздвиг за четыре месяца великолепную крепость Атлит — Замок Западных Паломников. Эта

выстроенная храмовниками твердыня в последующие времена оставалась последней крепостью крестоносцев, которую отстаивали после Сен-Жан-д'Акр (крепости Святого Иоанна Акрского). Но что говорить о старинных развалинах, если до сего дня это место в государстве Израиль сохраняет важное стратегическое значение и остается закрытым для туристов (включая большой зал, дошедший до нас со времен расцвета готики, — тот самый, в котором Маргарита Прованская произвела на свет двоих детей).

Движение армии возобновилось 30 августа. На этот раз храмовники пошли впереди, а госпитальеры — в арьергарде; с самого начала им пришлось отбиваться от нападений Саладина. Султан, похоже, считал, что пришел его час, поскольку обычные маневры по ходу продвижения стали для франков затруднительны. Так, необходимо было пересечь реку Нахр-Зерка, которую хронисты называли «Крокодиловой рекой». И в самом деле, жуткие чудовища утанули на дно двоих бойцов.

Добравшись до пристани в Цезарее, также превращенной султаном в развалины, войско стало на привал. Далее берег превратился в вереницу болот, и армии пришлось пойти по холмам, окаймлявшим долину Сарона. При этом к югу от Цезареи, у потока, именовавшегося тогда «Мертвой рекой», а сегодня — Нахр-Хедера, не обошлось без новой стычки, и довольно серьезной, поскольку сам Ричард, поспешивший на помощь храмовникам, получил легкое ранение. Тяжело переносимый зной замедлял передвижение, тем более что бойцам нельзя было снимать свои войлочные «корсеты» (нечто вроде нынешних жилетов у фехтовальщиков) и кольчуги, так как налеты турок не прекращались. Еще два дня необходимого отдыха прошли на берегу «Соленого потока» — реки Нахр-Искандеруна.

Следующий этап пути проходил через лес к северу от Арзуфа. Что это за место и как оно называется теперь, в точности не установлено. Опасность была велика: в эти первые дни сентября стоял «весьма великий зной», и лес мог превратиться в один огромный костер. Налицо были и иные условия, напоминавшие о катастрофе у Хаттина: достаточно было даже небольшого огня и подходящего ветра — и сарацины принудили бы франков к безоговорочной капитуляции.

Однако лес удалось преодолеть без осложнений. Войско прибыло к «Потоку граненых камней», то есть реке Нахр-Фалик. Один из английских летописцев сообщает о препятствии, которое ожидало короля в этом месте: войско Саладина загродило дорогу. «Король Англии, видя, что сам он и его войско могут умереть от жажды в эту ночь и еще и скот погибнет,

поскольку их отрезали от доступа к воде, и видя также, что если они двинутся назад, то язычники попытаются их окружить и нечего будет противопоставить в ответ, поделил тотчас свое войско на отдельные отряды, призывая их сражаться храбро против врагов веры Христовой, и повелел мощно ударить по народу языческому». Ричард прежде всего попытался возобновить сношения с Саладином, и тот ухватился с готовностью за случай вступить в переговоры, которые позволили бы ему дожидаться турецких подкреплений. Встреча с Маликом эль-Адилем, братом султана, состоялась 5 сентября. Роль переводчика вновь взял на себя Онфруа де Торон. Ричард потребовал, чтобы ему было возвращено королевство Иерусалимское, но натолкнулся на решительный отказ. Очевидно, что массовая казнь пленников не слишком способствовала дипломатическим успехам... Надо было вступать в бой.

В войске, считай, смельчаки лишь остались,
Готовые доблестью путь проложить,
Чтобы паломничество свершить.

Так описывает Амбруаз паузу, наступившую в военных действиях. И приказ о вступлении в бой был отдан. В передовом отряде оказались храмовники, за ними шли бретонцы и анжуйцы, затем Ги Лузиньянский со своими земляками из Пуату, после них нормандцы и англичане и, наконец, рыцари-госпитальеры, образовавшие арьергард. «Было условлено разместить перед боем в трех местах шестерых трубачей, чтобы те подавали сигнал в то время, когда надо было обращаться против турок: двое трубачей находились в войске, двоих оставляли в тылу, двоих — в самой середине». Бой начала турецкая конница:

«Более 30 тысяч турок кинулось во весь опор на войско, верхом на конях, стремительных, как буря, и поднимающих в воздух пылевые смерчи. Перед эмирами шли трубачи с трубами и несли барабаны и колокольцы, и барабанщики били изо всей силы в свои барабаны и подняли такой крик и такое гиканье: не слышно было бы и как Бог гремит, столь невыносимо громко грохотали барабаны... А вслед им шли негры, и сарацины, и берруйцы (то есть бедуины. — *Р. П.*), пехотинцы ловкие и находчивые, умело обращавшиеся со своими луками и легкими щитами... С моря и с суши они наседали на войско так упорно и с такой силой и горячностью, что сумели нанести ущерб великий, убивая прежде всего лошадей».

Не так уж много времени прошло с тех пор, как завязался бой, как к королю прискакал, пустив коня в галоп, магистр ордена госпитальеров брат Гарнье де Наплуз: «Государь, мы потеряли всех наших лошадей». — «Терпение, магистр, — отвечал

король, — нельзя быть везде». В довершение всего одному из госпитальеров и одному из английских рыцарей не хватило того самого терпения, и, несмотря на увещевания Ричарда, они слишком рано кинулись в атаку. В этот горячечный день вновь замаячил призрак Хаттина. Но, как замечает Рене Груссе, король Англии «не был ни каким-нибудь Рено де Шатийоном, ни другим Ги де Лузиньяном». Оставив разработанный ранее план атаки, он приказал пехотинцам развернуться для удара, который он предпочел бы нанести чуть позже, сразу после сворачивания мусульманских сил, но который и так оказался действенным.

Беха эль-Дин так рассказывает о событиях этого дня:

«Когда конница франков сбилась в комок и стало ясно, что невозможно спастись, разве что с помощью Высшей силы, она решила на нападение. Я своими глазами видел, как все эти всадники объединились вокруг частокола, который создала из себя их пехота. Они все схватились за свои копыта, все разом исторгли из себя военный клич, а строй пехотинцев раскрылся, пропуская всадников, и они устремились во все стороны. Один их отряд накинудся на наш правый фланг, другой — на наш левый фланг, третье их подразделение набросилось на наш центр, и все у нас пришло в беспорядок».

В свою очередь, о том же рассказывает и Амбруаз, и его повествование не менее впечатляет:

«Орден госпитальеров, сильно пострадавший, атаковал в правильном порядке. Граф Шампанский со своими храбрыми товарищами и Жак д'Авень со сродниками тоже атаковали. Граф Робер де Дрё и епископ Бовейский (чей брат, граф Филипп, проявит себя позже в битве при Бувине. — *Р. П.*) ударили вместе. Турки были ошеломлены, ибо наши налетели как буря, исторгая из себя единый громогласный клич; и всем тем, которые спешили, и тем, у которых были луки, причинявшие нам столько зла, всем им отрубили головы. Тех же, кого всадники опрокинули, добивали оруженосцы. Когда король Ричард увидел, что войско нарушило свой строй и атакует противника без особой осмотрительности, он пришпорил коня и кинулся со всей поспешностью вперед, чтобы обезопасить передовых бойцов. В этот день он выказал такую доблесть, что вокруг его, с обеих сторон и спереди и сзади, образовалась широкая дорога, заполненная мертвыми сарацинами, а другие сбились с пути или убежали, и вереница мертвецов тянулась на добрые полмили. Повсюду валялись бородатые трупы турок, помятые, сваленные друг на друга, как снопы».

Саладин прежде всего позаботился о том, чтобы собрать разбежавшихся. Когда конница франков отступила, опасаясь

засады, сарацины предприняли новую атаку. Беха эль-Дин удачно подводит итог битве в целом: «Когда враг ударял по мусульманам, они отступали. Когда он останавливался, опасаясь западни, они тоже останавливались, чтобы вступить в бой. Во время второй атаки они бились так, что обратили всех врагов в бегство». Как раз во время этой второй атаки погиб Жак д'Авень, доблестный и храбрый рыцарь. Английские хронисты отдают ему должное: он был «католиком по своей вере, исполненным ревности и пыла в своем поведении в бою».

Вторая атака кавалерии франков привела их почти к самому лагерю Саладина, устроенному на поросших лесом холмах Арзуфа. Идти дальше было слишком опасно. В свою очередь, и мусульмане уже не помышляли о возобновлении атаки и преследовании христиан.

Великая победа при Арзуфе 7 сентября 1191 года была достигнута лишь благодаря воинской доблести Ричарда, который сумел спасти положение, грозившее новой катастрофой. Этой победой Ричард снискал вполне заслуженную славу. Историки отмечают, что победа при Арзуфе, как и взятие Акры, ознаменовала поворот в соотношении сил христианского мира и ислама. Летописцы же передают то уныние, в которое пришел после боя, уже вечером, султан Саладин: «Аллах один может ведать, сколь сильна была печаль, терзавшая сердце его после битвы», — писал Беха эль-Дин. Когда же Саладин решил защищать Аскалон, его эмиры вздумали ему перечить: «Коль уж ты вздумал оборонять Аскалон, то будь в городе сам или пошли одного из своих сыновей, без чего никто из нас никак не проявит себя и не оправится, после того, что стало с защитниками Акры». Султану не оставалось ничего иного, кроме как уничтожить Аскалон, подобно тому, как он уже разрушил Цезарею и Яффу. Так он отреагировал на боеспособность, которую чувствовал отныне во вражеском воинстве.

Беха эль-Дин оставил живое описание методичного уничтожения города, который «радовал взоры и ласкал сердце; его крепостные стены были прочны, его здания — величественны, а пребывание в нем было весьма желанно. Обыватели, ошеломленные новостью о том, что город их будет разрушен, а им придется покинуть свои жилища, подняли страшный крик и кинулись продавать за бесценок все, что нельзя было увезти... Часть граждан направилась в Египет, другая — в Сирию. Это было страшное испытание, по ходу которого случались всяческие ужасы».

Оставлять пустыню перед приближающимся христианским войском — такова отныне была тактика Саладина. Когда он возвращался в Иерусалим в конце сентября, он снес до осно-

вания не только Аскалон, но и замок в Рамле и церковь в Лидде, которые оказались на его пути.

И снова нас может поразить нерешительность Ричарда. Арабские хроники (в частности, Ибн ал-Асир) приписывают Конраду Монферратскому упрек, с которым тот якобы обратился к королю:

«Ты слышал, что Саладин разрушает Аскалон, но не двинулся с места! Коль уж тебе донесли, что он стал разрушать эту крепость, то тебе надлежало спешно выступить в путь и ты бы мог захватить Аскалон без боя и без осады!»

В самом ли деле поменялся нрав короля Англии, принесший ему вполне оправдывавшееся прозвище «Да-и-Нет»? Или же скорее пресловутая порывистость побудила его обратиться, уже после принятого решения, к решению противоположному?

После блистательной победы при Арзуфе по всей Палестине как мусульмане, так и христиане ожидали от него похода на Аскалон, а затем и на Иерусалим. Дух его воинства был весьма высок, тогда как мусульмане мечтали лишь о более или менее благополучном отступлении и оставляли его руки развязанными. Если еще как-то можно понять колебания, охватившие его после взятия Акры, то уж нерешительность, которую он выказал на следующий день после Арзуфа, остается непостижимой. Правда, Продолжатель Гийома Тирского попытался объяснить поведение короля, но он не привел достаточно убедительных доводов. Хронист говорит, что Юг, герцог Бургундский, якобы решил покинуть войско:

«Он призвал всех высоких мужей Франции и тех, которые, как он знал, более прочих любили корону, и сказал им: "Сеньоры, вам известно, что ваш сеньор, король Франции, в отъезде; весь блеск его рыцарственности поблек, а король Англии пренебрегает нами. Если мы двинемся вперед и возьмем Иерусалим, не скажут, что это дело рук французов, но будут говорить, что захватил его король Англии, а король Франции бежал, и великое презрение падет на короля и на все королевство, и никогда не сумеет Франция избавиться от него. Вот почему я предлагаю, чтобы мы не двигались далее". И одни с ним согласились, а иные не согласились. И снова сказал герцог: "Кто хочет следовать за мной, пусть следует за мной". Король Англии, не зная толком об этом совете, в течение следующего дня готовился и потом пошел на Иерусалим, а герцог Бургундский вооружил французов и вернулся с ними в Акру».

Далее следует патетический и запоминающийся рассказ, который легко могут проверить те, кто в наши дни, так же как и раньше, совершает паломничество в Иерусалим:

«Когда король взошел на Гору Радости, что близ Иерусалима, в двух лье от него, и увидал Святый Град Иерусалимский, он спешился, дабы вознести свои молитвы, ибо таков обычай пилигримов, совершающих паломничество в Иерусалим, которые поклоняются на этом самом месте, ибо с него виден Храм и Гроб Господень».

Другой манускрипт уточняет: «Король ошибался, коль скоро он пришел на гору Святого Самуила, которую считали Горой Радости». Речь идет о возвышенности, которая сегодня известна как Наби-Самвилль и которую всегда почитали паломники. Мы знаем, что вблизи всякого места паломничества, будь то Сантьяго-де-Компостела, Рим или тот же Иерусалим, традиция, как и история, отмечает какую-то площадку или точку, с которой пилигрим впервые наблюдает цель своего путешествия. В Средние века, когда пилигримы странствовали не в одиночку, опасаясь нападений, они стремились пройти очередной этап как можно быстрее; паломник, опередивший своих товарищей и имевший счастье ранее их увидеть башни Сантьяго-де-Компостела или холмы Рима, провозглашался «королем паломничества» — и это прозвание легло в основу имен наподобие «Рой», «Руа», «Рей», «Леруа» и тому подобных распространенных французских фамилий.

Как бы то ни было, если верить Продолжателю Гийома Тирского, именно по прибытии на Гору Радости король Ричард узнал, что герцог Бургундский его покинул:

«И вот приходит весть, которая делает для него понятным то, что говорили ему некоторые из его друзей в войске, а именно, что герцог Бургундский и еще немалая часть французов вернулись в Акру. Когда король услышал это, он сильно разгневался и начал плакать от жалости, потом же вернулся в Яффу».

Похоже, что составитель хроники спутал, умышленно или же неумышленно, два различных эпизода крестового похода. Ибо тут же он добавляет: «Придя в Акру, герцог Бургундский недолго пожил, но скоро умер. Его погребли на погосте святого Николая». Что ж, это ставит под сомнение правдоподобие всего рассказа, так как герцог Бургундский оставался в живых еще в 1192 году. Рене Груссе не без оснований замечает, что хронист Амбруаз вряд ли упустил бы возможность лишний раз обвинить французов в измене, поскольку этот летописец всегда поступал так, если подворачивался малейший повод¹. А он между тем сообщает лишь, что в сентябре Ричард приблизился к Иерусалиму на расстояние в две мили...

¹ René Grousset, t. VII, p. 184.

На самом же деле после победы при Арзуфе Ричард направил свою армию на Яффу. Город и порт были полностью разрушены по приказу Саладина, и их надлежало восстановить и укрепить. Яффе суждено будет превратиться впоследствии в самый излюбленный крестоносцами порт, да и Тель-Авив, возникший рядом с этим древним городом, до сих пор остается отправной точкой, вокруг которой вертится вся жизнь в Израиле; рядом находится Лод, где построен аэропорт, соседствующий с другим античным городом — Лиддой. В общем, это как бы точка отсчета, столь же привычная сегодня, как и в XII—XIII веках.

Восстановительные работы затянулись более чем на два месяца. Рабочие, занятые на стройках, трудились неохотно, под угрозой постоянного нападения, так что за ними нужно было все время приглядывать. Сам король Ричард во время одной из вылазок едва не был захвачен врасплох и успел только вскочить на коня. Он так и попал бы в плен, если бы один из бывших с ним рыцарей, Гийом де Прео, не воскликнул громким голосом: «Сарацины, я — мелек!» «Мелек (или малик) — это значит король, — добавляет Амбруаз. — Турки тотчас схватили его и утащили вглубь своего войска». Им, разумеется, был нужен Ричард, и лишь благодаря жертвенности своего товарища король не попал в их руки.

К концу октября 1191 года Яффу удалось почти полностью восстановить. Часть города крестоносцев уцелела до сего дня. Правда, состоит она прежде всего из крепости, которую возвел Людовик Святой полстолетия спустя.

Под прикрытием крепостных валов Яффы христианская армия вволю предавалась роскоши и удовольствиям.

«В прекрасных садах перед Яффой войско Божие воздвигло знамена свои, — пишет Амбруаз. — Там были большие луга и выгоны, а изюму, фиг, гранатов, миндаля в столь великом изобилии, что деревья гнулись под тяжестью плодов и можно было лакомиться вволю, так что войско сильно подкрепилось».

Изобилие осенних плодов внесло в жизнь в Яффе еще одно новшество:

«Женщины вернулись в Акру и в армию и вели себя отвратительно. Они прибывали на кораблях и на барках. Какая жалость! столько скверных орудий для отвоевания наследия Божия!»

Очевидно, речь идет о проститутках, и прежде доставлявших Ричарду массу хлопот: он уже пытался оградить от них свою армию, когда выступил в поход вдоль побережья. Происходили и дезертирства, некоторые крестоносцы не побоялись вернуться в Акру ради более веселой жизни.

Затеяны были и новые переговоры. В качестве главных действующих лиц, как всегда, выступили Малик эль-Адиль, брат Саладина, и Онфруа де Торон, говоривший по-арабски так, словно он родился в этих местах. Встал вопрос о передаче франкам всего побережья, и Саладин, похоже, склонялся к согласию на это.

Ричард, однако, не отказался от мысли о походе на Иерусалим. К концу октября он восстановил боевые порядки, поручив заботы по обороне Яффы двум своим приближенным: Жану, епископу Эврё, и Гийому, графу Шалонскому. Вернув, не без труда, солдат, застрявших в Акре (Ги Лузиньян, посланный за ними, поначалу не справился со своей задачей), Ричард первым делом побеспокоил передовые отряды войск Саладина у Язура. Он решил укрепить путь из Яффы в Иерусалим, по которому обыкновенно двигались паломники, и с помощью тамплиеров занялся перестройкой двух крепостей. Одна называлась Казаль-де-Плейн, а другая — Казаль-Муайен или Мазн; она находилась в том месте, которое теперь называется Бейт-Дежан. 6 ноября произошла случайная стычка, едва не перешедшая в самую настоящую битву: два храмовника собрались за провиантом и фуражом, но к северо-востоку от Язура наткнулись на бедуинов. Им бы не поздоровилось, но тут появились еще пятнадцать рыцарей, и среди них Андре де Шовиньи. Стали подходить подкрепления с обеих сторон. К христианам присоединились Юг де Сент-Поль, Роберт Лестерский, Гийом де Кайо, Од де Тразинье. С мусульманской стороны на подмогу поспешило довольно многочисленное войско (по словам Амбруаза, оно насчитывало четыре тысячи человек). Столкновение примерно равных сил было неизбежным, если бы не вмешался Ричард, решивший вместе с несколькими иными рыцарями ознакомиться с положением на месте. Он стремительно налетел на врага и сумел отбить Роберта Лестера и Юга де Сент-Поля. Враги отступили, освободив христианам дорогу на Иерусалим.

После этого Ричард прибыл в Рамлу — историческое место для средневековых пилигримов. Именно здесь весной 1065 года, в Великую пятницу, паломники епископа Бамбергского Пюнтера подверглись нападению и были поголовно вырезаны. Резня продолжалась двое суток, до самой Пасхи. Это случилось незадолго до Первого крестового похода. Массовое избиение безоружных людей — а Пюнтер увлек за собой добрых десять тысяч паломников — бесспорно повлияло на призыв Урбана II тридцать лет спустя на соборе в Клермоне позаботиться о безопасности паломников в Святой земле. Да и сегодня имя Рамла на табличках и дорожных указателях,

выставленных вдоль шоссе, порождает у любого человека, знакомого со средневековой историей, немало живых чувств...

Как раз между Рамлой и городом Лидда находилось то место, куда поначалу двинулся Ричард. Саладин, верный своей тактике выжженной земли, поспешил истребить все. Сам он избрал для себя путь, почти параллельный маршруту Ричарда, и находился у крепости, которая носила тогда имя Торон Рыцарей, а теперь называется Латрун (там и поныне возвышается монастырь траппистов). Войско разместило лагерь в руинах Рамлы и устроилось более или менее сносно, когда начались осенние дожди — ливни, мучившие воинов почти шесть недель подряд. Волей-неволей пришлось задержаться, так что этап этот занял время с 15 ноября до 8 декабря 1191 года, причем войско находилось «в великом стеснении и неудобстве», уточняет Амбруаз. Да и внезапные нападения противника были не редкостью. Однажды, например, граф Роберт Лестерский с горсткой бойцов едва отбилсЯ от врага, обладавшего значительным численным превосходством, и вряд ли спасся бы, не появивсь Андре де Шовиньи со своим отрядом. В это самое время в Иерусалиме Малик эль-Адиль спешил с починкой городских укреплений; он увеличил стены, окаймлявшие гору Сион, и позаботился о припасах, без которых нельзя было выдержать осаду.

Непогода по-прежнему мешала армии двинуться в путь. Ричарду пришлось заняться обустройством войска на месте. Он занял Латрун и близлежащее местечко Бейт-Нуба, которое у крестоносцев называлось Бетенобль — «Благородный зверь», и устроил здесь лагерь, где предполагалось отпраздновать Рождество. Отсюда было рукой подать до водораздела между равниной и подножием холмов Иудеи, и каждая возвышенность, любой пригорок грозили стать западней, потому что за ними могли прятаться враги, способные устроить засаду и превратить скромную высоту в кровавую баню.

«Погоды стояли холодные и пасмурные, — писал Амбруаз. — Из-за великих дождей и великих бурь мы потеряли многих из наших животных. Дождь и град побивали нас и переворачивали наши шатры. Мы потеряли там до Рождества много лошадей. Пропали еще и сухари, которые испортились, потому что их заливала вода. Соленая свинина из-за бурь обветрилась и стала загнивать. Кольчуги покрылись ржавчиной, так что снимать и надевать их удавалось с немалым трудом».

Но Иерусалим был совсем близко, и всех переполнял восторг от мысли, что скоро они увидят Святой Град.

«Как бы ни страдали люди от дурного питания, но сердца их радовались и веселились по причине надежды дойти до Пресвятой Усыпальницы. Они столь жаждали Иерусалима, что готовы были жизни свои положить в его осаде. Лагерь пополнялся народом, прибывавшим в великой радости и вожделевшем великих дел. Те, которые заболели в Яффе или где-то еще, укладывались на носилки и доставлялись в лагерь в великом множестве, из душевной решимости и доверчивости... Грохотали кольчуги, а люди воздевали головы горе и говорили: "Боже, помоги нам, Владычица святая Дева Мария, помоги нам, да поклонимся мы вам и да возблагодарим вас в виду Пресвятаго Гроба Господня". Повсюду только обнимались и радовались, и все говорили: "Боже, наконец-то мы на верном пути, и это Милость Твоя руководит нами"»¹.

Но уже в нескольких льё² от лагеря бросалось в глаза неистовое рвение, с которым мусульмане отстраивали крепостные стены Святого Града, готовясь к предстоящей осаде. Рассказывали, что султан эль-Адиль сам возил камни на своем седле, помогая рабочим, укреплявшим крепостные валы. В свою очередь, Саладин собирал в Египте войско, чтобы вновь вторгнуться в Палестину.

Почему же осада не началась? Как знать, быть может, еще раз проявились колебания и замешательства, столь свойственные королю Ричарду, у которого, как известно, приступы неукротимого неистовства непременно чередовались с проявлениями осторожности и нерешительности («Да-и-Нет»!). Благо что в поводах недостатка не бывало, да и многие из баронов, его окружавших, колебались и выказывали нерешительность — и не только те, которых называли «пуленами», то есть «жеребятами» (это прозвище давали рыцарям, которые родились на Святой земле и не очень-то желали подвергаться опасностям), но и славившиеся своей храбростью госпитальеры и храмовники. Было очевидно, что подходящий момент, скорее всего, упущен и что марш в горах Иудеи может оборвать любая неожиданность, а на берегу и на широкой равнине, того и гляди, развернутся полки новой армии Саладина, так что создавшееся положение выглядело не слишком надежным. Амбруаз добавляет еще один довод, к которому стоит прислушаться: «Они (то есть «пулены») говорили, что даже если и удастся взять город, то все равно предприятие это окажется слишком рискованным, если город тотчас же не получит постоянного населения, ибо все крестоносцы, сколько бы их ни

¹ René Grousset, t. VI, p. 180.

² Л ь ё — мера длины, около 4 км.

было, до сих пор всегда, совершив свое паломничество, возвращались в свои страны, а значит, и на этот раз, как только они рассеются, эта страна будет потеряна вновь». Эти люди, кровно связанные со здешней землей, знали из собственного опыта, что будет непросто выдержать затруднения наподобие тех, что столетием ранее обрушились на Готфрида Бульонского. Да и что значит «выдержать», если страна систематически опустошается по повелению Саладина? Если даже предположить, что какие-то крестоносцы согласятся продлить свое пребывание в месте паломничества и даже поселиться тут, как это часто бывало раньше, то разрушения, которые уже налицо, отвратят многих от желания осесть на Святой земле, а те, что все-таки решатся, вынуждены будут начинать жизнь на новом месте среди развалин.

Однако мыслимо ли после такой бури восторгов, поднявшихся в христианском войске, начать отступление? Вспомним уже излагавшийся выше эпизод с герцогом Бургундским Югом III, который якобы предпочел предать Ричарда, лишь бы тому не достались все плоды возможной победы.

Как бы то ни было, но армия получила приказ о всеобщем отступлении.

Тогда, в День памяти Илария святого¹
Дни, в коем жить, в коем довелось родиться,
Всяк проклинал, не в силах примириться
С отказом от надежды, — ей не сбыться:
После всего, что было прежде с нами,
Когда Господень Гроб пред нашими очами,
Когда Иерусалим как на ладони,
О том ли мы молились? Кто нас гонит?
Но мы уходим от Святого Града,
Без боя, не испробовав осады.

А вот строки, относящиеся к январю 1192 года:

«Многие французы, преисполнившись досады, блуждали из стороны в сторону, от одного берега к другому, одни двинулись в Яффу и пробыли там какое-то время, иные вернулись в Акру, где жизнь не была слишком дорогой. Некоторые же отправились в Тир, чтобы быть поближе к маркизу Монферратскому, который пригласил многих из них. Были и такие, которые, из досады и презрения, двинулись прямо в Казаль Равнин, вместе с герцогом Бургундским, и остались там на восемь дней. Король Ричард вместе с оставшимися в войске, весьма огорченными, и со своим племянником графом Генрихом Шампанским и его близкими направился в Ибелин; но, преодолев

¹ 13 января 1192 г.

столь скверную дорогу, они нашли настолько скверные жилища, что расположение духа у них было весьма скверным».

Тем временем Ричард вновь начал переговоры с Маликом эль-Адилем. Он уже неоднократно встречался с этим принцем и завязал с ним сердечные отношения, несмотря на то, что они противостояли друг другу как враги. Арабский летописец Ибн ал-Асир описывает одну из встреч, состоявшуюся ранее, 8 ноября 1191 года:

«Эль-Адиль привез с собой кушанья, лакомства, напитки, предметы искусства и все иное из того, что пригодно для преподнесения в дар одному государю другим государем. Король Англии встретил его в своем шатре самым почетным образом, после чего проводил к себе и велел подавать ему те из блюд, которые считаются у этого народа особенно приятными и желанными. Эль-Адиль откушал этих блюд, а король со своими спутниками ел кушанья, предложенные эль-Адилем. Их беседа затянулась далеко за полдень, а расстались они, заверяя один другого в совершенной дружбе и искренней привязанности».

Мы уже не говорим о пении под гитару, которое король Ричард слушал с великим наслаждением...

В войске явно выражали недовольство обменом послами, ибо «это давало повод к великим обвинениям против Ричарда и к злословию», о чем свидетельствует Амбруаз. Король Англии между тем склонялся к решению, так сказать, в романтическом духе: в самом деле, почему бы Малику эль-Адилю не сочетаться браком с сестрой короля Иоанной, Жанной Прекрасной, бывшей королевой Сицилии? Они могли бы совместно управлять всем палестинским побережьем, но жили бы в Иерусалиме, властвуя над образовавшимся христиано-мусульманским владением, и такой кондоминиум позволил бы латинскому духовенству беспрепятственно совершать богослужения у Пресвятой Усыпальницы Господней, тогда как мусульмане могли бы продолжать молиться в своих мечетях. Таким образом разрешился бы вопрос о святых местах.

Похоже, что столь странное предложение — пусть и знакомое на Западе, потому что там бытовал обычай скреплять брачным союзом вновь заключенный мирный договор, — встретило, вопреки нашим сегодняшним представлениям, вполне благожелательный прием. По крайней мере со стороны мусульман, поскольку Иоанна от одной только мысли о бракосочетании с иноверцем приходила в неистовое бешенство. Она соглашалась на замужество лишь при условии, что Малик эль-Адиль примет христианство. Ричард согласился с этим предложением и передал его брату Малика Саладину; тот, разумеется, с ужасом отверг саму мысль о крещении мусульманина.

Итак, предполагавшийся христианско-мусульманский брачный союз провалился. Ничего не оставалось, как вновь браться за оружие, о чем и отдал приказ Ричард, на этот раз не настаивавший на участии в военных действиях герцога Бургундского и его людей. Их он послал восстанавливать Аскалон. Работы начались 20 января; французские крестоносцы хотя и присоединились к армии под Аскалоном, но сделали это много позже.

Тем временем в Сен-Жан-д-Акр начались споры между генуэзцами и пизанцами. Первые поддерживали Конрада Монферратского, вторые — Ги Лузиньяна. Необходимо было, чтобы сам Ричард вмешался и помог помирить соперников. Маркиз, похоже, завязал свои собственные отношения с Саладином, и королю Англии казалось, что ситуация ускользает из-под его контроля. Он провел переговоры с Конрадом Монферратским, но они не завершились примирением. Маркиз, в свою очередь, вступил в сношения с герцогом Бургундским и его войском, которое вновь подалось было в Акру, так как король Франции Филипп Август, покидая Палестину, обещал содействие французов лишь до 1 апреля 1192 года. Ричард запретил им входить в Акру, и они перебрались в Тир, под руку маркиза. Амбруаз неодобрительно описывает их предосудительное поведение в этом городе:

«Они проводили свои ночи в плясках и украшали свои головы гирляндами цветов; они рассиживались перед бочонками вина и пьянствовали до утра, после чего шатались по домам дочерей радости, разбивая двери, провозглашая безумства и проигрывая все, что только можно было проиграть».

В довершение и без того скверного положения пришли дурные известия из Англии. Ричард созвал в Аскалоне своих баронов и рыцарей и вынужден был объявить о своем отбытии из Святой земли, ибо поведение его брата Иоанна Безземельного не оставляло иного выбора. Он решил оставить в Святой земле триста конных рыцарей и две тысячи пехотинцев. Но кто возглавит это воинство? Кому передать наследственные права королей Иерусалимских? Съезд единодушно отверг мысль об оставлении при власти Ги Лузиньяна. Посему Ричарду не оставалось ничего иного, кроме как согласиться на признание за Конрадом Монферратским тех прав, на которые маркиз претендовал со времени взятия Тира.

И тогда произошло событие, которого никто не ожидал. 28 апреля 1192 года, когда его супруга Изабелла задержалась в купальне, Конрад отправился поужинать к епископу Бовейскому Филиппу де Дрё. По пути, в одном из тесных переулков, его окликнули два местных уроженца, якобы намеревавшиеся

о чем-то перед ним ходатайствовать. Пока он читал поданное ему прошение, один из туземцев вонзил ему кинжал прямо в сердце. Конрад скончался на месте.

Говорили, что эти двое убийц были «ассасинами»; этот термин возник как искажение слова «гашишин», то есть пожиратель гашиша — такое прозвище закрепилось за членами одной, пользующейся страшной славой мусульманской секты, в которой верховодил некий Старец Горы, обитавший на высотах Кадма. Для этой шиитской секты политическое убийство превратилось в самое привычное и самое удобное оружие. Члены секты легко шли на преступление, потому что наркотическая зависимость от гашиша превращала их в послушных исполнителей чужой воли. Выяснилось, что оба неизвестных, которых обвинили в убийстве Конрада, в то самое утро крестились, чтобы не вызывать подозрений, а крестными отцами у них были Бальян д'Ибелен и сам Конрад.

Как оказалось, Конрад захватил торговое судно, принадлежавшее исмаилитам (другое название той же шиитской секты). Старец Горы дважды требовал возврата корабля и перевозимого им груза. На деле же бальи Тира Бернар дю Тампль, сообщая Конраду о судне с весьма богатым грузом, заверял, что мог бы завладеть им «таким образом, что никто никогда ничего бы не узнал»; тогда, добавляет хронист, «однажды ночью он приказал утопить матросов в море». Ярость Старца Горы могла утолить лишь смерть Конрада. Следует добавить, что, упоминая об этом происшествии, один арабский летописец, а именно Ибн ал-Асир, обвиняет во всем Саладина, тогда как другой, Беха эль-Дин, винит короля Англии.

В общем, все будущее королевства Иерусалимского вновь оказалось под вопросом. «Крепкого мужа», на которого надеялся Ричард и который энергично доказывал свою доблесть, больше не было. Надлежало отыскать другого претендента, поскольку собрание баронов единодушно отвергло саму мысль о Ги Лузиньяне.

Бароны склонились к кандидатуре графа Генриха Шампанского, который прибыл в Тир, узнав о произошедшем убийстве. По матери, Марии Шампанской, дочери Алиеноры Аквитанской, граф приходился племянником Ричарду Львиное Сердце, тогда как по отцу, графу Шампанскому, — Филиппу Августу. Ничего лучше нельзя было и выдумать ради примирения двух армий, разногласия между которыми недавно вновь обострились. Выбор одобрили все, включая короля Ричарда, которому тем не менее пришлось и поспорить со своим племянником: «Он говорил графу Шампанскому, что эта дама (то есть Изабелла. — *Р. П.*) понесла бремя от маркиза». Это означало, что

если родится ребенок мужского пола, то именно ему должно будет перейти наследное право на королевство Иерусалимское. «Мне придется воспрепятствовать этой даме!» — отвечал ему граф Шампанский. Он, однако, поспешно переменял свое мнение, увидав Изабеллу, «ибо она была столь же красива, сколь и благородна». В конце концов, весь свет в согласии со всеми баронами дружно рукоплескал бракосочетанию Генриха и Изабеллы, каковая церемония состоялась в Тире 5 мая 1192 года.

Это положило начало периоду сердечного согласия между христианами, пребывавшими в Святой земле. Генрих Шампанский вступил в пределы Сен-Жан-д-Акр вместе со своей супругой Изабеллой, что была «чище драгоценного самоцвета», как пишет хронист.

Что касается Ги Лузиньяна, то и для него подвернулся неожиданный выход. Король Ричард, не имея средств для сохранения за собой нечаянно завоеванного им острова Кипр, попытался было продать его ордену тамплиеров за сто тысяч дукатов, но храмовники побоялись враждебности островитян: восстание в Никосии накануне Пасхи, 5 апреля 1192 года, оказалось достаточно жестоким, чтобы напугать несостоявшихся властителей. Тогда-то и задумал Ричард превратить остров во фьеф Ги Лузиньяна, короля без королевства. В мае 1192 года барон из Пуату вступил во владение островом, ценой уплаты сорока тысяч дукатов, взятых взаймы у одного обывателя из Триполи. Не ведая того, он основал династию, просуществовавшую на острове более двух столетий, до 1474 года.

Но эпопея Ричарда была далека от завершения. 17 мая, после нескольких вооруженных стычек в окрестностях Аскалона, король осадил Даронскую крепость, которая благодаря своим семнадцати башням, что незадолго до этого были укреплены мусульманами, господствовала над равнинным побережьем на пути через Синайскую пустыню. Он взял эту твердыню через пять дней, как раз в то самое время, когда на помощь к нему подошли с одной стороны Генрих Шампанский, торжественно отпраздновавший свое бракосочетание, а с другой — войска Юга Бургундского. Вооруженные силы франков, воссоединившись, совместно отметили в Дароне праздник Пятидесятницы, пришедшийся в том году на 24 мая.

Выступление на Иерусалим на этот раз казалось неминуемым. «Так уговорились король со всеми его людьми об осаде Иерусалима, и предложено было присягнуть на Святом Евангелии, что никогда никто не откажется от осады, пока есть у него конь или иное животное, которое можно съесть, прежде чем город не будет сдан или взят силою», — читаем мы в про-

заическом англо-нормандском повествовании о крестовом походе и о смерти короля¹. Сам король как будто тоже был настроен решительно и собирался взять Иерусалим, несмотря на дурные вести из Англии. Армия перегруппировалась в Аскалоне и выступила в направлении крепости, которая носила имя Белый Страж, или Тель-эс-Сафиех, и располагалась на возвышенности, господствовавшей над портом, и далее на Латрун и Бетенобль.

В самом Святом Граде беспокойство достигло предела; арабские летописцы оставили нам описание паники, овладевшей обывателями: пришлось силой удерживать население от массового бегства. Встревожился и сам Саладин, а еще более эмиры из его окружения, особенно когда стало известно об одной из разведывательных вылазок короля и о том, что несколько его рыцарей подъехали совсем близко к Иерусалиму и их было видно в каких-то пяти километрах с крепостных стен города; рыцари разграбили место, которое сегодня носит имя Абу-Гхош и в котором в то время находился прославленный источник и караван-сарай. Храмовники воздвигли там церковь, поскольку полагали, что здесь некогда располагался евангельский Эммаус. В наше время этот храм отреставрирован.

Тут случилось происшествие, которое не могло воодушевить крестоносцев и подробности которого сообщаются в уже цитировавшемся англо-нормандском тексте:

«В эту ночь собрался король Ричард, и с ним пятьдесят рыцарей, посетить одного святого отшельника, обитавшего на утесе горы Святого Самуила, который имел дар пророчества; он никогда не покидал свою пещеру, и не питался ничем иным, кроме трав и корней, и не пил ничего, только одну воду, он не прикрывал свое тело ничем иным, кроме бороды своей и волос своих с тех пор, как сарацины вошли в Землю обетованную и захватили Пресвятой Крест. Отшельник весьма благосклонно говорил с королем и сказал, что не пришло еще время, когда Бог сочтет людей Своих достаточно освятившимися, чтобы Святая земля и Пресвятой Крест могли быть переданы в руки христиан. Затем он вынул камень из своей пещеры и вынес деревянный крест с узкой расщелиной, который был частью Святого Креста, и вручил их королю Ричарду, говоря: "Ныне остается мне семь дней до скончания века моего, и посему Господь наш Бог сподобил вас обрести памятные святыни сии, ибо вам предстоит много страданий и трудов ради любви Того, Кто на

¹ См.: *Johnston R. C. The Crusade and death of Richard I. Oxford, 1961*; Р. С. Джонстон опубликовал тексты рукописей из собрания англо-нормандских текстов (*Anglo-Norman Texts, XVII*).

кресте изволил умереть за вас и иных грешников". Король преклонил колени и благоговейно принял в руки свои крест, и приставил верного человека к обители отшельника того, и тот охранял его до седьмого дня, когда отшельник преставился, как и было предсказано им загодя».

Слух об этой встрече прошел по войску, измученному великим нетерпением. Военачальники пожелали дожидаться подкреплений из Акры, а время уходило... В самом деле: в третий раз оказаться у самого Иерусалима и даже не попытаться пойти на приступ, хотя и султан встревожен, и окружение его не рвется в бой, и вполне можно было рассчитывать на удачу!

И тут королю Ричарду удастся захватить один весьма важный караван, двигавшийся из Бильбаиса, что в Египте; о его прохождении стало известно от бедуинов, по своей воле шпионивших для Ричарда. Отправившись ночью в Каратье (Галатию), Ричард буквально обрушился на конвой у так называемого Круглого водоема; и хотя караван стерегли две тысячи солдат, он целиком оказался в руках Ричарда, а охранники разбежались. «Люди, которые вели караван, сдавались в плен оруженосцам и конным рыцарям и приводили к ним под уздцы груженных верблюдов, и мулов, и мулиц, на которых везли те грузы, что были столь же драгоценными, сколь и богатыми»; четыре тысячи семьсот верблюдов и еще столько мулов, мулиц и ослов, что «никак невозможно было их сосчитать». «Никому в этой стране так не везло с добычей»: золото, серебро, драгоценные ткани, доспехи, пряности в неисчислимых количествах!

Эта нечаянная удача в той же мере ободрила вождей крестоносцев, сколь и подорвала дух эмиров в Иерусалиме, где стали заметны разногласия между курдами и мамелюками, о чем упоминает также и Амбруаз. Беха эль-Дин дает картину крайней растерянности, в которой пребывал Саладин в дни после нападения на караван, то есть после 20 июня 1192 года.

Французские отряды и герцог Бургундский на этот раз тоже были готовы к нападению на Иерусалим. Но Ричард отказывался, и понять это никак невозможно. «Если дело обернется для нас неудачно, то я останусь навсегда виноватым и потеряю честь», — признавался он Амбруазу. Вновь созвали ассамблею: двадцать человек, которые представляли как французов, так и армию короля, ордена тамплиеров и госпитальеров и баронов Святой земли, в конце концов решили не предпринимать нападения на Иерусалим; было это 4 июля, пятью годами спустя, день в день, после разгрома у Хаттина.

Когда Иерусалим как на ладони,
О том ли мы молились? Кто нас гонит?
Но мы уходим от Святого Града,

Без боя, не испробовав осады.
А мы Иерусалим так вызволить мечтали,
Что жизнь пустой, пока он не свободен, почитали.

Несмотря на великое обожание, с которым хронист Амбруаз всегда относился к Ричарду, он так же, не без печали, вспоминает о том, что

Паломничества Боэмунда, Танкреда,
Вошли в историю, ибо победа
От Бога ниспосылалась им.

Возобновились переговоры, а в лагерях измученные зноем люди распевали тем временем мстительные песни то про Ричарда, то про герцога Бургундского.

По возвращении в Акру король Англии стал готовиться к выступлению на Бейрут со своим «совсем потускневшим и безрадостным» войском.

Король в шатре своем к вечерне собирался
И часа должного для службы дожидался.
Тем временем вошло в порт Акры судно.
И люди на берег сошли. И как-то чудно
Себя они вели. Не грузом занялись,
А поспешили к королю. И только добрались,
С порога: «Государь! — вскричали. — Помоги!
Не то захватят Яффу вновь враги!»

В самом деле, 26 июля Саладин неожиданно напал на Яффу; застигнутые врасплох защитники вынуждены были оставить город и укрыться в замке. Казалось, несмотря на отчаянное сопротивление, им придется сдаться, но утром 1 августа на горизонте показались какие-то корабли; во главе флотилии, по обычаю, шло судно под королевским штандартом. После трехдневной задержки из-за неблагоприятных ветров, которые загнали корабли короля в бухту Хайфы, Ричард спешил на защиту Яффы.

Поначалу не обошлось без треволнений: король не знал, сможет ли он причалить, и если сможет, то где. Случился тут один монах, который, выпрыгнув из замка на песок прибрежного пляжа, сообщил королю о положении в городе. Ричард бросился в море, увлекая за собой других; им удалось, несмотря на сарацинские стрелы, соорудить что-то вроде баррикады из обломков кораблей и барж, и под этим прикрытием они добрались до Башни Тамплиеров.

«Он велел отворить ворота и вывел [потрясающих знаменами] знаменосцев и ударил во всю мощь по войску Саладина, которое устроилось в городе; и убиты были все те, кто пожелал

отсидеться, а прочие убежали из города; и великое множество богатых людей сдалось, и так город был вызволен из рук сарацинов».

«Неустрашимость франков, их хладнокровие и точность их передвижений» исторгли восхищенные восклицания даже из уст арабского летописца Беха эль-Дина: «Сколь великолепными бойцами они себя там выказали! Какая удаль и какая отвага!»

Войско Саладина бежало до Язура. «Король, — говорит Амбруаз, — велел поставить свой шатер на том самом месте, где Саладин не посмел его дожидаться. Там стал лагерем Ричард Великий... Никогда, даже в Ронсевале¹, никто не позволял себе вести себя так, как он...»

Враг, однако, не унимался. Зная, что у Ричарда под рукой не более двух тысяч человек, а рыцарей из них всего полсотни, причем без лошадей, которых не было времени грузить на корабли, неприятель решил, что сумеет взять реванш.

Франки разбили лагерь за городом, где их не защищали крепостные стены. Под утро один генуэзец из вспомогательного флота, немного отойдя от лагеря, заметил, что вдали, в неверном свете занимающейся зари что-то блестит, и похоже, что это сталь оружия и доспехов. Он поднял тревогу. Внезапно разбуженный Ричард наспех отдавал распоряжения своему малочисленному воинству, первым делом пригрозив собственноручно снести голову тому бойцу, который первым не выдержит вражеского напора и побежит; затем он расставил, попеременно, копейщиков и арбалетчиков, придав каждому из них по оруженосцу, который должен был перезаряжать второй арбалет, пока арбалетчик разряжает в нападающих первый. Налет вражеской конницы отразили пики, а пока всадники отходили, чтобы перегруппироваться для второго удара, на них обрушился ливень густо падающих стрел из арбалетов, которые убивали и коней, и всадников. «Удаль франков была такова, что наши войска, утратившие задор из-за их сопротивления, довольствовались тем, что отходили, пытаясь сохранить строй». Тщетно Саладин воодушевлял своих воинов.

Тогда сам Ричард бросился в атаку, разя направо и налево и нанося удары с такой силой, что, как пишет Амбруаз, даже кожа на его руках порвалась.

К концу схватки «он сам, его конь и его попона были так густо утыканы стрелами, что все зрелище походило на ежа». Тут случилось происшествие, отмеченное печатью исключитель-

¹ В Ронсевальском ущелье в Пиренеях, как повествует «Песнь о Роланде», в 778 году героически погиб Роланд, племянник Карла Великого. (Прим. пер.)

ной «рыцарственности». Брат Саладина Малик эль-Адиль следил за битвой. По его приказу толпа бойцов расступилась, чтобы пропустить мамелюка, ведущего двух великолепных арабских скакунов; мамелюк остановился перед Ричардом, «ибо неприлично королю сражаться пешим»...

К вечеру того дня, 5 августа, Саладин с остатками своего войска отступил к Язуру, затем к Латруну, и настроение в его армии было хуже некуда: их побили, хотя у них было превосходство в десять против одного.

Тотчас начались переговоры о мире, затянувшиеся более чем на месяц. Саладин, зная, что его противник спешит вернуться в свое королевство, понимал, что задержки выгодны прежде всего ему; впрочем, он умножил знаки внимания и всяческую любезность по отношению к Ричарду. Так, узнав, что тот вновь свалился в постель из-за малярии, султан прислал ему новые подарки: фрукты из Ливана, снежные шербеты и прочее.

В конце концов, было решено, что восстанавливается власть христиан над прибрежной полосой, от Тира на севере до Яффы на юге; этот город, так решительно оборонявшийся, оставался в течение длительного времени местом, в котором чаще всего паломники сходили на берег: даже в XIV—XV веках, когда Святая земля была уже потеряна, сюда продолжали прибывать группы пилигримов, которые укрывались в прибрежных пещерах, ожидая разрешения, необходимого для того, чтобы дойти сначала до Рамлы, а затем и до Иерусалима.

Договор, заключенный 2 сентября 1192 года, предоставлял франкам и всем христианам беспрепятственный доступ к святым местам без уплаты каких бы то ни было пошлин или таможенных сборов.

И как раз более чем утешительное зрелище толп паломников, тотчас же устремившихся в путь к Иерусалиму, завершало ту главу борений и сражений, в которой противники сталкивались друг с другом, но вместе с тем и получали возможность для взаимного знакомства и сближения. Саладин лично следил за тем, чтобы никому из пилигримов не причиняли вреда; три паломничества, тотчас же собравшихся в дорогу, прошли вполне благополучно, а Ричард тем временем добился освобождения христианских пленников, в том числе самоотверженного Гийома де Прео, который вместо него угодил в плен. Сам Ричард все же отказался лично отправиться к Пресвятому Гробу Господню, так как «не смог вырвать его из рук своих врагов». Но его летописец Амбруаз, участвовавший во втором паломничестве, взволнованно описал все переходы на своем пути к Иерусалиму:

...Султан назначил стражу, повелел
Прилежно охранять паломников пути.
И беспрепятственно сумели мы пройти,
Не опасаясь нападений, по низинам,
Холмам, горам, ущельям и теснинам.
И вот на Гору Радости взошли мы,
О сколь возрадовались наши пилигримы,
Увидев Град Святой! И коленопреклоненно
Господни Страсти помянули сокрушенно...
Узнали гору Елеон — на той горе Господь
Начал Свой Крестный Путь, спасая нашу плоть,
Затем мы во Иерусалиме побывали,
Где Гроб Господень умиленно лобызали.
Потом взошли и на Голгофу, то есть гору,
Где, одесную, и был распят Тот, Который
Родиться ради нас изволил и взошел на Крест.

Битвы в Святой земле, трижды приводившие Ричарда к вратам Иерусалима, свелись лишь к проволочкам, но не к окончательному освобождению Гроба Господня. А ведь если бы король Франции не оставил союзника, очень может быть, что Святой Град оказался бы в конечном счете в руках христиан и мировая история сложилась по-другому.

Пожалуй, нерешительность короля Англии можно объяснить хотя бы отчасти тем, что он чувствовал себя одиноко. Чтобы действовать, он нуждался в уверенности в победе. Во всех отношениях его силы уступали тем, которыми располагал Саладин, — сложись обстановка чуть менее удачно, вполне возможно, что даже Яффа была бы потеряна для франков. Если судить по справедливости, то в тех обстоятельствах его тактика если и не была на самом деле гениальной, то, во всяком случае, заслуживала высокой оценки. И не только по причине хладнокровности короля, засвидетельствованной многократно, но и потому еще, что в борьбе с турками король изобретал все новые и все более изощренные приемы.

Но взятие Иерусалима — и Ричард сознавал это — стало бы таким из ряда выходящим подвигом, что нельзя было и думать о нем без уверенности в успехе, и успехе прочном. Следовало хотя бы располагать многочисленными воинскими силами — но все планы смешал уход с театра военных действий короля Франции. Надо думать, что присутствие еще одного короля помогло бы Ричарду справиться с той свойственной ему переменчивостью, которая так легко увлекала его не в ту сторону — речь о колебаниях между «да» и «нет», о том, в чем упрекал Ричарда Бертран де Борн. Но несомненно также, что на его поведении сказывалось опасение утраты того, чем он уже привык обладать, — Ричард боялся непоправимо испортить свою ре-

путацию. Что ж, можно считать этот его страх предосудительным признаком слабости характера.

Довольно и того, что его деятельность в целом принесла благие плоды. Поэт Жоффруа де Винсоф подчеркнул это, оставив нам длинную эпитафию на смерть Ричарда в латинских стихах, в которых он обращается к Богу:

Помнишь ли Ты короля,
Чрез которого Яффа осталась Твоей?
Как он ее защищал, как один
Отбивался от многих врагов?
Акру вернул он Тебе великой отвагой своей...

То, что удалось отвоевать эти два города, в конечном счете принесло неоценимые выгоды и сделало возможным само существование королевства франков в Святой земле в течение целого века — с 1191 по 1291 год. Конечно, за эту сотню лет была написана глава, в которой не так уж много славных страниц; но все же в течение этого столетия Средиземноморье хотя бы внешне могло казаться христианским, ибо христиане имели возможность путешествовать и торговать в пределах немалой части средиземноморского ареала, тем самым укрепляя волю и способность к сопротивлению населения тех областей и стран, которым грозило турецкое нашествие, и, следовательно, предотвращая много худшие бедствия и разрушения.

...О многом сегодня заставляет задуматься нас величественный образ храма Святой Софии Константинопольской с его темными, мрачными стенами. Среди многочисленных туристов, посещающих этот музей, мало кому достает любопытства проследить за длинным уклоном, той косой плоскостью, которая уходит под купол; а ведь там, где она заканчивается, ошеломленному взору вдруг является святой Михаил, точнее, выложенный мозаикой образ архангела: единственное или одно из немногих изображений, которое не только уцелело в храме, но и осталось нетронутым. Османские захватчики отнеслись к этой мозаичной иконе с уважением: архангел упоминается в Коране, посему его образ имеет право на существование. Эта мозаика представляет собой игру столь ярких и светоносных цветов, что, увидев однажды, забыть ее просто невозможно. Так и в опускающемся на всю высоту стены высеченном из мрамора кресте (от него осталась лишь вертикаль, обе боковые стороны горизонтальной перекладины полностью уничтожены) нельзя не увидеть напоминание о том, что Святая София до 1453 года была сплошь украшена такой же и столь же ослепительной мозаикой, как и та, что сверкает в иконе святого Михаила Архангела. Архитектурный ансамбль все еще вызывает

восхищение больше или по крайней мере никак не меньше, чем соборы Святого Аполлинария в Равенне и Монреале или Святого Марка в Венеции. Только представьте себе эти тонны смальты из золота и эмали, эти бесчисленные мозаичные фрагменты, которые сначала кропотливо чеканились, а затем, с не меньшим тщанием, сбивались и соскребались со стен, чтобы в конце концов оказаться бог весть где! Лишние два с половиной столетия для существования такого чуда — это уже немало в истории человечества...

Деяния Ричарда Львиное Сердце способствовали продлению того срока, что был отпущен историей на существование и многих иных чудес. В самом деле, ни сам Ричард, ни крестоносцы, шагавшие за ним, нимало не виновны в тех тревожениях, которые на протяжении XIII века подтачивали и временами даже заливали кровью хрупкое королевство франков. Раздоры творили купцы, соперничавшие из-за торговых выгод и потому становившиеся подстрекателями свар и поджигателями войн в том самом городе Святого Иоанна Акрского, который был отвоеван у неприятеля с таким трудом и в котором рыцари ордена госпитальеров воздвигли столь великолепный замок, что ему суждено было прослужить вплоть до нашего времени. «Война, торговля и разбой неразлучимы в троице единой», — говаривал Гёте. И как раз эта злосчастная троица опустошала и ослабляла остатки королевства, которое потому и было захвачено с такой легкостью в конце XIII века мамелюками. Деятельность же Ричарда, плоды которой умножил и упрочил Людовик Святой, подарила драгоценную отсрочку арабам-христианам, ливанцам, армянам, да и самим грекам, пусть те же латиняне и захватили Константинополь в 1204 году.

Глава седьмая

ВЕНЦЕНОСНЫЙ УЗНИК

Письма и послания, настойчиво побуждавшие короля Англии как можно скорее вернуться в свое королевство, имели под собой серьезные основания. Вспомним, что Ричард вручил королевство заботам своей матери Алиеноры, а административные полномочия возложил на епископа Илийского Уильяма Лонгчампа, который занимал пост канцлера и одновременно выполнял обязанности юстициария.

По общему мнению, он показал себя сильной личностью. «Второй Иаков, пусть ему и не довелось бороться с ангелом¹, облика примечательного и духом своим возмещавший тщедушность тела своего», — писал Ришар де Девиз, судивший о нем снисходительнее, чем большая часть прочих хронистов. Вильгельм из Нойбурга высказывался о том же человеке гораздо резче: «В силу особенной дерзости и особенного лукавства, доведя ловкость умелого использования сразу и своей светской власти, и своего духовного авторитета до того, что стали говорить, что у него обе руки — правые, он был способен служить обеим властям, светской и церковной, подменяя одну другой». Уильям Лонгчамп решил созвать собор в Лондоне в октябре 1190 года, чтобы предстать пред всеми в звании папского легата и заставить всех признать за ним этот титул. Тем самым он получил бы власть более обширную, чем та, которой располагали епископы и архиепископы, отправившиеся за королем в Святую землю: ведь последние оставили свои кафедры и престолы свободными и, стало быть, беззащитными перед произволом человека, который мог хвалиться полномочиями, полученными от понтифика, в то же время обладая властью канцлера королевства. Хронист упрекает его в чрезмерной и выставляемой напоказ роскоши, обвиняя, к примеру, в том, что он никогда не передвигался без тысячи лошадей, а

¹ В Библии рассказывается, как ночью некто боролся с Иаковом, после чего Бог дал Иакову имя Израиль, то есть «боровшийся с Богом» или «князь Божий; с Богом» (Быт. 32: 24—32). (Прим. пер.)

«иногда и больше» — и вряд ли хронист слишком преувеличивает. Ссылаясь на то, что он — папский легат, Уильям Лонгчамп требовал от монастырей права на кров: обитель должна была принять и разместить не только его, но и ту свиту, которая сопровождала его во время поездок по королевству; если же монастырь был невелик и не мог принять их, то братия обители должна была уплатить гостям «помощь» в размере пяти марок серебром. Для аббатств же покрупнее визит канцлера королевства и сопровождающих его особ превращался в сущее нашествие тучи жадной саранчи! Тот же Вильгельм Нойбургский добавляет, что епископ перетащил в Англию свою многочисленную родню из Нормандии и выдал своих племянниц замуж в знатнейшие английские роды. Одна из его сестер, Риченда, стала женой кастеляна Матью Клерского, владевшего замком в Дувре, другая вошла в семью Девере.

Из всего этого складывается представление о высокомерном и малопривлекательном типе, каковым Уильям, несомненно, и был. Добавим еще, что он боялся лишь одного человека в Англии — брата короля Джона, что заставляет думать о неблагоприятной роли, сыгранной Лонгчампом в то время, когда король отсутствовал в стране.

Вскоре начались трения между канцлером и обоими братьями Ричарда — Иоанном и Джеффри. Пока король зимовал на Сицилии, до него дошли слухи о нападениях на правление назначенного им канцлера, и тогда Ричард поспешил отправить в Англию Готье, архиепископа Руанского, поручив ему улаживать разногласия, появившиеся в его отсутствие, а заодно назначил Хью Бардульфа управляющим в провинцию Йорк, где шерифом был брат Уильяма Лонгчампа. Однако, по словам Вильгельма из Нойбурга, канцлер и не подумал уступить кому-то хоть малую часть своих полномочий — похоже на то, что за распоряжениями короля следовали более или менее противоречащие им указания канцлера.

Столкновение между Иоанном и братом епископа не заставило себя ждать. Оно произошло из-за замка Линкольн, заботы по охране которого достались Джерарду Камвиллу, действовавшему от лица супруги. Уильям Лонгчамп же хотел, чтобы твердыня была передана ему или признала его власть; поэтому кастеляну пришлось обратиться к Иоанну с мольбой о помощи. Уильям собрал вооруженных людей и вошел в город Линкольн, чтобы осадить замок. Иоанн незамедлительно велел канцлеру убираться, а сам занял два замка, в Ноттингеме и Тикхилле, обещая вернуть их, если будет снята осада с замка в Линкольне. В это время пришла весть о смерти папы Климента III, случившейся в Риме 10 апреля 1191 года; это означало, среди про-

чего, что Уильям Лонгчамп перестал быть легатом папы и у него не осталось иного оружия, кроме светских полномочий. Он поторопился заключить с Иоанном Безземельным перемирие, которое превратилось в настоящий мирный договор в июле того же года, когда Уильям торжественно обещал поддержать возведение на престол Иоанна в случае смерти Ричарда за морем. Кроме того, канцлер отвел из Линкольна свои войска, состоявшие из наемников с материка и Уэльса.

Но вскоре возник новый конфликт. Речь идет о ссоре Уильяма с братом Ричарда Джеффри, возведенным, после треволений и не без сопротивления, на архиепископскую кафедру в Йорке. Перед рукоположением в сан в Туре 18 августа 1191 года Джеффри принял палиум из рук папы Целестина III, занявшего святейший престол после покойного Климента. Причина конфликта состояла в том, что Ричард взял с обоих братьев клятву не предпринимать попыток вернуться в Англию до тех пор, пока не возвратится он сам. Эта присяга была снята с Иоанна по настоянию его матери Алиеноры; что же касается Джеффри, то канцлер старался препятствовать его высадке на английский берег. Тем не менее Джеффри прибыл 14 сентября. Уильям Лонгчамп направил в Дувр вооруженных людей, которые поспешили заключить архиепископа в крепость вместе с прочими духовными лицами, его сопровождавшими, а все их добро было расхищено. Толки об этом не замедлили распространиться, и многие бароны и епископы, умело подстрекаемые Иоанном Безземельным, в том числе Батский и Честерский, поспешили выразить свое возмущение. Обеспокоенный поднимающейся смутой, канцлер отпустил Джеффри, но по возвращении в Лондон тот ничуть не унялся и продолжал расточать сетования и жалобы в адрес Уильяма. Канцлер удалился в Виндзор, а потом, не будучи уверен в устойчивости своего положения, укрылся в лондонском Тауэре вместе с немногими людьми, которые остались ему верны.

Об этих событиях повествует пространное послание Юга де Нюана, епископа Ковентрийского или Личфилдского, воспроизведенное некоторыми хронистами. Точная хронология остается неясной, но по крайней мере из послания можно догадаться, что канцлер Уильям Лонгчамп решил искать убежища в Тауэре после нескольких стычек его людей с людьми Иоанна Безземельного. 8 октября 1191 года в соборе Святого Павла было созвано многолюдное собрание, на котором Иоанн Безземельный, явно знавший, как обращаться с толпой, объявил о смещении Уильяма Лонгчампа со всех занимаемых им постов и о замещении его Готье Фиц-Пьером, архиепископом Руанским, и Гийомом Марешалем. Хью Бардульф и Гийом Брюр

должны были отныне выполнять обязанности юстициариев. Затем представители города Лондона, начинавшие играть главную роль во внутренних делах королевства, решили принести присягу в верности королю Ричарду и его брату Иоанну, постановив, что последний станет законным наследником английского престола, если первый умрет за морем.

Как пишет современный историк, налицо образчик «свержения министра» или «внутриправительственного переворота», показывающий, как свержали властителей в феодальную эпоху. Уильяму Лонгчампу не оставалось ничего иного, кроме как согласиться уйти в отставку, ведь на него ополчились сразу и братья короля, и толпа народных представителей. Посему он объявил об оставлении всех своих должностей и о сдаче и Виндзора, и лондонского Тауэра. Бенедикт из Питерборо заверяет, что «все люди в королевстве радовались его опале», но это, наверное, некоторое преувеличение. Дав заложников как гарантию своей отставки, Уильям поспешил в Дувр и попытался, переодевшись женщиной, подняться на корабль, но его узнали и схватили. В общем, лишь 29 октября ему удалось покинуть Англию, чтобы высадиться затем в Нормандии.

Здесь уместно вспомнить анекдот, который приводит епископ Юг де Ньюан. Он рассказывает о случившемся с какой-то развязностью и горячностью, хотя вообще-то стилю писаний этого епископа свойственна чопорная напыщенность.

«Поскольку он не дерзнул [убежать из Дуврского замка] открыто, он обратился к обману нового рода и переоделся женщиной. И вот, хотя он был заперт в великолепном замке, он решил добраться до берега пешком и облачился в женскую тунику длины чрезвычайной, зеленоватого цвета вместо облачения архиерейского лиловато-фиолетового: мантию того же колера вместо риз надев, голову он покрыл шарфом взамен митры. В левую длань не орарь, но узорчатый плат, как на продажу, он взял; а в деснице не пастырский крест, но странника посох он держал. Вырядившись так, епископ к морю начал спускаться. Ему многократно в рыцарские латы случалось облачаться, но он принял на этот раз вид, коему дух подобает изнеженный, коль скоро избрал для себя он облик женственный. Как добрался до берега он и на камень присел, передохнуть решив, так мигом к нему случившийся там рыбак подойти поспешил; счастливым себя полагал рыболов: сладострастница грешная — славный улов; а коль уж из моря рыбак вышел тот замерзшим, ибо был почти совершенно нагим, то кинулся он к прелестнице мнимой, надеясь согреться телом другим, и шуйцей за шею епископа стал обнимать, а десницей рыбацкой своею юбку вздумал поднять. И как начал он шупать под туни-

кой, дивится: ну, чудеса! — платье-то женское, однако мужские под ним телеса. И изумился бедный рыбак, и как заорал: "Надо же, я-то бабу ловил, а мужика поймал!" Но тотчас те, что с ним были или просто случились там, к рыбаку тому подошли и велели ему прекратить шум и гам; посему рыболов вопить перестал, а двуполый гермафродит все сидел и чего-то ждал. И тут мимо из города женщина шла одна, и увидала плат цветной она, и стала к епископу тетка та приставать: мол, за сколько ты хочешь кусок этой ткани продать? Тот же ей ничего не отвечал, словно бы английской речи епископ не понимал. А хозяйка та все не уходит, хочет купить платок, а потом и другая явилась и тоже пустилась в торг. А продавец сидит и молчит и скалит зубы свои, и тут на него напустились обе, и как закричали они: "Ну-ка, давай, товар продавай, да не молчи, отвечай!" И потянулись к его лицу, и сорвали вуаль в борьбе. И увидали нос здоровенный и бритвы следы на губе. И осоловели тетки совсем, наземь его свалили и на помощь позвали народ. Ох, как они голосили: "Вы поглядите, какой урод, или это она? За кого он себя выдает? А за кого держит нас?!" Сразу сбежалось к месту тому очень много людей, были и женщины, и мужчины, и, без хитрых затей, они всю вуаль изорвали ему, и рукава оторвали, и за капюшон хватали они, и за волосы потаскали, и вывалили его в песке, и камнями его побили, и хоть два-три раза вырывался он, всякий раз его снова ловили. И поволокли его в город толпой, тумачив для него не жалея, и, побив его перед тюрьмой, вручили как прохиндея тюремным стражам эту жертву свою, и так он вернулся в ту же самую свою былую тюрьму».

Прелат завершает свое полустихотворное писание упованием на то, что как папа, так и король поручат охранять епископа особам, заслуживающим доверия, и что не будет брошена тень ни на духовное сословие, ни на монаршее достоинство.

Кончилось все тем, что сам Иоанн Безземельный через восемь дней приказал освободить Уильяма Лонгчампа и разрешил ему перебраться за море. Епископ причалил во Фландрии, в порту Виссант. При проезде через эту область он должен был испытать новые и немалые затруднения, но все же в конечном счете доехал до Парижа, где был встречен с большим почетом: епископ Морис де Сюлли устроил в его честь торжественный крестный ход к собору Парижской Богоматери и, понимая, что гость лишился всего, вручил Уильяму шестьдесят марок серебром. Правда, в Нормандии, куда он отправился из Парижа, к нему отнеслись как к изгнаннику, если не как к изгою, считая, что он отлучен от Церкви: по его появлению прекращались богослужения и любые религиозные обряды. Лонгчамп отпра-

вил донос папе Целестину и королю Англии, в котором повествовал о случившемся с ним и сетовал на епископов и баронов, навредивших ему, равно как и на самого Иоанна, ввергшего его в тяготы и навлекшего на него невзгоды. Затем, будучи уверен в поддержке, он отправил еще одно послание, на этот раз епископу Гуго Линкольнскому, в котором перечислил всех тех, кто, по его мнению, заслуживал бы отлучения от Церкви. В начале списка, естественно, красовалось имя архиепископа Готье Руанского; настоящая буря церковных отлучений должна была попеременно потрясать различные английские епархии.

Хронист Ришар де Девиз рассказывает о событиях в манере более облегченной и не так пристрастно, как остальные анналисты его эпохи. Но и он не скрывает своего личного мнения. В частности, Ришар сообщает о даровании гражданам Лондона права на создание коммуны:

«В тот день (имеется в виду ассамблея в соборе Святого Павла. — *Р. П.*) была пожалована и учреждена коммуна лондонцев, которой должны повиноваться по присяге все вельможи королевства, как и епископы настоящей провинции. Лондон познал тогда в первый раз, сколь недоставало короля королевству, ибо ни сам король Ричард, ни его предшественник и отец король Генрих не позволяли, дабы подобные заговоры имели место, даже за тысячу тысяч марок серебром, ибо зло, которое способно произойти из подобного заговора, может быть определено несколькими словами: коммуна — это развращение черни, угроза королевству, нерадивость духовенства».

Ришар также живописует бедствия, обрушившиеся на церковь Или после бегства канцлера: «Все литургические действия совершенно исчезли из епархии, во всех селениях тела умерших оставались непогребенными».

Он рассказывает еще о двух легатах, посланных папой во Францию. Когда они явились в Нормандию, — по наущению французского короля, утверждает летописец, но «тайно», — то коннетабль и сенешаль не пустили их и запретили всякое пребывание в провинции. Легатами этими были Октавиан, епископ Остийский, и Иордан, настоятель аббатства Фосса-Нова.

Короче говоря, у королевы Алиеноры были все основания посылать своему сыну Ричарду тревожные письма: в самом деле, королевство почувствовало отсутствие своего короля! Сама она, правда, еще много ранее, в начале 1192 года, отмечала нестроения в диоцезе Или, вызванные экскоммуникацией канцлера; прибыв 28 января в Портсмут из Нормандии, она чуть позже посетила эту епархию.

«Эта женщина, которую должно, причем многократно, упоминать, и со справедливыми на то основаниями, — цитируем мы опять Ришара де Девиза, — итак, будем называть ее королевой Алиенорой, посетила несколько усадеб, в каковых она видела как бы часть своего вдовьевого наследства, а находились эти поместья в ближних околицах Илийской диоцезии. И нашла она во всех деревнях и хуторах, везде, где она побывала тогда, мужчин, женщин, детей в более чем жалком состоянии: народ заливался слезами и сетовал, ноги босые, одежды в беспорядке, волосы неухожены. Они обращались к ней со слезами, и слова их утопали в их скорби... Тела непогребенных лежали на полях то тут, то там, ибо их епископы отменили всякое христианское погребение. Королева, понимая, откуда явилась такая суровость, ибо сама она была ввергнута в печаль, видя несчастье своих людей, которые вынуждены были жить среди мертвецов, оставив прочее и не особенно заботясь о делах, которые касаются ее или других, поспешила в Лондон и попросила или, скорее, потребовала у архиепископа Руанского вернуть в епископию все блага, отнятые у епископа, и снять с того же епископа, то есть канцлера, отлучение от церкви, то есть отменить ту экскоммуникацию, которая была провозглашена в Руанской провинции. Неужто он столь жестокосерд и до того непреклонен, что не уступит женщине и не услышит ее пожеланий? Он же объявил, что будут восстановлены в Англии в отношении сеньора Или блага его епархии и его семьи и повиновение тому, кому они принадлежали, в знак отмены приговора. Таким образом, то, что задумывалось как нарочитое утеснение, было усмирено среди людей несмирных, через посредничество королевы».

Хронист добавляет, что ничего невозможно поделать, коль души исполнены злобы, да так и остаются преисполненными этим чувством.

Королева Алиенора между тем знала, что делала, отправляясь в Англию. Ей стало известно о возвращении во Францию короля Филиппа Августа. Покинув в августе Бейрут на четырнадцати галерах, он провел по нескольку дней в Триполи, Шательблан или Каstellа-Бланка, потом в Тартусе и в знаменитом замке Маргат, который принадлежал ордену госпитальеров. Затем он останавливался в Баниясе, Джебайле — тогда этот порт назывался Жиблет, в порту Святого Симеона, который обслуживал город Антиохию, в Александrette и вслед за остановкой на Родосе прошел вдоль побережья Пелопоннеса; два порта на этом побережье, Модон и Корон, числились среди самых посещаемых, особенно венецианскими куп-

цами. Потом Филипп Август останавливался в Кефаллонии и на Корфу, откуда он обратился к Танкреду Сицилийскому за разрешением пройти через принадлежащие тому земли.

Некоторые летописцы насмешливо отмечали, что дурное здоровье короля, послужившее ему поводом прервать свое участие в походе и вернуться во Францию, как будто бы укрепилось, когда он высадился в Отранто, где его флот оказался 10 октября 1191 года. Потом он проследовал в Лечче, затем останавливался в Бриндизи и Бари, следующие этапы: Трани, Барлетта, Беневенто; затем король Франции проследовал через Капую, Кальви и град Святого Германа у подножия горы Монте-Кассино и прибыл, наконец, в Акино и Фросиноне, «откуда он обратился к императору Генриху VI за разрешением на следование, поскольку он уже достиг земель Империи. Он миновал Ананьи, затем заехал в Рим, где папа Целестин принял его с большим почетом и где он пробыл восемь дней». Этим папой, напомним, был тот самый Джачинто Бобоне, который некогда часто посещал школы Парижа и который унаследовал святейший престол после кончины папы Климента III, преставившегося 10 апреля того же года. Филипп принял от него прощение своего обета, который мог считаться неисполненным. Король Франции не мог не попытаться извлечь выгоду из хорошего расположения папы к нему и стал жаловаться на Ричарда: мол, «это из-за него пришлось ему убраться с земли Иерусалимской», — рассказывает Бенедикт из Питерборо, который намекает к тому же, что Филипп якобы попросил у понтифика разрешения отомстить своему сопернику в Нормандии и на иных землях, зависимых от королевства. «Но владетельный понтифик, зная, что тот сказал это просто из зависти, не пожелал давать тому какого бы то ни было дозволения творить зло на землях короля Англии. Он, напротив, запретил ему, под угрозой анафемы, налагать руки на короля Англии или на его владения».

Выходит, что можно отнестись с подозрением к намерениям, побудившим Филиппа вернуться на землю Франции, в то время как Ричард должен был сталкиваться по ходу своего пребывания в Святой земле с непомерными трудностями...

Король проследовал через Сан-Джованни-де-Морьенно, затем через Витербо, Радикофани, Сиену, Лукку, Милан, Пьяченцу, Павию и вступил на землю Франции незадолго до Рождества 1191 года. Понятно и поспешное возвращение королевы Алиеноры: она вернулась в Англию, чтобы остановить своего сына Иоанна. Потому в Англии созывались многочисленные съезды и ассамблеи баронов и прелатов королевства, сначала в Виндзоре, затем в Оксфорде, Лондоне, Винчестере, и все это,

в сущности, затем, чтобы удержать Иоанна на английской земле и не пустить его за море, где он мог бы подключиться к заговору против Ричарда. В конечном счете никто, начиная с самого Иоанна Безземельного, не сомневался в том, что Ричарду не суждено возвратиться из Святой земли. Как замечал Ришар де Девиз, «вовсе не казалось, что единственный брат его (Ричарда. — *Р. П.*) Иоанн, граф Мортен, или его юстициарии и прочие остававшиеся там бароны как-то думали о нем или рассчитывали на его возвращение; и никто даже и не думал, что он вернется. Только предстоятель Церкви неустанно молил Бога о нем». Слухи о новой болезни короля не способствовали успокоению тревог. Что же касается королевы Алиеноры, то она задалась целью во что бы то ни стало сохранить королевство для своего сына Ричарда, законного наследника и избранника ее сердца, как писал Ришар де Девиз, который, похоже, в этом месте выказал особенную чуткость. «Ее материнский инстинкт бурлил в ней, и тревога обуревала ее при мысли об участии своих двух старших сыновей, ибо как один, так и другой умерли прежде времени. Она желала делать все, что было в ее силах, верно помогая и храня верность двум своим младшим сыновьям, дабы сделаться более счастливой матерью, чем было то суждено».

Материнская озабоченность судьбами обоих сыновей заставляла ее теперь препятствовать младшему — отличавшемуся, на ее взгляд, «легкомысленностью духа» — вступить «по наущению и по совету короля Франции в заговор против своего сеньора и брата». Как отмечает хронист, она противодействовала всему, в чем ее младший сын мог бы усмотреть для себя некоторую пользу.

И в этом она, в общем, преуспела. Много позже Иоанн признался в своем замысле перебраться на материк; когда же это не удалось, он пожелал взамен захватить два замка, Виндзорский и Уоллингфордский, принадлежавших королю. Тайно обратившись к королевским коннетаблям, он отправил своих людей, чтобы те взяли замки под охрану. Незамедлительно, по призыву архиепископа Руанского, в Лондоне собрались бароны и прелаты. Начались переговоры, но проходили они, если верить Ришару де Девизу, как-то нерешительно: каждый был не против прославиться взятием этих замков, но опасался браться за такое дело, страшась горячности Иоанна. И тут на ассамблее случилось нечто непредвиденное: посланцы, которые представляли королеву и приветствовали собрание от ее имени, как оказалось, выражали интересы еще одной особы, а именно канцлера Уильяма Лонгчампа, который накануне, как они сообщили, высадился в Дувре.

Уильям Лонгчамп смог добраться до папы, и тот, проникшись к епископу доверием, восстановил его в правах легата. «Все замолчали и лишь неотрывно глядели на того, кто говорил», — пишет летописец, цитируя, по своему обыкновению, Вергилия; в общем, он множит намеки и цитаты, но всегда со свойственным ему юмором.

Суший театральный переполох, все перевернулось с ног на голову — вот что такое было возвращение Уильяма Лонгчампа! Участники ассамблеи в замешательстве начали молить Иоанна о помощи, опасаясь канцлера. Иоанн, дерзко обосновавшийся в Уоллингфорде и с явным презрением взиравший на затеянные против него переговоры, вернулся в Лондон. Он снизошел к ассамблее и согласился выслушать ее участников, которые волновались не столько из-за двух замков, сколько из-за опасений перед канцлером. В ответ на жалобы Иоанн потребовал от прелатов и баронов суммы в семьсот ливров серебром в течение семи дней, если они хотят, чтобы канцлер отказался от намерения вмешаться в те дела, в которые он хотел бы вмешаться. «Ищите посему для меня столько денег, сколько мне нужно. Довольно с вас того, что я вам сказал, если вы меня поняли!» — объявил он в заключение.

Ясно было, что все всё поняли. Участники ассамблеи предложили Иоанну пятьсот фунтов стерлингов и тотчас одобрили текст послания канцлеру или, если точнее, письма против канцлера, которое сочинялось совместно. Письмо выкладывало суть дела без обиняков: «Срочно; дело не терпит отлагательств; королева пишет, духовенство пишет, народ пишет. Все единодушно говорят канцлеру: нет. Ежели ему дорога собственная безопасность, да не медлит он и да отправляется за море, чтобы не подвергнуться новым проявлениям враждебности». Если можно доверять тому же Ришару де Девизу, канцлер, столкнувшись с таким единодушием, побледнел так, словно «наступил на змею босыми ногами». Он отправился за море 2 апреля 1192 года, впрочем, будучи уверен в том, что его час еще придет.

Между тем предчувствия королевы Алиеноры не обманули ее. Филипп Август не устал распространять злонамеренные слухи о своем вассале Ричарде. Впрочем, его во многом опередил один из его родственников, Филипп де Дрё, епископ Бовейский, который оставил Святую землю вскоре после смерти герцога Бургундского в июле 1192 года; прелат утверждал, что смерть герцога тотчас вернула здоровье королю Ричарду...

«Сойдя на берег Германии, на всех остановках своего пути [епископ] распространял в народах слух, что этот предатель, король Англии, по прибытии своем в Палестину, строил козни,

стараясь выдать сеньора своего, короля Франции, Саладину; что он устроил убийство маркиза (Монферратского. — *Р. П.*), стремясь захватить Тир; что это он устранил герцога Бургундского с помощью яда; что, наконец, он сдал все войско христианское, потому что оно ему не повиновалось; что человек этот по-особенному свиреп, упрям, своенравен и груб, искусен в лукавстве более самых искусенных лжецов; и что поэтому-то король Франции вынужден был так скоро вернуться, и франкам, которые остались, чтобы продолжить поход, пришлось оставить Иерусалим незавоеванным. Сплетня эта набирала силу и ее принимали за правду, и так она внушала людям ненависть, восстаивая всех против одного человека».

А еще, добавляет тот же хронист, по возвращении во Францию «тот самый епископ Бовейский тайно нашептал королю Франции, что король Англии, который уже пускался на всякие козни ради их пагубы, заслал своих убийц во Францию. Филипп в тревоге, нарушая обычаи страны, учредил особую охрану из отборных воинских частей для собственных нужд. Он добавил, что надо отправить послов с дарами к императору и обратиться к ненависти к королю Англии. В итоге был издан имперский мандат с повелением всем городам и всем сеньорам Империи касательно короля Англии: буде он появится в их землях, возвращаясь из Палестины, он должен быть задержан с оружием и представлен, живым или мертвым, императору».

Почему и как возникли обвинения, о которых сообщает Ришар де Девиз? Стали ли они звеном в цепи происходивших событий? Как бы то ни было, обвинения в адрес Ричарда, в том числе относительно его причастности к преждевременной смерти маркиза Монферратского — а они кажутся совершенно несправедливыми, — получили распространение в войске крестоносцев по обе стороны моря, как на Востоке, так и на Западе. И стоит добавить, что все это происходило тогда, когда Ричарда свалила болезнь и когда без его ведома епископом Солсберийским Губертом Готье было заключено перемирие.

Король выздоровел, но все его попытки собрать войско для завоевания Иерусалима срывались теми самыми людьми, которые заключили перемирие и которые внушали теперь воинам, что незачем им откликаться на призыв короля. Видя такое отступничество, Ричард не сдержался и, выйдя из себя, в припадке гнева разнес в щепки сосновый посох, который был у него в руке, вскричав: «Господи, почему ты меня оставил?»¹

¹ См. в Писании: Мф. 27:46; Мк. 15:34. (*Прим. пер.*)

И продолжал: «Воистину, не для меня, но ради Тебя отныне знамена мои будут повергаться на землю. Воистину, не по малодушию войска моего Ты, Царь мой и Бог мой, ныне не побеждаешь. Ты, не Твой несчастный жалкий король Ричард, который весь тут». Как раз в это время, когда король пребывал в столь подавленном состоянии, Губерт Готье и Генрих Шампанский добились того, что король согласился на перемирие, заключенное ими с султаном.

«Была у этого человека такая мощь телесная, такая храбрость в душе, такая вера во Христа, что тяжело было достичь того, чтобы он, лишившись помощи, как это с ним стало, не кинулся в бой лично, один против множества отборных языческих полчищ».

Так летописец объясняет обескураживающий конец экспедиции и причину, в силу которой Ричард оставил желание взять Иерусалим. В этом месте хроники менее чувствуется обожание, с которым летописец глядел на Ричарда, но летописец показывает нам, в какое состояние пришло королевство после трехлетнего отсутствия короля и какое состояние духа там царило.

Показания Ришара де Девиза, в особенности касательно Филиппа, по большей части подтверждаются иными источниками. Вильгельм Нойбургский, в частности, свидетельствует об ужасе, обуявшем короля Франции. Этот ужас явственно выражался в том, что Филипп передвигался не иначе, как под вооруженной охраной, опасаясь убийц, которых якобы мог послать Ричард. Король даже созвал в Париже ассамблею, желая объяснить своим приближенным причины, по которым вдруг стали приниматься такие предосторожности. Возник вопрос и о превентивных мерах: а не стоит ли опередить короля Англии и самим ударить по его землям? Ассамблея одобрила принятые меры предосторожности, но решительно высказалась против любых попыток нанести ущерб владениям короля-крестоносца, ибо Ричарду, как крестоносцу, покровительствовал сам папа и нападение на него могло покрыть нападавших позором. Филипп воздерживался от военных действий, тем более что не был к ним готов, но все же, добавляет хронист, он думал о войне и именно с этой целью обратился к королю Дании Кнуту, намереваясь оживить застарелую вражду между датчанами и англичанами. В этом он не преуспел, хотя и заполучил руку принцессы Ингеборг (которую во Франции стали звать Исамбур), а вместе с ней и значительное приданое, обещанное королем Дании вместо военной помощи. Известно, правда, что после свадьбы Филипп отверг несчастную Исамбур, которая оказалась невыносимо упрямой и настырно пере-

чила королю. Но это уже совсем другая история¹. Ричард же пребывал на Кипре, откуда он отплыл 9 октября 1192 года, предварительно подтвердив права Ги Лузиньяна на владение островом и отказавшись от паломничества к Святому Гробу Господню. Как замечает летописец, коль уж столько страданий, опасностей и трудов пришлось претерпеть ради Иерусалима земного и не обрести ничего, кроме весьма скромных плодов, то тем паче обретение Иерусалима небесного невозможно без общей устремленности и личной самоотверженности каждого из многих и многих людей.

Но история на этом далеко не закончилась. Вскоре после отбытия с Кипра на флот обрушились жестокие бури. Целых шесть недель корабли выдерживали безжалостную трепку в средиземноморских водах. Потом, когда до Марселя оставалось трое суток пути по морю, до них дошел слух о том, что король Англии будет схвачен, если только посмеет высадиться на побережье Лангедока, и Ричард решил вернуться назад, чтобы проплыть оставшуюся морскую часть пути по Адриатическому морю. Он высадился на острове Корфу, где у него произошла любопытная встреча: случившиеся в этом месте два пиратских судна поначалу выказали враждебные намерения в отношении королевского корабля, но затем, узнав, кому принадлежит корабль, наоборот, поспешили обратиться к Ричарду с предложением вступить в переговоры. Ричард поднялся на борт пиратского судна безо всякой охраны, не считая нескольких приближенных, которых он взял с собой. С ним были Бодуэн де Бетюн, королевский писарь Филипп, королевский капеллан Ансельм, подробный рассказ которого о возвращении короля записал хронист Рауль, или Ричард Коггесхоллский, а также несколько монахов из ордена храмовников и горстка слуг. После путешествия вдоль адриатического берега и пираты, и крестоносцы совместно высадились на побережье Славонии — ныне эти берега принадлежат Югославии² — у города Газара.

* * *

Король Англии, возвращающийся в свое королевство после крестового похода вместе с пиратами? Это похоже на завязку приключенческого романа. Впрочем, приключения, достой-

¹ Об этом мы, то есть Женеви́ева де Кан и я, рассказали в книге «Исамбур, плененная королева», опубликованной издательством «Сток» в 1987 г. (*Cant, Genevieve de; Pernoud, Régine. Isambour, la reine captive. Stock, 1987*).

² После распада Югославии большая часть адриатического побережья, в том числе и город Газара (нынешний Задар), вошла в состав Хорватии. (*Прим. пер.*)

ные пера романиста, продолжались. Ибо это возвращение и есть самый настоящий роман, сюжет которого оказывается занимательнее и увлекательнее художественного вымысла.

Как бы то ни было, Ричард, которому до возвращения на английские берега оставалось более восемнадцати месяцев, наверное, не раз пожалел о своей вражде с графом Тулузским, из за которой ему пришлось поворачивать свой корабль на Корфу.

Верные своему слову, корсары направились к городу Газара на Адриатическом море и после долгого плавания пристали близ Рагузы (нынешний Дубровник) и ее владений. Оказавшись на берегу, король отправил гонца к графу Майнардугертцкому, которому принадлежали близлежащие земли. Это обстоятельство не слишком радовало Ричарда, так как сеньор Гертца был вассалом герцога Леопольда Австрийского. Но в любом случае у графа необходимо было получить пропуск на проход до Альп; после совета с приближенными Ричард дает своему посланнику точные указания: самого его якобы зовут Гуго, он — купец, путешествует вместе с графом Бодуэном Бетюнским, и ему желательно беспрепятственно пройти через территорию графства Гертц. Кроме того, он вручил своему посланцу великолепный подарок для графа Гертцкого: три рубина, купленные задолго до того у одного купца из Пизы; этими тремя камешками, за которые он заплатил девятьсот безантов, Ричард велел украсить золотой перстень. Казалось бы, подобный дар должен сделать стоворчивым всякого, кому он преподносится.

Но как раз столь дорогой и по-настоящему королевский подарок и вызвал подозрения. Когда посланник обратился за пропуском на беспрепятственное следование паломников, возвращающихся из Иерусалима, граф спросил его об именах этих пилигримов. Последовал ответ: «Одного зовут Бодуэн де Бетюн, второй — торговец Гуго, он и прислал кольцо». В душе графа Майнарда тотчас возникла догадка: «Нет, вовсе не зовется он именем Гуго, но звать его королем Ричардом». Затем, после минутного размышления, граф добавил: «Пусть я и поклялся задерживать всех паломников, прибывающих из тех пределов, и не принимать от них никаких даров, все же, ради красоты дара сего и ради сеньора, приславшего мне этот дар, ради чести, оказанной мне, пусть заочно, ибо он меня даже не видел, я принимаю дар и за него жалую вам вольность в вашем передвижении».

Вернувшись, гонец рассказал обо всем королю. Вместе со своими спутниками они купили лошадей и решили тайно, в полуночный час, покинуть свои жилища и бежать как можно дальше и как можно быстрее. Ибо граф Майнард, наверное,

пожалев о своем добром поступке, известил своего брата, графа Фридриха Бетесовского, прося его задержать короля тотчас, как только тот появится в его владениях. Фридрих же послал одного из своих соглядатаев, человека весьма преданного, и приказал ему проверить весь город, отыскать дом, в котором остановились странники, и попытаться опознать короля по его речам или по каким-то иным приметам. Избранный для выполнения этой задачи некий Роже д'Аржантон оказался, судя по имени, нормандцем. Он вот уже двадцать лет жил в этом краю и вошел в самый близкий круг приближенных Фридриха, на племяннице которого женился. Граф посулил ему половину города, если он сумеет выследить и разоблачить короля; проверяя дома в городе, один за другим, он, в конце концов, обнаружил того, кого искал: король, правда, делал вид, что он обычный человек, простой оруженосец, но осанка выдала его. Роже д'Аржантон упал на колени, залился слезами и стал умолять короля поскорее бежать. Он предложил королю великолепного коня и поведал ему, предметом какого торга тот стал. Ричард, не слишком мешкая, пустился в путь, взяв с собою только двоих спутников: один из них носил имя Гийом де л'Этан, второй же был совсем юн, но зато говорил по-немецки, что было необходимо для путников, не желавших, чтобы их опознали. Вернувшись к своему повелителю, Роже объявил, что толки о прибытии короля оказались не слишком обоснованными, так как он сам видал только Бодуэна Бетюнского с товарищами, возвращающимися из паломничества. Рассвирепевший Фридрих приказал арестовать их.

Ричард, после трех дней и трех ночей непрерывного пути, без привалов на отдых и даже без передышек для того, чтобы подкрепиться, совсем обессилел, и оба его товарища тоже; они решили остановиться в местечке, называвшемся Гинана, на берегу Дуная, видимо, неподалеку от Вены. Это было совсем некстати, ибо как раз в это самое время там пребывал герцог Австрийский Леопольд, заклятый враг Ричарда.

Юного слугу послали купить чего-нибудь поесть, но из денег у него были только золотые безанты; а коль скоро тамошние добрые люди не видывали прежде ничего такого, то на юношу тотчас обратили пристальное внимание. Конечно, у него стали спрашивать, кто он таков и откуда взялся. Юноша назвался слугой очень богатого торговца, прибывшего в этот город трое суток назад. Потом, так скоро, как он только смог, юноша поспешил к королю и, рассказав о случившемся, стал умолять его бежать из этого городка. Но Ричард не просто притомился в дороге, он был свален горячкой: опять вернулась лихорадка, которая время от времени поражала его после того,

как он побывал в Святой земле; потому обойтись без нескольких суток отдыха никак было нельзя. И через некоторое время юному его товарищу пришлось снова отправиться за едой. Было это на День святого апостола Фомы, то есть 21 декабря того же 1192 года. Тут он допустил неосторожность: на дворе стоял мороз, и потому юноша сунул за пояс перчатки короля, а на них красовался вышитый золотом леопард, то есть герб короля Англии. Его заметили, и местные блюстители порядка очень грубо обошлись с ним, пригрозив отрезать язык, если юноша не признается тотчас же, кто его господин. Волей или неволей он повел их к тому месту, где они укрывались, и вскоре вокруг дома собралась толпа, лучше сказать, настоящая свора, улюлюкающая, воющая, угрожающая.

Король, услышав крики, вопли и вой, встал и приготовился защищаться, но поняв, что сопротивляться бесполезно, вынул клинок из ножен и заявил, что сдается только лично герцогу. Тот не замедлил явиться. Ричард сделал несколько шагов ему навстречу и протянул герцогу свой меч. Леопольд, вне себя от радости, принял оружие врага с большим почтением и приставил к арестованному стражу из преисполненных рвения рыцарей, надзиравших за королем более чем усердно.

Летописец, подробно поведавший нам об этих событиях, не смог удержаться от выражения своей горечи:

«Род безмозглый! дикая страна!.. жалкое и горестное несчастье, которое никак не могло бы произойти, не будь на то соизволения Бога Всемогущего, хотя намерения Его от нас скрыты, и не ведаем мы, желал ли Он покарать прегрешения самого короля, допущенные им в его времена сладострастные, либо же хотел поразить грехи его подданных, или попустил бедствие сие затем, чтобы стала ведома всему миру отвратительная злоба тех, которые преследовали короля в подобном деле, и чтобы навсегда, для потомства, были заклеяны каленым железом те, что ответственны за такое злодеяние, те, что притесняли такого короля, столь одаренного отвагой и равно подобной же мощью и возвращавшегося из столь тяжкого и исполненного трудов паломничества, а они понудили его испытать такой гнет и такие бедствия, наложив на его царство долг невыносимый по причине затребованного за него выкупа. И я спрашиваю, сколь же зловредным и чуждым установлениям веры христианской может быть род человеческий, чтобы такого князя и в таком деле подвергнуть обращению столь жестокому и столь тяжкому, чтобы он это терпел и выдерживал».

Если бы король попал в руки самого Саладина, завершает свои размышления летописец, то, несомненно, тот наложил бы меньшие тяготы и выказал бы со своей стороны великодушные,

щедрость и честность, равно подобающие его царственному величию и совершенно неведомые этому дикарскому варварскому народу...

И коль уж беда никогда не приходит одна, летописец не упускает случая отметить все бури, ураганы, грозы, ливни с градом, случившиеся в ту пору и повлекшие за собой многие разорения. Весь последующий 1193 год оказался в самом деле ознаменован множеством бедствий: из-за бурь, наводнений, гроз страдали и без того посредственные урожаи, и это соответствовало бедственности того времени, когда король пребывал в узах. Другие хронисты даже пускаются в преувеличения по этому поводу: так, Вильгельм Нойбургский рассказывает о трех небесных явлениях — вероятно, речь идет о северном сиянии, — наблюдавшихся в январе 1192 года, затем в феврале 1193-го и, наконец, 2 ноября того же 1193 года. Первое небесное знамение, говорит этот летописец, было предзнаменованием: по всей Англии видели розоватые лучи, светившиеся в ночи на протяжении около двух часов; свет этот напоминал своим оттенком кровь. Второй раз знамение явилось в феврале 1193 года, после полуночи; монахи как раз воспевали хвалу Господу и заметили слабое свечение, красный отблеск, вроде отсвета близкого пламени, так что почти все подумали, что где-то рядом занимается пожар, и перестали распевать свои песнопения. Итак, это случилось спустя несколько дней после того, как стало известно о пленении короля. Наконец, последний раз знамение явилось в ноябре 1193 года, перед рассветом, как раз тогда, когда забрезжила надежда на скорое освобождение короля.

Сохранилось мало сведений относительно того, где именно Ричард отбывал заключение. Известно, что в Австрии его держали какое-то время в крепости Дюрнштайн, куда он был брошен, по-видимому, сразу же после того, как его пленил герцог Леопольд. Эта крепость находится не менее чем в шестидесяти километрах от Вены — иными словами, на расстоянии одного дня пути, если скакать на коне или, что вероятнее, плыть по Дунаю через Клостернойбург и Тулльн. Развалины Дюрнштайна и поныне производят сильное впечатление. Подножие замка опиралось на скалистый утес, господствовавший над рекой. Его начал сооружать в 1130—1140 годах Хадмар фон Кюнринген, и не прошло и двадцати полных лет, как строительство было завершено. Впоследствии, в XIV веке, замок приобрел один из членов дома Габсбургов, а в XVII веке его, как и ряд других, разрушили шведы. До сегодняшнего дня сохранился только украшенный башнями крепостной вал, соединявший замок с городом, да остатки часовни, на стенах которой можно разглядеть следы фресок начала XV века.

Затем Ричарда перевели в другую крепость, Оксенфурт, неподалеку от города Вюрцбурга. Проследовал он туда скорее всего по воде, сначала по Дунаю, а затем долиной Майна. Именно здесь король Англии, уже узник, был передан в руки императора Генриха VI, сына Фридриха Барбароссы. У императора были свои виды на Италию и Сицилию, так что присутствие там крестоносцев никак не могло ему понравиться, и он, естественно, проникся жестокой ненавистью к Ричарду.

Ричард был заключен в крепость Трифельс, от которой сохранились внушительные развалины. Твердыня эта представляла собой огромное сооружение, расположенное на трех холмах, — настоящую имперскую крепость, с XI века господствующую над всей местностью. Генрих VI полагал крепость столь надежной, что хранил в ней сокровища имперской короны — они оставались тут до конца XIII века, когда имперская казна была переведена в Прагу. Эта твердыня была разрушена теми же шведами в том же XVII веке. Дошедшие до нашего времени руины имеют немалое археологическое значение, так как знатоки полагают, что некоторые стены восходят к эпохе салических франков. Древний донжон — та часть крепости, которая лучше всего сохранилась в красивом выступе крепостного вала, — включает в себя несколько ярусов. Два зала в нижнем этаже и еще один на втором служили апартаментами императорам; оттуда извлечено множество археологических находок, которые сегодня хранятся в Шпейере, в музее Пфальца. На первом этаже находилась часовня; недавно, в ходе раскопок, была обнаружена цистерна, установленная, по-видимому, еще в XI веке.

Это нескончаемое содержание в узах короля, вернувшегося из Святой земли, где его подвиги, пусть и не увенчавшиеся взятием Иерусалима, снискали ему громкую славу, вызвало весьма суровое осуждение современников. «Книга королей Англии» высказывается по этому поводу сухо и резко: «Его не держали в железах; тем не менее по причине характера людей той земли, где его сторожили, он пребывал в очень скверном помещении, ибо люди в том королевстве были как дикие звери, и они безобразно одевались, и безобразно ели, и безобразно пили, и безобразно разговаривали».

Однако, по свидетельствам хронистов, Ричард мужественно переносил обрушившиеся на него невзгоды. Он любезно шутил со своими стражами, всегда пребывал в веселом настроении, делился с ними теми напитками, которыми мог располагать; в общем, если не случалось неожиданных припадков вспыльчивости, которые он превозмогал, он всегда оставался на высоте положения.

Хорошо известна легенда о том, как некий Блондель де Нель, вассал Ричарда, отыскал своего сеньора по песенке, которую они некогда сочинили вместе. Это сказание поведал нам прославленный Менестрель Реймский, сочинивший в середине XIII века целый цикл рассказов, в которых вымысел перемешан с правдой. Притом сделано это достаточно умело и не без приятности; так, из одной песни мы узнаем про то, как королева Алиенора была влюблена... в Саладина! В историю с обнаружением Ричарда верится с трудом, и все же не исключено, что легенда опирается на какой-то реальный случай. Как заметил Рето Беццолла, прозвище Блондель, то есть «Беленький», вполне может обозначать Иоанна II Нельского, который славился красотой и поэтическими талантами; «рыцарем примечательной осанки и весьма прекрасной внешности» называет его Вильгельм Бретонский. (Правда, он не удержался от упрека, обвинив Иоанна в том, что отвага его не соответствует его красоте; речь идет об одном эпизоде битвы при Бувине.) Прозвище Блондель вполне мог носить и тот трувер из Артуа, который позднее в свой черед принял крест и вступил в поэтическую переписку со многими иными труверами своего времени, такими как Конон де Бетюн или Гас Брюле. Когда Ричард попал в темницу, этому труверу должно было быть двадцать два года; так не происходит ли действие этого анекдота на берегах Рейна и не это ли обстоятельство придает истории правдоподобность? В то самое время, когда герцог Леопольд Австрийский передавал своего пленника императору, близости вполне мог оказаться и наш трувер, — ведь от Пикардии и Артуа до того места на берегу Рейна, где высится крепость Трифельс, не так уж и далеко. Песнь, пропетая у подножия крепости, и последовавшее ответное пение узника, томящегося высоко в башне, — что ж, картинка такая привлекательная, что никак нельзя было обойти ее молчанием...

Итак, местонахождение узилища, в котором томился Ричард, было известно — тем легче и проще хлопотать о его освобождении. Ибо установлено, что весть о пленении Ричарда дошла до Англии не ранее февраля 1193 года. Согласно Раулю Коггесхоллу, император держал Ричарда под охраной сначала в окрестностях Трира, а затем близ Вормса. Как раз по этому случаю летописец удивляется терпению короля к своим тюремщикам и солдатам регулярного войска — «самым храбрым из тевтонов», которые по воле Генриха VI окружали днем и ночью ложе королевское и, обнажая мечи, никому не позволяли приближаться.

«И несмотря на все это, никогда не удавалось взволновать весьма тишайший лик князя, который всегда представлял радостным и веселым в своих речах, исполненным достоинства и

смелости в своих движениях. А сколько раз мог бы он стыдить и упрекать своих стражей за их забавы, исполненные издевательств, сколько раз они обманным способом понуждали его угощать их выпивкой, сколько раз ему приходилось отражать словно бы шуточные нападения этих скотов — эти подсчеты я предоставляю другим».

Тем временем узника стали отыскивать всё новые и всё более многочисленные посетители, в том числе настоятель аббатства в Клуни, а также, по словам хрониста, королевский канцлер — видимо, Уильям Лонгчамп, тот самый знаменитый епископ Илийский: он поспешил навестить своего сеньора, пребывающего в узах, тем более что именно этот сеньор в свое время облек епископа своим доверием.

Император предъявил Ричарду длинный перечень обвинений, большая часть которых представляла собой явную клевету. В конце концов он созвал собрание епископов, герцогов и графов, чтобы в их присутствии повторить во всех подробностях свои обвинения. Император возлагал на короля вину за утрату королевства Сицилии и Апулии, на которое он мог притязать согласно наследственному праву, а также за то, что король якобы помог Танкреду Леччийскому захватить власть в королевстве после смерти короля Гильельмо, супруга сестры Ричарда Иоанны. Затем он припомнил Ричарду императора Кипрского, с которым Генрих находился в родстве: мол, Ричард несправедливо лишил его власти и вверг в узилище и притом не только силой отнял у него землю, но еще и продавал и перепродавал похищенный остров то тому, то другому. Потом он обвинил короля в смерти маркиза Монферратского, бывшего вассалом императора: не вследствие ли предательства и заговора стал тот жертвой ассасинов? И не направил ли еще он подобных же ассасинов, чтобы те убили короля Франции, своего сеньора, которому он не засвидетельствовал никакой верности по ходу их совместного паломничества, тогда как их связывала клятва? Наконец, разве не обесчестил он зная герцога Австрийского, родственника императора, позволив себе, из презрения, швырнуть его в сточную канаву в Яффе? И не посредством ли позорящих оскорблений выказывал он неуважение к германцам в Святой земле, причем многократно?

«Король, присутствовавший на собрании, созванном императором, вместе с герцогом Австрийским, раз за разом возражал против всех этих клеветнических обвинений, и возражал столь блистательным образом, что заслужил восхищение и уважение всех. И никакого подозрения не осталось в связи с этим впоследствии в сердцах тех, пред которыми он был обвинен.

Он показал в конечном счете достоверность того, против чего он возражал, и цену обвинениям правдивыми своими утверждениями и доводами, которые высветили суть дела до такой степени, что уничтожились все ложные подозрения, которыми его обременяли, а правда о том, что он в самом деле совершил, нимало не скрывалась. Среди прочего он пролил также свет на предательства или некоторые заговоры в связи со смертью нескольких князей, всегда при этом убедительно доказывая невиновность свою, почему и пожаловал ему двор императора полное освобождение от каких бы то ни было обвинений. Король пространно говорил пред императором и князьями, и столь красноречиво, и так свободно, и с такой легкостью, что император поднялся и, когда король приблизился к нему, обнял его. После чего он заговорил с ним со сладостию и приязненно. И после сего дня император начал почитать короля со многой пылкостью и обращаться с ним как с равным».

Таким образом, Ричард обезоружил своих врагов и в конечном счете выиграл дело. Как писал Роджер Ховденский, «его сознание оставалось свободным, он всегда ясно и свободно отвечал на все обвинения, так что император проникся к нему не только милосердием, но даже стал питать к нему дружбу».

Это заседание состоялось, должно быть, в начале марта 1193 года, поскольку около 22-го числа того же месяца уже была назначена итоговая сумма выкупа за короля. Король мог в это время принимать посетителей, то есть людей, ему близких, таких как епископ Илийский или Губерт Готье, епископ Солсберийский, который тотчас был отослан в Англию с заданием начать сбор денег для выкупа. Человек этот оказался в конечном счете надежным и верным; король близко познакомился с ним в Святой земле, знал, на что он способен, и понимал, почему он поступает так, а не иначе. Сама же сумма выкупа оказалась огромной: сто пятьдесят тысяч серебром в мерах города Кёльна. Обязательство было торжественно принято 29 июня, и согласно ему король получал свободу и мог возвратиться в свое королевство, как только будет предъявлена оговоренная сумма. Письма Ричарда и деловое послание императора Генриха VI, скрепленное золотой печатью, были отправлены в Англию, где тотчас же юстициарии предписали всем епископам, клирикам, писцам, графам и баронам, всем аббатам и приорам предоставлять четверть своих доходов для выкупа, включая даже серебряные потиры и чаши. «Не оставалось какой бы то ни было церкви, какого бы то ни было монашеского ордена, мужского или женского, и какого бы то ни было духовного звания, которые были бы забыты и не внесли свой вклад в выкуп за короля».

В этих обстоятельствах и треволнениях на Западе стало известно о смерти Саладина, скончавшегося 28 февраля 1193 года. Воистину это означало, что для Святой земли завершилась целая эпоха, равно как и для всех тех областей на Ближнем Востоке, на которые распространялись власть или влияние скончавшегося султана.

За царственного узника стали все чаще заступаться, и среди прочих ходатаев в дело вмешивались церковные власти. Папа отлучил от Церкви эрцгерцога Австрийского Леопольда и пригрозил отлучением королем Франции, если тот дерзнет предпринять что бы то ни было против земель крестоносцев, в число каковых входил и король Ричард. Но императору папа не грозил ни подобной же экскомуникацией, ни наложением интердикта на земли, находящиеся в его власти: очень уж много раздоров и столкновений было между папством и Империей на протяжении предшествующего века с лишним...

Посему можно понять мать короля Алиенору Аквитанскую и неистовство ее писем — ведь она обеими руками отбивалась от всё новых, изо дня в день умножающихся посягательств на власть ее сына; она буквально цеплялась за эту самую сыновнюю власть. Сохранилось три таких послания, и хотя, возможно, их редактировал ее «канцлер», то есть письмоводитель Пьер де Блуа, тем не менее они несут на себе печать ее материнского чувства и ее ярость перед лицом тех событий, от которых должно уберечь ее сына.

«Часто ради вещей малозначительных, — писала она папе Целестину III, — вы посылаете ваших кардиналов до самых краев земли и наделяете посланников высочайшими полномочиями, но в деле возмутительном и достойном оплакивания вы не направили даже самого малого из меньших диаконов, ни хотя бы простого послушника или служку церковного. Короли и князья земли сговорились против моего сына. Далеко от Господа он под стражей и в цепях, в то время как другие опустошают его земли... И хотя все это длится и длится, меч святого Петра коснеет в ножнах. Трижды вы обещали прислать легатов и до сих пор ничего не сделали... Если бы мой сын наслаждался процветанием, они несомненно поспешили бы откликнуться на его зов, ибо всем прекрасно известно, с какой щедростью он вознаграждал бы их хлопоты. А что обещали вы мне в Шаторуа вкупе с такими заверениями в дружбе и правдивости? Увы, ныне мне ведомо, что обещания кардинала суть не что иное, как только слова».

Она дошла до того, что пригрозила папе настоящим церковным расколом, если тот не решится противодействовать императору.

У Алиеноры имелись некоторые причины выказывать резкость: другой ее сын, Иоанн, которого она так и не смогла удержать в Англии, опять вернулся в близкое окружение французского короля; ясно было, что кумовья на пару собираются воспользоваться отсутствием Ричарда и поделить его владения между собой. Иоанн Безземельный должен был объехать Нормандию и объявить, что Ричард не вернется и что отныне его наследие переходит к нему, Иоанну; что же до Филиппа Августа, то он, не тратя времени зря, появился перед крепостью Жизор. Ранее он уже пробовал домогаться ее, объявив Жизор приданым за своей сестрой, пресловутой Аделаидой, но встретил отпор. 12 апреля 1193 года, незадолго до Пасхи, он вновь предъявил требования на эту твердыню, и на этот раз Жильбер Васкюэй, сенешаль, на которого была возложена обязанность защищать крепость, беспрекословно сдал ее королю Франции. Тем самым Филипп получал выход к нормандскому Вексену, столь вожаделенному для него. И он тотчас провозгласил свою власть над всей провинцией до Дьеппа. Некоторые сеньоры Нормандии, в том числе Юг де Гурне, ему сдались. Сам Филипп попытался осадить Руан, но городскую крепость взялся защищать Роберт Лестерский, которому некогда королева Алиенора вернула земли, конфискованные ее супругом. Не могло быть и речи, чтобы этот сеньор изменил кому-то из Плантагенетов, и Филиппу пришлось убраться восвояси. Тогда он очень рассчитывал на помощь извне, из Дании, потому что как раз в то время решался вопрос о его бракосочетании с принцессой Ингеборг, которое состоялось 14 августа того же 1193 года. Но известно, что эта затея кончилась скверно, и очень скоро. Филиппа винят также в самой настоящей попытке подкупа: он якобы предлагал императору взятку, то ли равную сумме, назначенной за выкуп короля, то ли даже большую, лишь бы император оставил Ричарда в темнице. Быть может, добавляет хронист, сам император, не отличавшийся крепостью духа, и поддался бы искушению, но имперские князья из его окружения убоялись позора и воспротивились.

Иоанну Безземельному тем временем мало было того, что он сеял смуту в английских владениях. Многим из его сторонников приходилось быть начеку; тот самый Виндзорский замок, который он прибрал было к рукам, у него похитили. Ричард в это время покинул Трифельскую крепость. После собрания в Хагенау с ним уже обращались так, как подобало его сану, — не то что прежде, когда его содержали как заурядного злодея, закованного в цепи. Оставалось лишь собрать выкуп, каких-нибудь тридцать четыре тысячи килограммов серебра...

Во всей Англии шел оживленный сбор денег, что, впрочем, было обычной практикой в том случае, когда сеньор попадал в плен или заключение. За сбором бдительнейше надзирала сама королева-мать. Алиенора трудилась как помощница Губерта Готье, который 30 мая того же года был избран архиепископом Кентерберийским. На церковнослужителей и мирян, на людей благородного и подлого происхождения, на грады и веси повсеместно наложена была подать. Даже цистерцианцы, орден нищенствующий и, по определению, бедный, который обыкновенно пользовался привилегией и полностью освобождался от всякого королевского налогообложения, на этот раз должен был уплатить пошлину и пожертвовать на выкуп всю шерсть, которую удастся состричь ордену за целый год со своих стад. В итоге как раз цистерцианские монастыри вынуждены были возвести английское овцеводство до небывалых высот. Нынешней Англии остается только завидовать временам цистерцианского овцеводства, когда страна могла хвалиться высоким качеством своей шерсти и пряжи!

Между тем первоначальные усилия по налогообложению не смогли принести ту огромную сумму, которую затребовал император. Кожанные мешки скапливались в нишах собора Святого Павла в Лондоне. Сначала потребовалось выложить еще один ярус, затем оказалось, что не обойтись и без третьего. Для составления этого третьего яруса из всех церквей и соборов по всему Английскому королевству были изъяты все потиры и иные священные сосуды. Тут и там потиры выкупались тщанием того или иного лица: так поступила сама Алиенора в аббатстве Святого Эдмунда в Бери. Но в целом Англию все эти меры по-настоящему придавили, обескровили и опустошили. На тот случай, если всю сумму собрать все же не удастся, было предусмотрено отправление двухсот заложников, которым пришлось бы дожидаться в неволе до тех пор, пока вся сумма выкупа не будет вручена императору.

Тем временем Иоанн Безземельный, с одной стороны, и Филипп Французский — с другой, возобновили отчаянные хлопоты, направленные на то, чтобы Ричард подольше задержался в плену. Впервые о его освобождении речь зашла 17 января 1194 года. Сама королева-мать возглавила конвой — можно себе вообразить, как его охраняли! — доставивший выкуп в Германию. И еще раз немецким князьям и вельможам пришлось уговаривать императора и убеждать его, что нельзя нарушать слово, тем более данное законному монарху Англии. Не обошлось и без попыток Филиппа с Иоанном опять захватить Нормандию и взять город Эврё. К Иоанну тем временем в

самой Англии прислушивались все меньше и меньше: и деятельность Алиеноры, и верность сеньоров плененному королю преследовали и укрощали его затеи.

Алиенора, во главе флотилии, хорошо оснащенной в гаванях Ипсвича и Данвича и ведомой верным лоцманом Аленом Транчемером (который уже водил королевские корабли года четыре тому назад в Святую землю), беспрепятственно, несмотря на то что время надежного и безопасного мореплавания уже миновало, достигла берегов Германии. В Кёльне, где ее принял архиепископ Адольф Альтенский, она отпраздновала Богоявление 1194 года. Но вопреки ее расчетам весь январь пришлось провести в ожидании. Можно только догадываться, чего стоило семидесятидвухлетней женщине, которой пришлось перебраться через море, столь изобилующее опасностями, кишашее пиратами, не говоря уже о том, что шторм мог бы проглотить все те огромные богатства, которые она собрала и которые теперь перевозила ради освобождения своего сына...

* * *

Освобождение пришло к Ричарду лишь 2 февраля, на Сретение. В этот день церквям положено освещаться светом множества зажженных свечей — они и сегодня зажигаются в воспоминание о Христе, Свете и человечности. В этот день в Майнце было созвано еще одно многочисленное собрание, на котором Ричард, наконец, по выражению хрониста Гервасия Кентерберийского, был «возвращен своей матери и своей свободе». На заседании председательствовал Генрих VI, подле которого сидел герцог Леопольд Австрийский. Королю Англии пришлось принести императору феодальную присягу — оммаж. Ричард присягнул с неохотой, это многого ему стоило, и, вероятно, он вряд ли пошел бы на этот шаг, если бы не настоятельный совет матери, которая куда спокойнее судила о том, какова на самом деле цена непомерному честолюбию и размахистым притязаниям человека, позволяющего себе роскошь тешиться пустыми мечтаниями. Пусть Генрих VI воображает свою монархию вселенской, но это не причина, чтобы тот, кто вынужден с ним разговаривать, терял разум. Главное, чтобы Ричард получил свободу. Потому он произнес присягу, вложив скуфью свою меж ладоней императора, который вернул ее и принял оммаж за обещание ежегодной выплаты подати в пять тысяч фунтов стерлингов. Ричард, в свою очередь, сумел помирить с императором и своего деверя Генриха Льва, герцога Саксонского, договорившись о буду-

шем бракосочетании, которое соединит одного из сыновей герцога с одной из дочерей из имперской семьи. Наконец, 4 февраля 1194 года король Англии покинул Майнц вместе с Алиенорой, успев завоевать немалую популярность среди немецких князей. Алиенору с Ричардом приняли в Кёльне, где на благодарственной мессе в память святого Петра в узах и его вериг пели: «Мне ведомо ныне, что Господь прислал мне ангела Своего и избавил меня из рук Иродовых...», а затем в Антверпене, где герцог Лувенский уготовил им величественный прием.

Хронист Вильгельм из Нойбурга рассказывает в этой связи странную историю: после того как король уехал, император пожалел, что отпустил его и, «как во время оно фараон с египтянами», стал сетовать в кругу льстивых врагов короля, которыми был окружен, и искренне сокрушаться, что таким образом освободил «тирана сильного, воистину угрожающего всему миру и жестокости неслыханной». Но Ричард чудесным образом избежал этого нового приступа имперской злокозненности и поспешил уехать, предпочитая подвергаться необузданности стихий природных, нежели злобе человеческой. «Предосторожность столь же молниеносная, сколь мудрая», — говорит летописец. Люди, отправленные в погоню, должны были отказаться от нее, достигнув моря, и вернуться посрамленными к императору. Тот же, в отместку за свою неудачу, ужесточил условия содержания в узах тех заложников, которые еще оставались в его власти.

* * *

Было 13 марта, воскресенье после Дня святого Григория, когда Ричард наконец ступил на английскую землю, в Сандвиче, «с радостью великою», как говорит Рауль Коггесхолл. При этом он добавляет:

«В час, когда король сошел на берег вместе со своими, то есть во втором часу дня, солнце ярко засверкало и явилось необычайное сияние, исполненное величия, которое на некотором, примерно в величину и длину тела человеческого, удалении от солнца, виделось красно-белым бриллиантом наподобие ириса. Многие из тех, кто узрел подобное сияние, почувствовали, что король, должно быть, высадился в Англии».

Ричард прежде всего направился в Кентерберии и поклонился усыпальнице святого Томаса Бекета. Затем он прибыл в Лондон, где его приняли с безудержной радостью. «Весь город принарядился к встрече короля, облачившись во множество

различных богатств всех родов и украсившись с чрезвычайным разнообразием». Все, люди благородные и простонародье, радостно выбегали ему навстречу, все хотели видеть его возвратившимся из плена — ведь «они слишком долго боялись, что он уже не вернется».

Рассказывают, что нескольких германских князей, прибывших вместе с королем и надеявшихся увидеть Англию обескровленной и опустошенной, ошеломило величественное зрелище встречи, устроенной королем. Богатство Лондона повергло их в изумление. «Мы восхищены, о король, — говорили они, — осмотрительностью твоего рода, который ясно показал свое богатство, сохраненное до твоего возвращения, для тебя, совсем недавно оплакивавшего бедность свою, когда наш император держал тебя в заточении!»

Король оставался в Вестминстере всего день. Затем он посетил усыпальницу святого Эдмунда, после чего поспешил вернуться в Ноттингем. Его бароны как раз осаждали Марльборо. Сам он взял на себя Ноттингем и Тикхилл, которые успел захватить его брат Иоанн Безземельный. Обе крепости, особенно первая, были оснащены съестными припасами и оружием; в каждой находился гарнизон, способный при случае выдержать многолетнюю осаду. Но 25 марта король появился столь неожиданно, что защитники потеряли отвагу, «яко тает воск от лица огня»¹, как заявляли очевидцы. Ибо те, кому была поручена защита крепости, не ожидали ни столь внезапного нападения, ни того, что король в самом деле вернется. Они предпочли предаться милосердию короля, в сущности и не попытавшись обороняться. Капитуляция произошла 28 марта. Некоторых король заключил в узилище, других освободил за немалый выкуп: Ричард очень нуждался в деньгах. В самом деле, паломничество в Святую землю истощило его запасы, а после внесения выкупа за его освобождение казна полностью опустела. Ибо король спешил отныне покончить с двумя неотложными делами: первая забота — освобождение заложников, которых пришлось оставить в заточении у императора, а вторая — создание мощного войска против короля Франции, оставившего во владениях Ричарда разрушения и опустошения.

Воистину Ричард представлял одновременно в мученическом венце и в сиянии славы торжествующего победителя. Брат же его, который в его отсутствие позволял себе крайне дерзкое и высокомерное поведение, выглядел в глазах всего

¹ Ср.: Пс. 67(68): 3. (Прим. пер.)

народа не более чем возмутителем спокойствия, виновным в неблагодарности и злонамеренности. 10 апреля, поближе к Пасхе, Ричард созвал торжественную ассамблею в Нортхемптоне. Сам он предстал перед этим высоким собранием, по выражению летописца, «как некий новый король», и, в самом деле, эта Пасхальная ассамблея увенчалась 17 апреля второй коронацией, состоявшейся со всей царственной пышностью в Винчестере — выбор именно этого города, наверное, порадовал Ришара де Девиза! Алиенора торжествовала не меньше самого короля. Именно в ее руках сходились все нити второго венчания ее сына на царство, ибо королева-супруга, Беренжера, задержалась в Италии, у своей золовки Иоанны. Несмотря на свои годы, Алиенора сумела позаботиться обо всем и вернуть своему сыну то королевство, которое так берегла для него. В окружении главных архиереев своего королевства — Иоанна, епископа Дублинского, Ричарда, епископа Лондонского и Гилберта, епископа Рочестерского, не говоря уже об Уильяме Лонгчампе, который снова стал епископом Илийским, Ричард вновь принял корону из рук Губерта Готье, отныне архиепископа Кентерберийского.

Прав был хронист: в самом деле началось второе царствование Ричарда. Предшествующее коронации собрание утвердило подчинение ему всех кастелянов, всех сеньоров, которые в его отсутствие исполнились надеждой на то, что он не вернется. Рассказывали, что правитель удела святого Михаила Корнуэльльского, что в Пензансе, Юг де Ля Поммере, умер от удара, узнав о возвращении короля. Ричард вернулся господином своего королевства.

И еще рассказывали, что Филипп Август обратился к Иоанну с тревожным посланием: «Берегись, диавол лстив». Иоанн Безземельный не находил себе места. Король же Франции до такой степени боялся отравления, что если и ел что-нибудь, то лишь после того, как пищу пробовали собаки.

* * *

Но образ царственного узника останется неполным, если не вспомнить об одной очень красивой поэме.

Вновь воскрешается в ней та поэтическая атмосфера, которой дышал Ричард в дни своего отрочества и юности. Поэма написана в очень трогательном жанре, который назывался тогда «ротрюнга» — что-то наподобие хоровода. Совсем не случайно, что посвящена она «графине-сестре» Марии

Шампанской, блистательным присутствием своим некогда украшавшей и оживлявшей двор в Пуатье. При этом подтверждается, — если, конечно, нужны тому какие-то доказательства, — сила подобной утонченной поэзии, способность куртуазной лирики проникать в душу и, так сказать, пропитывать ее: Ричард, попав в заточение и оказавшись в одиночестве, да еще после стольких испытаний, открывает в себе дар поэта и выражает скорбную горечь, обращаясь к той или тем, которые не забыты, которые возвращаются в воспоминаниях о дружбе («мои товарищи, кем я любим и которых я люблю»). Куртуазные чувствования, в которые он облекает свои переживания — а он ощущает себя «государевой добычей» или «пленным государем», — как бы отвечивают светом его юности.

За что — Бог весть — свободы я лишен?
Уже удача, коль не слышен стон,
Перелагаю в песнь кандалный звон
Для утешенья, ибо огорчен:
Друзей как будто чуть ли не миллион,
Но две зимы я в узах!

Хоть всякий мой барон осведомлен —
Анжуец, англ или нормандец он, —
О том, что я в темницу заключен,
Как государева добыча, обречен
На пребыванье в узах!

Я вижу, что вассалам и родне
Жаль серебра и золота, коль мне
Свободу не хотят купить. Вполне
Оправданно их упрекнет в вине
С востока воинство Христово, если не
Выживу я в узах!

Не диво, что в темнице ночь черней,
Но тяжесть на душе еще скверней,
Коль скверное творят с землей моей
Друзья бывшие. Будь у них сильней
Пусть не любовь, но память, я бы не
Оставался в узах!

Еще о дружестве я так скажу:
Коли в Гаскони иль Турени иль Анжу
Сочувствует кто мне, я даже не прошу
Расщедриться, но храбрым предложу
Во всеоружии явиться на межу
Того удела, где я в узах!

Тем, кем я любим, кого люблю,
Товарищам по Поршерену и Кайю,

Я посвящаю эту песнь свою:
Она — оружие мое, мой меч в бою —
И я сражаюсь. Не скорблю. Пою,
Хоть, как злодей какой, я в узах!

Сестра-графиня, Вам из плена шлю
Напоминая, что я — вечный пленник Ваш. Молю,
Простить, что я — увы! — пока не в Ваших узах.
Но ревновать к сестре — той из Шартрена¹ — не велю,
Она печется об иных союзах.

¹ Речь идет об Аликс — другой «графине-сестре», которая, со всей очевидностью, никак не могла претендовать на видное место в чувствах Ричарда: она, как и Мария, тоже была дочерью Людовика VII и Алиеноры и стала супругой Тибо де Блуа-Шартр. Пожалуй, стоит напомнить, что слова «награда», «ценность», «приз», «добыча» не имели в то время того торгашеского оттенка, который они приобрели в буржуазном обществе XIX столетия...

Глава восьмая
ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Казалось бы, после столь триумфального приема король Ричард продлит свое пребывание на острове. Однако не прошло и двух месяцев после его нового помазания на царство, как король отплывает в Нормандию. Произошло это 12 мая 1194 года, после того как для похода его войска был устроен заем под шерсть, которую цистерцианские монастыри собирались продать по обыкновению купцам из Фландрии. Свое королевство Ричард оставил на попечение архиепископа Губерта Готье.

Ричард отплывал из Портсмута. Скорее всего, в то же время во Францию отправилась и Алиенора. Во всяком случае, именно ей приписывают заслугу быстрого примирения короля с его братом Иоанном. Но, быть может, это произошло и благодаря хорошему настроению, в котором пребывал Ричард, довольный тем, как его приняли в Нормандии. Высадившись в Барфлёре, он быстро осмотрел город вместе с Алиenorой и верным Гийомом Марешалем, биограф которого рассказывает о восторге, с которым было встречено прибытие гостей из Англии: «Яблоку негде было упасть, так плотно стояли ряды встречавших, когда было объявлено об их прибытии!» Звонили все церковные колокола, а на каждом углу молодые и старые, девушки и юноши, девочки и мальчики устраивали танцы для лучшего из лучших, стараясь изо всех сил переплясать друг друга.

Се, Бог в Силе Своей является:
Королю Франции¹ время покаяться.

Как раз в самом разгаре этого веселья Ричард направился в Лизьё, где его принял архидиакон Иоанн д'Алансон, один из вернейших его приверженцев. В то время как Ричард уже расположился на отдых, Иоанн д'Алансон вышел и возвратился

¹ Речь идет о Филиппе Августе, которого в Нормандии не любили.

лишь немалое время спустя. Вид у него был унылый. Ричард, от которого мало что могло укрыться, полюбопытствовал, в чем дело. Архидиакон попытался было увильнуть от ответа. «Не крути, — оборвал его король, — я знаю, что он тут: ты виделся с моим братом. Он виноват и потому боится: пусть забудет свои страхи. Он мне брат. Пусть он и в самом деле вел себя глупо, я укорять его не стану. Что же до тех, кто его подучивал, то они уже свое получили или вскоре получат».

Тогда дверь отворилась, и ввели Иоанна; понутив голову, он бросился к ногам Ричарда, но тот его милостиво поднял: «Не бойтесь, Иоанн, вы еще дитя. Вас скверно охраняли. Те, кому вы доверились, за это заплатят. Вставайте, пойдемте ужинать». И словно бы подгадав к этому приглашению, в ту же минуту появились горожане, которые преподнесли в дар великолепного лосося. Ричард, тотчас снова повеселевший, велел приготовить рыбу для своего брата.

А что же Алиенора? Неужели ее не было на празднике? Никто об этом ничего не говорит, но Роджер из Ховдена ясно дает понять, что столь милостивая снисходительность короля, которой никто от него не ожидал, не могла возникнуть без влияния со стороны его матери...

Но вот Филиппу Августу никак не приходилось рассчитывать на подобную снисходительность. Как только Ричард оказался на свободе, его главной заботой стала подготовка войск к грядущей и неминуемой войне. Предпринятые им действия вошли в историю как «оценка сержантов» — был составлен список владеющих оружием мужчин, которых должны были выделить королю коммуны, суды, монастыри в порядке «повинности войском», исполнения каковой король мог у них требовать. Документ перечислял около двух тысяч человек; этого числа королю должно было хватить для укомплектования армии, тем более что он мог рассчитывать еще и на своих вассалов, обязанных в соответствии с феодальным правом ему помогать. На такую же феодальную поддержку мог рассчитывать и Филипп Август, который, конечно, учитывал и те невзгоды, что перенес Ричард в своем долгом заточении, да к тому же и хлопоты с непомерным выкупом. Так что король Франции, наверное, полагал, что не только выдержит неприятельский напор, но и сам сможет перейти в наступление. Ведь у него в Нормандии появился великолепный плацдарм — крепость Жизор, которую он по-хозяйски прибрал к рукам еще в предыдущем 1193 году. Известно, что он с детства мечтал о владении этим замком; по осмотре крепостных валов Жизора юный принц писал: «Мне хотелось бы, чтобы эти стены были золотом, серебром, драгоценными

камнями». И, предвидя удивление адресата, добавил, что только тогда «он был бы более счастлив поскорее захватить замок».

Поначалу Филипп Август двинул свои войска на Верн  й, но внезапное появление Ричарда заставило его снять осаду к 28 мая. Король Англии, пожелав объединить своих вассалов из Турени и Анжу, созвал феодальное войско в Монмирай. 13 июня он буквально обрушился на замок Лош, прогнав от-туда гарнизон, оставленный Филиппом Августом, и за три часа овладел им. Король Франции тем временем направился в   вр  , город, который ему бесстыдно уступил Иоанн Безземельный. Вильгельм из Нойбурга винит его в том, что там он предался ужасным грабёжам и не уберег прославленную церковь Святого епископа Таврина, в честь которого позднее был создан великолепный реликварий, сохранившийся до наших дней.

Узнав о событиях в Турени, Филипп повернул на юг; Ричард со своим войском расположился в Вандоме. Король Франции стал лагерем неподалеку от города, в нескольких лье от долины Луары, где и произошел обмен вызовами. Предполагалось, что король Франции, укрепившись в направлении Фретевале, нанесет удар на следующий день, 4 июля. Но Ричард в тот день с утра не захотел дать врагу развернуться и решил двинуться вслед неприятелю. В итоге армия Филиппа отступила. Оставив мощный арьергард под командованием Гийома Марешаля в резерве, Ричард бросился в погоню за французами. Для них это обернулось сущим бедствием. Сам Филипп не угодил в плен только потому, что укрылся в одной из церквей, тогда как Ричард захватил все его обозы, в том числе повозки и фургоны с сокровищами и архивами. Тяжкий день этот принес некоторые неудобства для французских историков, ибо и по сей день многие из документов, при другом обороте дела нашедших бы для себя место в Сокровищнице Грамот в Национальном архиве Франции, пребывают в английских архивах...

Вернувшись в Вандом, Ричард нашел на месте свой арьергард во главе с Гийомом Марешалем и похвалил присутствие духа и преданность командира, не поддавшегося искушению ввязаться в бой, разворачивавшийся без участия арьергарда: «Ле Марешаль вел себя лучше, чем многие из нас. Ведь именно ему в случае необходимости надлежало прийти к нам на помощь. Я хвалю его, ибо он вел себя как должно, а если в запасе есть доброе войско, никакой неприятель не страшен».

За памятным днем битвы при Фретевале (5 июля 1194 года) последовало перемирие. Если верить хронистам, заключению предшествовали военные действия в том же июле против Жоффруа де Ранкона и графа Ангулемского — стало быть, в

Аквитании — и именно по ходу этих боевых операций Ричард получил помощь от Санчо Наваррского, брата королевы Беренгеры. Перемирие вступало в силу с 1 августа, к удовлетворению духовенства. Папа очень надеялся на возобновление походов в Святую землю, тогда как епископы и монастыри сетовали на подати, которые нужно было платить как во Франции, так и в Англии. Филипп Август, как и Ричард, не стеснялся облагать церкви налогами ради своих военных нужд. Рассказывают, что епископ Иоанн Прекраснорукий во время посещения Кентербери (он стал архиепископом Лионским после того, как побывал епископом Пуатье) в ответ на жалобы своих английских собратьев сказал: «Что вы мне рассказываете: уверяю вас, на самом деле ваш король по сравнению с королем Франции — сущий отшельник!» И действительно, именно за счет духовенства Филипп Август покрывал издержки на войну, которую он вел против Ричарда. А тот, еще более стесненный в деньгах, пополнял казну за счет возобновления в Англии обычая рыцарских турниров, которые были в свое время запрещены его отцом. Теперь с тех, кто в них участвовал, брали пошлину: по 20 марок — с графа, по 10 — с барона, по 4 — с рыцаря и по 2 — со странствующего рыцаря.

Не теряя времени, Ричард велел возвести над Англи крепость, которой суждено было прославиться под именем Шато-Гайяр. Ее выстроили поразительно быстро. Этот замок являл для своего времени совершеннейший образец оборонительного сооружения, в каковых более всего и выражает себя военное искусство. В то время Филипп Август опять занялся упрочением крепостных стен и иных укреплений Жизора. Шато-Гайяр явился ответом Ричарда на это, как бы символизировав безжалостность борьбы, которую вели друг против друга два государственных мужа.

Гайярский замок господствовал над устьем Сены. Он был возведен на правом берегу, в месте, которое называется Пти-Англи, на крутом склоне горы, что придавало крепости весьма впечатляющий вид. Замок защищало двойное ограждение, внутреннее кольцо которого состояло из ряда фестонов — слегка выступающих башен, которые едва не соприкасались друг с другом, создавая мертвые зоны, недостижимые для неприятельских стрел, и удобные позиции для лучников и арбалетчиков крепости. Донжон, возвышавшийся над этим внутренним кольцом, имел вид круглой трехэтажной башни на мощном основании толщиной в четыре с половиной метра. Снаружи донжон окружали большие арки, которые служили заодно контрфорсами, образующими в совокупности галерею с навесными бойницами, позволяющими поражать осаждаю-

щих. Практически донжон был неприступен. С той стороны, где склон скалы был не столь крут, высился контрфорс со стенами, которые были снабжены круглыми башнями. Наконец, между двумя ограждающими кольцами основного строения высеченная в скале лестница вела в помещения стражи и кладовые, своды которых опирались на дюжину громоздких четырехугольных столбов. До сих пор то, что сохранилось от этого исполинского строения, весьма впечатляет. И совсем уж поражает скорость, с которой возводилось это сооружение: строить замок начали в 1196 году, а в следующем году строительство удалось завершить. Осмотрев крепость, Ричард восторженно воскликнул: «Какая же она красота, моя годовалая девочка!» Замок Шато-Гайяр защищал участок между Эптой и Сеной, создавая надежный рубеж, с английским замком с одной стороны и прочими замками, выстроенными или укрепленными Филиппом Августом до самого Жизора. Долина реки Сены и сам город Руан отныне были хорошо подготовлены к войне.

Тем временем, в самый разгар работ по возведению крепости, Ричард получил известие, которое должно было его как будто утешить: его недруг Леопольд Австрийский погиб, став жертвой пустячного происшествия. Он принял участие в игре, затеянной пажами его двора, которые построили снежный замок и стали осаждать его; герцог упал с лошади и сломал ногу. Из-за неправильного ухода и небрежного лечения перелом обернулся гангреной. Потребовалась ампутация, но герцог скончался еще до операции, так и не дождавшись отмены экзкоммуникации, которой он был наказан за нападение на короля-крестоносца. Для Ричарда подобное происшествие должно было выглядеть знаменательным: виновник его заточения был теперь лишен, по причине отлучения от Церкви, достойного погребения с соблюдением подобающих обрядов. Его сыну, чтобы не рисковать навлечением на себя дальнейших церковных наказаний, пришлось отпустить английских заложников, удерживавшихся до полной выплаты королевского выкупа. В итоге смерть герцога обернулась двойным освобождением: для самих заложников и для Ричарда, который мог отныне тратить все свои ресурсы на войну против Филиппа Августа. Его «сирвента», то есть воинственная песнь, еще одно поэтическое произведение, дошедшее до нас, достаточно прозрачно намекает на озабоченность короля пополнением казны, поскольку в закромах сокровищницы в Шиноне, по его словам, не было «денег ни денье». Отныне сам Ричард, как и король Франции, станет тратить все свои богатства на привлечение наемников, банд ландскнехтов, а расплата с этими войсками стремительно опустошала любой бюджет. Впрочем, один

из вождей такой банды ландскнехтов, некий Меркадье, сни-скал некоторую респектабельность и окончил свои дни сеньо-ром Перигора; можно вспомнить еще и пресловутого Кадока, еще одного предводителя шайки наемников, служившего у Филиппа Августа и ставшего впоследствии, когда ему был по-ручен надзор над крепостью Шато-Гайяр, сеньором Гайона.

1195 год был отмечен еще и голодом, вызванным плохим урожаем. Пострадали и нивы Нормандии: Ричарду пришлось вновь обращаться к Англии, которая должна была делиться пропитанием с бедствующим населением материковых владений своего монарха. Очередная встреча Ричарда с Филиппом Августом состоялась в Вернёй 8 ноября. Она закончилась ничем. Тем не менее перемирие было продлено до 13 января следующего года. Договор об этом заключили в Иссудуне, где в июле 1195 года происходили многочисленные стычки. Меркадье, разрушив пригороды, захватил город и стал укрепляться, в расчете на приход Ричарда. Как раз в это время, как было установлено недавно¹, город украсила знаменитая Белая башня. Ричарду самому пришлось отбивать атаки Филиппа на укрепление, которое называлось Шато, вплоть до начала переговоров в ноябре. В ходе этих переговоров было решено, что Иссудун — как и беррийская местность Грасэ — станет приданым принцессы, которая выйдет замуж за наследника французского престола, юного Людовика. Но ни тот, ни другой из враждовавших монархов всерьез не надеялся на мир, даже после того, как удалось более или менее договориться на этот счет в январе 1196 года в Лувье.

Вражда не замедлила возобновиться, и некоторое время спустя Филипп Август захватил Омаль и Нонанкур. Да и прокатившиеся тогда же по Бретани волнения явно были подготовлены французским королем. Бретонцы хотели восстановить свою независимость, и юный Артур, сын Джеффри Плантагенета, родившийся уже после смерти отца, высказался за короля Франции. Его мать Констанция не любила Плантагенетов, и Артур, еще не достигший совершеннолетия, рос и воспитывался отчасти при дворе Филиппа Августа. Последовала серия карательных экспедиций в Бретань. Война становилась все более ожесточенной, особенно из-за участия в ней ландскнехтов.

В ответ Ричард, во время одного из своих походов в Аквитанию, постарался примириться с Тулузским домом, с которым он часто бывал во вражде. Он унаследовал от своей матери

¹ См. доклад Алена Эрланд-Бранденбурга на Археологическом конгрессе Франции 1984 г., с. 129—138.

Алиеноры, пребывавшей в то время на покое в аббатстве Фонтевро, некоторые планы в отношении правящего в Тулузе рода. Сестра Ричарда, та самая Иоанна Сицилийская, которую он несколько лет назад хотел выдать замуж за брата султана Саладина, приехала в 1193 году в Пуатье в обществе королевы Беренжеры, вместе с которой она оставила Рим и проследовала через Геную, Марсель и Сен-Жиль до границ Пуату. И вот теперь Иоанна вновь оказывается залогом в игре на договор, заключаемый с Раймоном VI Тулузским: она становится женой — пятой! — этого самого Раймона, фигуры, быть может, несколько одиозной, но теперь необходимой Ричарду для союза против Французского дома. Свадьбу сыграли в Руане в октябре 1196 года, а на следующий год, в июле 1197 года, в городе Бокере, Иоанна произвела на свет будущего Раймона VII Тулузского.

В это время к королю Англии обратились с неожиданным предложением. В сентябре 1197 года в Мессине умер император Генрих VI. Его брат Филипп Швабский поспешил заявить свои права на престол, но германские князья, наверное, уже устали от семейства Гогенштауфенов с их вечными притязаниями на Сицилию. Правда, Генрих VI оставил сына, будущего Фридриха II, но тот пока был ребенком. Надо думать, что сеньоры за Рейном сохранили яркие воспоминания о царственном узнике, который за три года до этого так великолепно отстаивал свою правоту перед имперским судом. Посему к Ричарду была направлена депутация с предложением короны Священной Римской империи.

Можно себе представить, как обрадовался бы подобному предложению его отец, никогда не скрывавший грез об имперской короне. Но Ричард не вынес из своего пребывания в Германии почти ничего, кроме воспоминаний об отличиях одной тюрьмы от другой, так что впечатления об этой стране у него, пожалуй, несколько смазались... И к тому же Аквитания и Пуату значили для него много больше, чем Империя, и не могло быть и речи, чтобы он бросил эти края на недобрую волю так откровенно зарившегося на них и столько раз враждовавшего с ним короля Франции. Итак, предложение Ричард не принял, но зато выдвинул другого кандидата. Он сообщил депутации имя своего племянника, Оттона Брауншвейгского, сына его родной сестры Матильды и герцога Саксонского Генриха Льва, умершего двумя годами раньше. Оттон отчасти воспитывался и при Аквитанском дворе, и Ричард видел в нем своего возможного наследника: разве не был он возведен в достоинство графа Пуатуанского и герцога Аквитанского? Юноша оказался сговорчивым. Сложив с себя оба титула, он

на следующий год, 10 июля 1198 года, появился в Ахене. Радужно принятый баронами Империи, он женился на Марии, дочери графа Лотарингского, и спустя два дня был увенчан имперской короной. Для Филиппа Августа произошедшее за Рейном явилось тяжелым ударом. Теперь уже не только с запада, но и с востока Плантагенеты теснили Французское королевство. С этим долго не удавалось ничего поделать, и лишь шестнадцатью годами позже, на поле сражения при Бувине, произошла своего рода развязка.

Ричард тем временем продолжал свои подвиги. Ему не раз приходилось встречаться с заклятым врагом. Одна встреча, кстати, состоялась у подножия крепости Водрёй, которую Филипп Август, прежде чем оставить, велел разрушить. Однако Ричард был предусмотрительнее и, навязав бой, заставил соперника отойти. Английский хронист, подводя итоги кампании, писал: «Французский король за всю эту войну не сделал ничего памятного». Последовавший мир казался какой-то насмешкой, поскольку оба короля стремились как можно раньше возобновить вражду. Ричарда не могло отвлечь даже известие о волнениях в Лондоне, к которым подстрекал Уильям Фиц-Озберт, прозванный Длинная Борода. Этот смутьян какое-то время возбуждал своими разглагольствованиями народ, но затем был схвачен и казнен по приказу Губерта Готье.

Вражда, возобновившаяся в 1197 году, несмотря на голод, вот уже седьмой год жестоко терзавший население, доказала как никогда прежде неоспоримое превосходство короля Англии на поле боя. Его войска выступили из захваченного им 15 апреля в Нормандии Сен-Валери. Вскоре был пленен родственник Филиппа Августа, Филипп де Дрё, епископ Бовейский. Его захватили во время наступления на замок Милли 19 мая и, несмотря на протесты, доставили в Руан и подвергли заточению. Похоже, что за епископа хлопотала сама Алиенора. Филиппа взяли, можно сказать, с поличным, то есть с оружием в руках, и всякие негодующие ссылки на духовный сан не могли приниматься во внимание. Пока его доставляли в Руан, он умудрился вбежать во ворота одной церкви, что давало ему будто бы законное право убежища. Но Ричард не захотел считаться с этим. Вот как отозвался он о почтенном прелате, когда духовные лица и близкие епископа стали ходатайствовать о его освобождении:

«Будьте судьями между мною и вашим владыкой. Я бы забыл все, что он мог сделать или задумать против меня дурного, кроме одного: когда я возвращался с Востока и был задержан императором Священной империи, со мною обращались с определенным уважением и оказывали подобающие

почести, пока как-то вечером не появился этот человек; а с какой целью он явился и что замыслил той ночью у императора, я почувствовал на себе уже на следующее утро. В самом деле, рука императора тогда тяжело легла на меня, и я вскоре оказался отягощенным цепями как выючная лошадь или осел под поклажей. Судите посему, на какого рода заточение у меня может надеяться ваш господин, сыгравший такую роль подле того, кто меня задержал».

Епископ Бове обратился к папе, но понтифик должен был принять во внимание, что король Англии пленил епископа «не на проповеди, но в бою». Как писал Вильгельм Нойбургский, он «сменил пастырский посох на копье и митру на шлем, стихарь на кольчугу, епитрахиль на щит, меч духовный на меч из железа». И в самом деле, Филипп де Дрё так и не вышел на свободу при жизни Ричарда.

В том же 1197 году король Англии блеснул дипломатическим искусством, заключив выгодный союз с графом Фландрским. В депутацию был включен Гийом ле Марешаль, который, среди прочего, отличился по ходу осады замка Милли, где он, спеша на выручку боевому товарищу, взбежал по приставной лестнице на стену крепости. «Сир Марешаль, — напустился на него король, — не подобает мужу вашего сана и с вашей славой рисковать, совершая подобные подвиги! Предоставьте это юным рыцарям, которым необходимо еще обрести достойное имя!» В самом деле, в свои пятьдесят три года Марешалю приличнее было трудиться на дипломатическом поприще, и как раз дипломатическое задание доверил ему теперь король, отправив к графу Бодуэну вместе с иными рыцарями, в число которых входили Пьер де Прео, Ален Басе и родной племянник Гийома, Жан ле Марешаль. То ли недовольный отношением к себе Филиппа Августа, то ли почуявший перемену ветра, граф Бодуэн решился выйти из вассальной зависимости от короля Франции и принести оммаж королю Англии.

Гийому Марешалю и на следующий год пришлось исполнить подобную же роль посла. На этот раз ему довелось вести переговоры с лицом весьма почтенным: Гуго д'Авалон, епископ Линкольнский, еще при жизни прослыл великим святым, а по кончине был погребен в алтаре. Гуго отказывался перечислять подать в размере трети доходов своего архиепископства на счет короля Англии. Он доказывал, что Линкольнская кафедра не обязана оказывать феодальную помощь, кроме тех случаев, когда война происходит в самой Англии. Направившись в Нормандию ради переговоров с королем, Гуго Линкольнский принял в Руане Гийома Марешаля и Бодуэна Бетюнского (сестра которого вышла замуж за Бодуэна Фландрского). Прибывшие

настоятельно просили его не встречаться ни с королем, ни с королевским двором прежде, чем королю не будет направлено некое примирительное послание. Лучше святого епископа они представляли себе, что может стрястись из-за вспыльчивости Ричарда, и понимали, что разрыв между королем и прелатом обернулся бы ужасным бедствием. Послы преуспели в этом и вернулись к королю с обетом епископа и его заверением о желании кончить спор миром.

Королю Франции любые новые осложнения не сулили ничего доброго. У него и без того хватало неприятностей из-за супруги, Исамбур Датской, которая не соглашалась на развод, навязываемый ей супругом. Новый, только недавно избранный папа Иннокентий III взял это дело в свои руки, несмотря на то, что больше всего ему хотелось заставить обоих государей забыть о своих ссорах и вспомнить дорогу в Святую землю. Папа направил во Францию легата Петра Капуанского с поручением предложить перемирие и таким образом разрешить создавшееся положение. Легат оказался то ли не столь осторожным, то ли менее искушенным, чем святой епископ Линкольнский, и вздумал начать беседу с королем Англии с упоминания о Филиппе де Дрё. Это он сделал, конечно, зря. Король как будто того и ждал: «Подите вон, наставник лстывый, предатель, обманщик и хриstopродавец! И не вздумайте мне впредь переходить дорогу!»

Вне себя от гнева король заперся в своих покоях, и вновь именно Гийому Марешалю удалось умерить его ярость. Да и кто еще был способен на это? Войдя в те самые покои, которые всякий почитал за благо обходить стороной в подобные моменты, он стал увещевать короля:

«Вам не стоило бы позволять себе так распалаться из-за подобных пустяков. Лучше уж посмеяться, подумав о том, чего вы добились. Вы же видите, что король Франции на грани истощения. Значит, он пойдет на мир или, по крайней мере, на перемирие. Вы берете себе ваши земли, оставляете ему его замки, но будьте уверены: он ничего не сумеет вытребовать из окрестных земель, в которых разместил свои гарнизоны. Ему придется содержать их на собственные средства, неся все издержки, — и это ему обойдется не дешевле, чем настоящая война!»

Разговор этот состоялся в январе 1199 года на границе Нормандии, близ Вернона. Но ему предшествовала целая череда ожесточенных столкновений, продолжавшихся на протяжении двух лет. Во Фландрии граф Бодуэн осадил город Дуэ и взял его. Воодушевленный таким успехом, он решил осадить Аррас. Можно не сомневаться, что Ричард снабжал его деньгами, без

которых нельзя было бы ни затевать подобные операции, ни доводить их до счастливого конца. Сам же граф Фландрский, у которого Филипп Август, когда решался вопрос о наследстве Филиппа Фландрского, выманил Артуа, очень сожалел об утрате такого прекрасного и богатого фьефа — он, похоже, так и не смирился с этой потерей, потому что пытался вернуть ее и много позже, участвуя в битве при Бувине.

В это же время Ричард воевал в Берри, где Филипп смог овладеть некоторыми менее значительными населенными пунктами. Решающее сражение произошло у Жизора, где войско французских рыцарей еще раз потерпело поражение близ местности Курсель и беспорядочно бежало. Филипп Август, отступая, поскакал к Жизору, и за ним гнались до самого замка. Здесь с ним случилось происшествие, которое для множества иных рыцарей кончилось бы гибелью, но король каким-то чудом уцелел: мостик под копытами его коня проломился, и всадник с лошадей полетели в воду. Удар отчасти погасила вода, и король остался жив, но должен был отныне понимать, что с ним произошло чудо. И по сию пору показывают место, где он мог бы погибнуть, упав в Труэну. Он даже не осмелился укрыться в замке Жизор, опасаясь, что окажется там взаперти. Все это произошло 28 сентября 1198 года. После еще одного поражения, на этот раз под Верноном, Филипп понял неизбежность мира и принял посредничество Петра Капуанского.

Два короля встретились между Верноном и Гуле, на Сене. Филипп был верхом на коне, на берегу; Ричард в барке, на заметном удалении от берега. Барку с трудом удерживали на месте, потому что течение норовило утащить ее с собой. Договор о перемирии на пять лет был заключен в День святого Илария, 13 января 1199 года. Предполагалось, как обычно, что пять лет мира будут скреплены бракосочетанием одного из сыновей Филиппа с одной из племянниц Ричарда, кто и на ком будет жениться, не уточнялось. С другой стороны, Отгон Брауншвейгский оставался правителем Священной империи и опирался на поддержку своего дяди, то есть короля Англии. Для Филиппа Августа это стало еще одним поражением, но для населения окрестных земель, жестоко страдавшего от войны, которая становилась все безжалостнее (Ричард, например, начал ослеплять попавших к нему в плен, и Филипп стал делать то же), перемирие означало по крайней мере передышку.

Как это бывало в прошлом, король Ричард поспешил созвать торжественную ассамблею на Рождество. На этот раз она состоялась в Донфроне в Нормандии, отныне умиротворенной.

Затем он направился на юг, в дорогую ему Аквитанию. В первую неделю марта он пребывал в долине реки Луары в обществе нескольких самых верных ему людей, а также некоторых близких, включая брата Иоанна и Гийома ле Марешаля. Тогда же он принял посольство от Эймара, виконта Лиможского, одного из тех баронов Пуату, которые хотя и были его вассалами, но тем не менее не единожды ссорились со своим сеньором. Посольство явилось затем, чтобы познакомить короля с находкой, которая не могла оставить его равнодушным: крестьянин одного из вассалов виконта Эймара, Ашара, графа Шалюсского, работая в поле, наткнулся на великолепный клад: это была «золотая скрижаль», то есть рельефное изображение чудной скульптурной работы и замечательной отделки. Изображен был на ней восседающий император в окружении своего семейства; равно замечателен был и найденный серебряный щит или оклад, украшенный изображениями, выполненными золотом, и старинными медальонами. Эймар, как того требовал обычай, предлагал своему сеньору часть найденного сокровища, именно серебряный оклад. Дело в том, что, по обычаям Нормандии, король был вправе распорядиться найденным сокровищем и даже присвоить весь клад. И вряд ли Ричард упустил бы такой случай, пусть даже речь шла о вещице, которая по номинальной своей стоимости могла показаться ему смехотворно дешевой. С другой стороны, находка эта вызвала у него недоверие, и небеспричинное, так что он считал нелишним пообщаться с Эймаром Лиможским, а заодно и решить вопрос о найденном кладе.

Из графа Шалюсского никаких дополнительных объяснений вытянуть не удалось. Ричард решил направиться в Лимузен с небольшой группой ландскнехтов, которых он выбрал себе в попутчики. Он двинулся на юг вместе с Меркадье, который постепенно успел стать его доверенным человеком, если не правой рукой, тогда как брат Иоанн взял курс на Бретань, а Гийом Марешаль решил вернуться в Нормандию. Увидеться вновь со своим сеньором им было не суждено...

Оставив Шато-дю-Луар, Ричард сразу направился в замок Шалю, где, как он небезосновательно подозревал, и прятали сокровища. На следующий день после приезда, 26 марта, король поднялся на крепостные валы и осмотрел их. Быть может, он находился как раз на верхушке Круглой башни, сохранившейся до наших дней. Сюда и прилетела стрела, выпущенная из арбалета умелой рукой, — та самая, что угодила королю в плечо. Прокричав похвалу стрелку, Ричард вернулся в свой шатер. Рана казалась ему никак не серьезнее тех ран, которые он так часто получал в Святой земле, где его, по возвращении

из боя, нередко сравнивали с подушечкой, утыканной булавами. Однако войсковому лекарю пришлось потрудиться, прежде чем он смог извлечь стрелу. Он не заметил, что часть металлического наконечника так и осталась в кости. Сам король тем временем корчился на кушетке, с трудом выдерживая мучительную боль. Нет нужды напоминать, что тогда не было никаких средств предупреждения инфекции, да никто и понятия не имел о заражении крови, так как методы борьбы с инфекцией были открыты лишь в нашем веке. А тогда раны лишь промывали вином да прикладывали к ним сало, чтобы рана поскорее затянулась. В этом же случае все эти предосторожности, кажущиеся нам смехотворными, не подействовали бы, да и вряд ли они применялись, тем более что Ричард не позволял себе ни отдыха, ни особенной диеты...

Достаточно скоро стало ясно, что рана может оказаться смертельной, и потому послали за его матерью, королевой Алиенорой в Фонтевро. Та прибыла «так скоро, как только могла». Мать застала любимого своего сына в живых и смогла быть рядом с ним в его последние мгновения. Возле короля находился и его духовник, Пьер Милон, настоятель цистерцианского аббатства Пен, неподалеку от Санксе, в Пуату; король к нему очень благоволил. Это ему король исповедался, и это он совершил помазание страждущего короля освященным елеем. Ричард не дерзал приступать к Святым Дарам со времени своего возвращения из Святой земли, считая, что нельзя причащаться, испытывая ненависть, а он ненавидел Филиппа Августа, извлекавшего выгоды из его заточения и даже пробовавшего его продлить. Рассказывают, что того, кто ранил его стрелой из арбалета, некоего Пьера Базиля, король велел оставить в живых, целым и невредимым, и даже вручил ему сумму в сотню шиллингов. Но хроника сообщает также, что вскоре по смерти короля Меркадь велел схватить этого человека, содрать с него кожу и повесить...

«Затем, когда король понял, что не сможет жить, он присудил своему брату королевства Англии и всех своих иных земель и велел ему присягнуть в верности тем, которые были там; три части своих сокровищ и все свои драгоценности он присудил Оттону, своему племяннику, а четвертую часть приказал разделить между нищими и теми, кто ему служил».

Так написано в «Книге королей Англии». Другой летописец добавляет, что Ричард вознес Господу моление об оставлении его в чистилище до конца времен в наказание за великие и страшные прегрешения, совершенные им за свою жизнь.

После того как он испустил дух, вечером 6 апреля 1199 года, королева Алиенора перевезла его останки в Фонтевро, где они были торжественно погребены в Вербное воскресенье (день

«Пасхи цветов», как выражались в те времена). Отпевал Ричарда не кто иной, как Гуго, святой епископ Линкольнский, которому сослужили епископы Пуатуанский и Анжерский, аббат монастыря в Тюрпене Лука, сопровождавший королеву в ее путешествии, и Милон Пенский; по желанию усопшего сердце его перенесли в собор в Руане, где благодаря раскопкам оно было обретено вновь уже в наши дни (в 1961 году).

Тем временем в том же Руане двое его верных слуг печально ожидали подтверждения скорбной вести, которую они получили несколькими днями ранее от гонца в Водрё. Гийом ле Марешаль поспешил в Нотр-Дам-дю-Пре, где пребывал тогда архиепископ Кентерберийский Губерт Готье. Хронист передает короткий разговор, состоявшийся между двумя мужами накануне Вербного воскресенья, когда роковая новость окончательно подтвердилась. Архиепископ склонялся к признанию наследником Ричарда Артура Бретонского. На это Гийом ле Марешаль заметил: «У Артура нет советников, кроме дурных советчиков, он подозрителен и спесив; если мы поставим его своим главой, он наделает нам хлопот, ведь он не любит англичан». В самом деле, Ричард назначил своим наследником и преемником брата Иоанна Безземельного. «Марешаль, — сказал архиепископ, — будь по-вашему, но скажу вам, что никогда, ни об одном выборе своем вы не сожалели так, как пожалеете об этом своем выборе». — «Пусть так, но между тем таково мое мнение», — подвел итог Гийом Марешаль.

Такого же мнения держалась и королева Алиенора. Судьба уготовила ей лицезреть смерть ее возлюбленного сына, умершего в расцвете сил, в возрасте сорока одного года, после полной победы, когда можно было надеяться на достижение прочного мира. И теперь другой ее сын, тот самый Иоанн, который столь много вредил Ричарду, поддерживая короля Франции, получил право притязать на все наследие Плантагенетов.

Алиенора нимало не обманывалась насчет дарований своего младшего сына и его способности сохранить то прекрасное королевство, становлению и возвышению которого она так способствовала. Обладая даром предвидеть события, что всегда отличало эту «жену несравненную», она взялась ему помогать всем, чем могла. Это означало присягу королю Филиппу Августу, совсем недавно разбитому Ричардом, а еще поразительное кружение по городам Запада, то есть по Пуату и Аквитании, в которых в обмен за жалованные грамоты о послаблениях и привилегиях она выторговывала обещание военной помощи, которая вскоре очень понадобится Иоанну. Как раз во время этого объезда городов она прибыла в Ньор и обнаружила здесь свою дочь Иоанну в состоянии усталости, опустошенности и

горестной подавленности. Иоанна была на шестом месяце беременности, когда ей пришлось, почти в одиночку, бежать из Лораге, где ее супруг не смог усмирить бунт неумных мелких баронов. Она рассчитывала попросить помощи у брата и тут узнала о его смерти. Вместе с дочерью Алиенора возвращается в Руан, где, ввергнув всех в изумление, Иоанна заявляет о намерении принять постриг в Фонтевро, любимой Плантагенетами обители, где ее мать устроила свою родовую усыпальницу¹. Епископ Кентерберийский Губерт Готье попытался было сорвать эту задумку, но Иоанна уже доказала, сколь стойким может быть ее упрямство; она сумела переубедить настоятельницу Фонтевро и заставила ее обойти канонические установления. Иоанна приняла постриг и произнесла обеты, а затем умерла. И только скончавшись, смогла она разрешиться от бремени, но родившееся дитя, которое было в ее чреве, тоже умерло, едва ли не сразу же после свершенного над ним обряда крещения. Иоанне было тридцать четыре года. Ее гробницу в Фонтевро обнаружить не удалось, зато в 1986 году нашли усыпальницу ее старшего сына, Раймона VII Тулузского; умирая, он пожелал, чтобы его погребли подле его матери, которой он не знал, — столь велико было почитание к весьма уважаемому аббатству, внушенное Алиенорой и унаследованное ее потомками. Монастырь этот, можно сказать, стал для королей Англии тем же, чем было аббатство Сен-Дени для монархов Франции.

За год до этого, почти в те же дни, 11 марта 1198 года умерла «графиня-сестра», та самая Мария Шампанская, к которой король Ричард обращался в поэме, сочиненной в немецких узилищах. Вокруг королевы Алиеноры явно возникала пустота.

Между тем зимой все того же рокового 1199 года королева, которой шел уже восьмидесятый год, пустилась в дорогу и пересекла Пиренеи. Одна мысль владела ею — она желала, чтобы Францией правил кто-то из ее потомства. По ходу переговоров в Гуле возник замысел бракосочетания тогдашнего наследника французского престола, будущего Людовика VIII, с одной из внучек Алиеноры. Королева пыталась если не увидеть воочию, то хотя бы прикоснуться к тому, что послужило бы продолжению рода Плантагенетов, — каково будет это продолжение, она, конечно, помыслить не могла, но она принимала его заведомо таким, каким оно будет, и, надо думать, одобрила бы то, что выросло из этого ее предприятия.

¹ Сошлемся на исследование: *Erlande-Brandenburg A. Le cimetière des rois à Fontevraud. Paris, 1964.*

Так и вышло: погостив на рубеже веков при дворе своей дочери Алиеноры Кастильской, она победоносно вернулась к Пасхе 1200 года вместе с будущей королевой Бланкой, которую во Франции будут звать королевой Бланш и которая станет королевой именно благодаря решительному выбору бабушки. Из трех своих внучек — Беренжеры, которая уже была обручена, Урраки и Бланки — Алиенора пожелала взять с собой как раз Бланку и тем самым воистину преподнесла драгоценнейший дар французскому престолу. Уррака не оставила по себе сколько-нибудь заметной памяти для истории, а вот ее младшая сестра стала великой королевой XIII столетия и матерью короля Людовика IX, ставшего святым...

Представляется величественная картина: Алиенора под сводами аббатства Фонтевро на пышной церемонии погребения своего возлюбленного сына. Она должна была сразу же понять, что вместе с кончиной короля сошло на нет и королевство, непомерно огромное, даже для него, пусть и осененное от гор Шотландии до Пиренейских гор его славой. И как знать, не в эти ли мгновения задумалась она о воцарении родной своей внучки во Франции, коль уж не сбылась ее честолюбивая мечта о браке Генриха Младшего и Маргариты Французской, вследствие чего ее сын увенчался бы теми двумя коронами, которые побывали, пусть по очереди, на ее голове?

Удивительно, но никому не известно, где была во время этих похорон та, которая так и не дождалась собственной коронации: королева Беренжера. Личность не слишком яркая, она, со всей очевидностью, не очень-то держалась за страшившего ее супруга, которому была отдана. Зато ее имя осталось навеки связано с монастырем Милости Божией, который она основала на земле Эпо и населила цистерцианскими монахами много позже смерти Ричарда — примерно в 1229 году. Там и была погребена Беренжера, останки которой затем перенесли в собор Ле-Мана. Теперь в этом соборе можно видеть ее надгробие — в виде лежащего человека. Права на почетное нахождение в Фонтевро ее останки, стало быть, не заслужили. Выглядит памятник вполне заурядно, несмотря на красоту архитектурного ансамбля в целом, но он подлинный, хотя и отреставрированный.

Воспоминание о Беренжере возвращает нас ко второму публичному покаянию Ричарда, состоявшемуся в Пасхальный вторник 1196 года. Вновь он сокрушался о каких-то своих содомитских грехах; он всенародно объявил о своем раскаянии и опять воспроизвел тот же торжественный жест, который уже видели пятью годами прежде в Мессине. Именно тогда король призвал к себе королеву Беренжеру, которая, похоже, не занимала сколько-нибудь заметного места в его жизни.

Довольно ли этого, чтобы зачислить Ричарда в гомосексуалисты? С тем же основанием можно было бы назвать его жестоким, коль уж он дважды или трижды выказывал немилосердие. Его выходки, конечно, смущают, но не вернее ли отнести их на счет чрезмерной, даже по сравнению с обычной для него, горячности? Как-никак у него был внебрачный сын Филипп, да и слава охотника до юбок, так что однополая любовь если и бывала ему знакома, то, скорее всего, просто потому, что он оказывался в соответствующем обществе и поддавался всеобщей разнузданности. Как замечал хронист Амбруаз, не отрицавший некоторых изъязнов у обожаемого им героя: «Он неистовствовал так безумно...»

Как бы то ни было, Ричард вполне соответствовал своему времени. Каковы бы ни были его выходки или причуды, он ими ничуть не гордился. Скорее наоборот: сожалел о несдержанности, он не побоялся дважды принародно покаяться в своих прегрешениях, что для нашего времени и нашего душевного склада представляется чем-то странным и едва ли вообразимым. Сама мысль о главе государства, публично признающемся в греховности своего будничного поведения и просящего прощения у Бога в присутствии своего народа, совершенно немыслима в нашу эпоху, которая, может быть, и привычна к самооплевыванию, но лишь перед партией или перед диктатором, помыкающим обществом и государством. Во времена Ричарда, напротив, все это было в порядке вещей. Ричард, несомненно, знал, что Библия весьма решительно осуждает содомию, как тогда называли этот порок. Картина гибели в муках и огне погрязшего в грехе Содомы осталась жестоким символом бесплодности, естественного следствия гомосексуальности.

Но столь ли бесплодным оказалось царствование Ричарда? Да, он не оставил после себя наследника, но после него остался образ. В том же ключе Гийом ле Марешаль воплощал дух того рыцарства, той безупречной верности, которые сохранились и пережили и Ричарда, и Марешаля и в конечном счете обеспечили передачу короны юному Генриху III, сыну Иоанна Безземельного. Сам же Ричард остается для нас примером героя своего времени. Это касается и его крайностей. Он хорошо вписывается в свое время, в эпоху живой веры, когда человек, сознававший себя грешником, и помыслить не мог об оправдании своих ошибок и заблуждений ссылками на какую-то «вольность» или «свободу» — да мало кто и подозревал о существовании чего-то подобного. В последние годы жизни, свидетельствуют хронисты, он каждый день бывал в церкви и умножал благодеяния; вершиной его благотворительной дея-

тельности стало основание аббатства Сен-Мари-дю-Пен, настоятель которого, Милон, был рядом с Ричардом в его смертный час и участвовал в погребальном богослужении. Его предсмертные признания засвидетельствовали его глубокую веру: он, не причащавшийся столько лет, так и не дерзнул приступить к Святым Дарам, считая себя недостойным, потому что не мог избавиться от злопамятства и простить Филиппа Августа. Это свидетельствовало и о глубине его раскаяния в совершенных грехах, ибо он уповал получить прощение не ранее наступления конца света.

Времена, в которые он жил, отличала еще и пылкая любознательность: Ричард — вполне достойный современник святой Хильдегарды, мудрой подвижницы и писательницы-мистика, провозгласившей, что «человек волен всячески исследовать окружающую его вселенную». На море Ричард заинтересовался судовождением, точнее, тем, чем занимаются лоцманы, проводящие корабли по самым запутанным фарватерам; оказавшись неподалеку от вулкана, он совершил восхождение на его вершину, к жерлу кратера; он выслушал монаха, толковавшего Апокалипсис, и ввязался с ним в спор. Да и умер он тоже, можно сказать, из-за своего любопытства, так, впрочем, и оставшегося неудовлетворенным... Вряд ли кто-то решится приписывать ему чрезмерную алчность и утверждать, что лишь ненасытная жажда золота погнала его в дорогу, стоило ему дознаться о сокровищах в Шалю. Тем более что не только в этом случае Ричард Львиное Сердце проявил любознательность того рода, которую можно назвать «археологической»: вспомним меч Эскалибур, найденный в Гластонберри, который Ричард повез за море и вручил Танкреду в качестве необычайного дара. Это доказывает наличие у него интереса к вещам редким и старинным. У него был вкус к прекрасному, как и всесторонняя музыкальная и поэтическая одаренность. Это тоже в духе его времени, отнюдь не скудного на достижения в различных искусствах. Вспомним фрески, покрывающие стены, вроде тех, что украсили монастырь Святого Савина, или просторные помещения Ключийского аббатства, или стройные своды и светоносные хоры Фонтевро; вспомним роскошные миниатюры Лиможского служебника или те эмалевые панно сверкающих тонов, которыми украшались ларцы с мощами святого Томаса Бекета...

Кроме того, Ричард завораживает нас своей щедростью: он не боялся показать себя, он любил дарить; и это опять в духе эпохи. Имеющиеся в наших архивах акты о дарениях того времени намного многочисленнее всех прочих контрактов, соглашений, договоров и иных современных им документов.

Суждения современников Ричарда раскрывают необычайные и привлекательные стороны его личности. Так, Жиро де Барри, стараясь быть беспристрастным, отмечает, что «среди разнообразных качеств, которыми он привлекал к себе, в трех он был особенно блистательным и несравненным: это из ряда вон выходящие ревностность и пылкость, щедрость, выглядящая непомерной расточительностью, что всегда похвально у князя, и, венец всех прочих доблестей, прочное постоянство как души, так и слова». Верность данному слову, столь свойственная Ричарду, представляла собой в феодальную эпоху существование жизни, как в смысле жизненного призвания, так и житейских занятий сеньора и рыцаря.

Некий Гервасий Тилберийский идет еще дальше; в своих «Царственных досугах», написанных для Оттона Брауншвейгского, он называет Ричарда «королем из королей земных» (это выражение повторяется много позже еще раз, в отношении святого Людовика) и добавляет: «Никто не заходил далее его в пылкости, великолепии, рыцарственности и во всех иных доблестях». Он высоко ценил его как «неудержимого заступника святой отчины Христовой» в Святой земле и заключал далее: «Мир не снес щедрости его жертв».

Здесь снова подчеркивается его непревзойденная щедрость. Ричард вошел в число тех людей, которых, кажется, принимали все, ибо его порывы были неподдельны, без тени притворства или расчета.

Герой легенды? Пожалуй, нечто большее — скорее это рыцарский роман из тех, где герой готов жизнь свою положить, доверяя величию человеческих судеб и красоте мира сего, полагаясь на Любовь, сущую по ту сторону земной любви.

ПО ТУ СТОРОНУ ИСТОРИИ: *ЛЕГЕНДА*

Невосполнима эта потеря. Невыносимая боль:
Слезы так душат, нет, никогда не избыть эту скорбь,
Как мне поведать словами иль в песню облечь
То, что хотелось бы мне навеки сберечь:
Ибо доблести вождь и отваги отец —
Ричард, великодушный и смелый, английский король
Мертв. — О Боже! Какая утрата! Какой ущерб!
Как неуместны слова, сколь болезненно ранит речь:
Надобно стойкое сердце, дабы страдать...

Умер король. И такой, что за тысячу прошлых лет
Мужа, сравнимого с ним, невозможно найти.
Храбрость, щедрость, учтивость и благородство его,
Думаю, и в грядущих веках не превзойти.
Не говорю о Карле, Артуре. Не вспоминаю побед
Александра над Дарием. Но мненья держусь того,
Что не ниже их Ричард. И знаю, что свет
Не беспристрастен. Но не хочу никого
Я принижать. И героям рукоплескать
Я не против. Но восхищаюсь тем,
Что в сем ущербном веке явился такой человек —
Мудрый, почтительный, стойкий... Он во всем и всем
Мерою и образцом служил, а как говорил?
Что драгоценнее слов превосходных? Великие ли дела?
Подвиги необычайные? Сколько он их совершил!
Умер. И тем последний урок нам преподать пожелал:
Самое лучшее недолговечно. Уходит. В миг. И навек.
И посему стоит меньше страшиться — все равно умирать!

Ах! Государь! Как не подумали вы, храбрый король,
Что с турнирами станет? Кто доблесть вознаградит?
Кто накажет низость и отвергнет лезть?
Кто смеет судить о лучших и худших? Кому по плечу эта роль?
Пусть даже некий богатый двор изысканный дар учредит,

Нет такого вождя, служенье которому — честь,
Умер король. И утрату сияния не возместит
Блеск отраженного света. Он не излечит боль.
И остается одно: лишь вспоминать.

И траур долго носить и тихо существовать
Жизнью ничтожной и мелкой, и злиться зря,
Зная, что Гроб Господень в руках сарацин,
И что не вам теперь вести поход за моря.
Турок и персов — лютых язычников рать
Вы изгнали из Сирии. В дрожь их бросал
Вашего славного имени звук один.
И хотя Господь в ваши руки Град не отдал,
Все в воле Его. А вам не в чем себя упрекать!

Нет отныне надежды — не сыщется государь
Из королей или князей достойный. Кто довершит
Незавершенные вами дела? Но кто бы он ни был, тот,
Кто станет вашим преемником, да не оскорбит
Память о том, что совершали некогда, встарь,
Вы и ваши усопшие братья: Джеффри и Юный Король.
Да имеет отважное сердце и — Бог даст! — превзойдет
В чем-то кого-то из вас троих. И да поспешит
С деяньями великими. И да умножит их счет.
Мы же помолимся Богу, да примет слугу Своего,
И на ревность его да призрит. И слезу утрет.
А прегрешенья прости ему, Боже, и король да войдет
В Царствие Твое, о Господи, ибо Ты Тот,
Истинный Бог и Человек, Который умеет прощать!

Эту очень красивую поэму, никакой перевод которой не в силах передать оттенки, присущие оригиналу, написанному на языке Лангедока, создал трубадур Гаусельм Файдит на следующий день по смерти Ричарда, то есть еще до того, как стало известно, кто именно унаследует английский престол, Артур Бретонский или Иоанн Безземельный¹. Итак, это «плач» — погребальная песнь, изливающая потрясение от только что случившегося. Ее сочинитель, один из знаменитейших трубадуров своего времени, переживает скорбь и горечь утраты, и его боль еще горше потому, что жива память об экспедиции Ричарда; а ведь он был ее участником и, стало быть, боевым товарищем Ричарда. Целая строфа, кстати, посвящена воспеванию подвигов короля во время той «сирийской» эпопеи. Гаусельм Файдит

¹ Это отметил Жан Муза, издатель сочинений Гаусельма: *Mouzat J. Les poemes de Gaucelm Faïdit troubadour au XII siècle*. Paris, A. G. Nizet, 1965, p. 415 — 424.

принадлежал к вернувшимся в Святую землю: он присоединился к баронам, организовавшим крестовый поход в первые годы XIII века, и, похоже, на этот раз там, за морем, нашел свою смерть. Как бы то ни было, его поэма хорошо выражает оцепенение, вызванное неожиданным событием: Ричард ушел в расцвете сил, как раз тогда, когда, казалось бы, окончательно взял верх над своим заклятым врагом Филиппом Августом; и унес его какой-то нелепый случай, и это после всяческих опасностей, в изобилии подстерегавших его в мусульманском мире, от которых Ричард уходил с бесшабашной удалью.

Плач скорби и боли и негодование перед «несправедливой» смертью, подстерегавшей героя на самой заурядной дорожке, чтобы накинуться на него и, с не ведающей меры беспощадностью, убрать с этой самой дороги... Так, писал Роджер Ховденский, муравей торжествует над львом.

Посмертная же слава короля Ричарда как бы стремилась возместить разочарование, вызванное этой смертью. Не ограничиваясь тем, что можно было извлечь из бывшего в его власти, она приписывала ему все, на что, как полагали, он мог быть способен. Так возникал образ не просто необыкновенного человека — нет, в образе этом появлялись внечеловеческие или, точнее, сверхчеловеческие в своей чрезмерности черты — своего рода реванш за «незавершенность» его земной жизни. По крайней мере, сохранилось поэтическое и легендарное эхо, отзвуки которого продолжали раздаваться на протяжении долгих столетий.

Ибо слава Ричарда Львиное Сердце далеко превзошла все, на что он притязал и на достижение чего мог надеяться. Он остался самым любимым в народе королем Англии, хотя не царствовал и десяти лет, да и те провел почти полностью на европейском материке и на Ближнем Востоке. В Англии он, конечно, родился, но если сложить воедино все время его пребывания на острове да еще учесть лишь только деятельные периоды, в совокупности не наберется и года: около четырех месяцев в 1189 году — от августа до сентября и два месяца по освобождении «из когтей императора» — с 13 марта по 12 мая 1189 года, всего шесть месяцев прожил он на том острове, который увенчал его королевской короной. Вряд ли он даже знал язык, по крайней мере он наверняка не говорил на том простонародном наречии, которое лишь более чем через двести лет парламент провозгласит официальным языком страны; до тех же пор бароны и «богачи» («богатыми людьми» именовали тогда дворян, представителей благородных сословий, вне зависимости от их материального положения и величины состояния) общались между собой по-французски или, точнее, на англо-нормандском наречии.

Парадоксальной посему кажется эта популярность короля; тем более что она не только не сходила на нет, но росла от века к веку и вышла далеко за пределы островного королевства.

В Музее истории Франции, в Национальном архиве в Париже, хранится письмо Ричарда, продиктованное им в январе 1196 года, когда он был между Гайоном и Ле-Водрё, и посвященное вопросу о гарантиях перемирия, заключенного с королем Франции. Но чем оно для нас любопытно, так это скрепляющей его великолепной печатью зеленого воска, наложенного на шелковые шнурки, причем на печати видны два «проходящих льва», которые стали эмблемой Англии; во Франции их называли леопардами. Ричард таким образом завещал своей стране прозвище, которое так хорошо его характеризовало: он был «Львиным Сердцем», героем «великолепным и щедрым». Жиро де Барри назвал Ричарда «Львиным Сердцем», когда тому не исполнилось и двадцати лет, — но уже налицо было множество доказательств его храбрости. Трубадур Бертран де Борн тоже сравнивал его со львом не только ввиду его подвигов, но и потому, что, как гласит легенда, этот зверь защищает немощных и выказывает себя безжалостным с гордыми. А для хрониста Филиппа Августа, Гийома Бретонца, он и вовсе — Ричард Лев!

А с кем его еще сравнивать? Герои, друг за другом, круг за кругом, чередой за чередой, будь то персонажи северофранцузского эпоса «шансон-де-жест», Ролан или Оливье, или рыцарских романов, такие как Гавейн или Ланселот, служили ему зеркалом или эталоном. Тут появлялись те элементы чудесного, которых хватало в рассказах о Крестовых походах в далекие и славные чудесами земли, где разворачиваются приключения, соперничающие с любой фантазией.

Во время царствования Генриха Плантагенета ходила молва о письме короля Артура, якобы направленном Генриху; что же до Ричарда, то и тут появляется письмо Старца Горы, владыки секты ассасинов, и некоторые хронисты воспроизводят его в своих летописях. Наверняка тут не обошлось без подспудной политической задумки, поскольку слух о письме вождя секты убийц оправдывал Ричарда, которого совершенно несправедливо обвиняли в убийстве Конрада Монферратского.

В ином плане построено залихватское продолжение героической поэмы «Песнь убогих», ошарашивающее описаниями случаев людоедства, приписываемых Петру Отшельнику¹ (!), или рассказными о «тафурах», нищих и бродягах, находивших высшее наслаждение в поедании турецкой плоти. В этом про-

¹ *Петр Пустынник* (или *Отшельник*) (1050 – 1115) — один из организаторов Первого крестового похода (1096 – 1099). (*Прим. пер.*)

изведении Ричард лакомится головой сарацина, которую приготовил для него его старательный шеф-повар: неужто король не мог повелеть приготовить ему кусок свинины? Или ее не нашлось в мусульманском краю?

Другие сказания на интересующую нас тему — более общего характера. Они повествуют о происхождении Ричарда, о его корнях, о Плантагенетах. Жиро де Барри, этот неукротимый валлиец, бывший епископом Сент-Дейвидским и современником короля, которого он, правда, namного пережил, скончавшись в 1223 году, первым заговорил о королевском роде: «От дьявола мы пошли и к дьяволу возвращаемся!» Это намек на фамильные предания рода графов Анжуйских. Цезарий Хайстербахский, славный своим вкусом к романтизму в романском духе (это он придумал знаменитую остроту: «Убивайте всех, Бог узнает своих»¹, когда грабили Безье...), не упустил случая пересказать все сплетни о происхождении английских королей; того же не постеснялся Готье Мап, архидиакон Оксфордский, часто бывавший при английском дворе и поведавший уйму рассказов и анекдотов на этот предмет, — он напрямую увязал лично Алиенору с легендой о женщине-змее, знаменитой Мелузине из преданий края Пуату. Тот же церковнослужитель, рассказывая о прашурах то ли по материнской, то ли по отцовской линии то ли самой Алиеноры, то ли графов Анжуйских, утверждал, что Плантагенеты занимались «служением дьяволу»! Конечно же, более всего такие толки можно отнести на счет предка анжуйцев, Фулька Нерра, то есть Черного. Его жуткая репутация воспроизвелась и как-то оправдалась в конце концов не в личности и судьбе Ричарда, но в личности и судьбе Иоанна Безземельного, злосчастная жизнь которого отнюдь не вошла в легенду, но стала неотъемлемой частью истории. Фульк Нерра, современник Гуго Капета (970 — 1040), слыл изрядным забиякой и не менее выдающимся строителем замков и монастырей; он четыре раза должен был совершать паломничество в Иерусалим во искупление грехов — купал он свои грехи, впрочем, добросовестно. Личность и в самом деле во многом из ряда вон выходящая, но сегодня историческая наука в состоянии по справедливости воздать ему должное², тогда как легенда лишь поносит его без разбору.

Куда меньше удивляет одна из «исторических острот», приписываемых Ричарду Львиное Сердце: знаменитый проповед-

¹ Имеется в виду эпизод крестового похода против альбигойцев (1209—1229), когда северофранцузское (христианское) войско растерялось, не зная, как отличить еретиков от католиков. (*Прим. пер.*)

² См. замечательное исследование, которое недавно опубликовал Кристиан Тевено: *Thévenot Ch., Foulques III Nerra*, Éd. de la Nouvelle République. Tours, 1987.

ник Фульк де Нёйи увещевал короля, призывая его разлучиться с «его тремя дочерьми». «Ты лжешь, — раздраженно отвечал монарх, — у меня нет детей!» — «Государь, у вас есть три дочери: Гордость, Вожделение и Сладострастие». — «Ну ладно, — сказал на это Ричард, — я отдаю свою гордость храмовникам и госпитальерам, вожделение — цистерцианцам, а сладострастие — всему духовенству!» Этот анекдот приписал Ричарду Львиное Сердце опять-таки Жиро де Барри; но, скорее всего, тут можно видеть один из образчиков — по-латыни *exempla*, — которые этот церковнослужитель сочинял, чтобы украшать свои проповеди, причем в этих его рассказах часто выступали известные проповедники; вероятно, источником этой истории были «Анекдоты» Стефана де Бурбона либо менее известный сборник «Так нам сказано», не так давно опубликованный Жераром Бланже¹. Не единожды «дочерей дьявола» вспоминает под разными видами и Роберт Гроссетест, премудрый епископ Линкольнский, не побоявшийся сочинить стишок про «свадьбу девяти дочерей дьявола». Никто на этой свадьбе не обманулся, и всяк получил радость по сердцу столь же невероятную, сколь и многозначительную: одну свою дочь, Алчность, дьявол выдал за буржуа; другую, Лживость, за купца и т. д. Весьма вероятно, что Ричард ни разу не встречался с Фульком, тот ведь был всего лишь приходским священником, кюре в Нёйи, но чувство юмора и расхожая слава превращали короля в весьма подходящего кандидата на роль героя забавной истории или поучительного рассказа.

Господи Боже, Царю славы,
Ты, в милосердьё Своем ниспославший
Ричарда — нам, в венценосцы державы;
Ричарду — доблесть и дух величавый...

Так начинается «Роман о Ричарде Львиное Сердце». Этот роман из ряда тех произведений, на сочинение которых авторов подвигала история о возвращении короля из крестового похода и о его заточении. Большинство подобных поэм до нашего времени не дошли, как и та поэма, о которой вспоминал в своей хронике в стихах летописец Петр Лангтофтский в начале XIV века. Эта поэма, имя автора которой, к несчастью, неизвестно, изобилует баснословными эпизодами: Ричард в Германии будто бы был низложен царствующим королем, которого в «Романе» зовут Модардом или Модредом, — надо думать, в память о Мордредке, последнем враге короля Артура.

¹ *Blangez G. Ci nous dit. Paris, Picard, 1979. Société des Anciens Textes Français.*

Подстрекаемый сыном, Модард убивает Артура в честном бою, но завоевывает сердце его дочери Маргариты. В довершение всего король Модард напускает на Ричарда голодного льва. Ричард запускает в пасть зверя руку, замотанную в шелковую ткань, достает до сердца, которое потом, вырвав из груди льва, съедает; потому его и прозвали Ричардом Львиное Сердце.

Но это еще не конец: следуют новые приключения; среди прочего рассказывается, как Ричард участвовал в турнире: никем не uznанный, он бьется с лучшими рыцарями Англии, выбивая их, одного за другим, из седла; он облачается в черные доспехи и выезжает под черным гербом, затем меняет цвета на красные, потом на белые; после этого он выбирает двух лучших рыцарей из числа тех, что были им побеждены; наконец, его узнают. Он был с этими двумя в Палестине, где им доводилось совместно выпутываться из самых немыслимых передряг; в каждой такой переделке англичанам противостояли французы, причем последние всегда оказывались в дураках. И это понятно, если вспомнить, когда сочинялась эта поэма: конец XIV века, то есть промежуток между двумя войнами, одну из которых вел Эдуард III Плантагенет, а вторая была начата династией узурпаторов Ланкастеров. Выходит, что популярность Ричарда ставилась на службу пропаганде, как это, впрочем, всегда бывает с такими героями!

Более выразительны легенды, связывающие Ричарда с Роббином Гудом — Лесным Роббином — и его товарищами из Шервудского леса. Истории более чем соблазнительные; короля Ричарда, переодетого настоятелем монастыря, по его возвращении задерживают Робин Гуд сотоварищи, все они объявлены вне закона и промышляют в упомянутом лесу, — все это, отметим, происходит в начале апреля 1194 года. Итак, Робин завязывает дружбу с якобы аббатом. Главарь шайки и прочие разбойники между тем мало интересуются всякими аббатствами, у которых они, правда, вынуждены вымогать какие-то деньги, но лишь затем, чтобы как-то перебиваться на этом свете. Они остаются в своем лесу, желая сохранить верность законному королю: по сигналу своего главаря Робина со всех сторон сбегаются оборванные, с всклокоченными головами люди, в конце концов узнающие короля Ричарда, вернувшегося из-за моря. А король забирает Робина с собой в Лондон и делает его сеньором и пэром Англии.

Можно было бы ожидать, что различные баллады, сострепанные на эту тему, и в самом деле указывают на Ричарда как на персонаж рассказываемой истории. К сожалению, самые старинные варианты если и называют короля по имени, то лишь — «Эдуардом, любезным нам королем», предлагая нам

выбор из череды Эдуардов, сменявших друг друга на английском престоле (не говоря уже об Эдуарде Мученике, который жил в X веке, или о святом Эдуарде Исповеднике XI века, у которых, так сказать, нет порядковых номеров). Именно так обстоит дело в самых древних балладах: «Смерть Робина Гуда», «Робин Гуд и горшечник», «Робин Гуд и Суд» и т. д. В одной рифмованной шотландской хронике, написанной Андреем Уинтунским в 1420 году, история Робина Гуда разворачивается в конце XIII века, а именно в 1283—1285 годах, тогда как другой шотландец, Уолтер Бауэр, относит ее на двадцать лет назад, называя 1266 год.

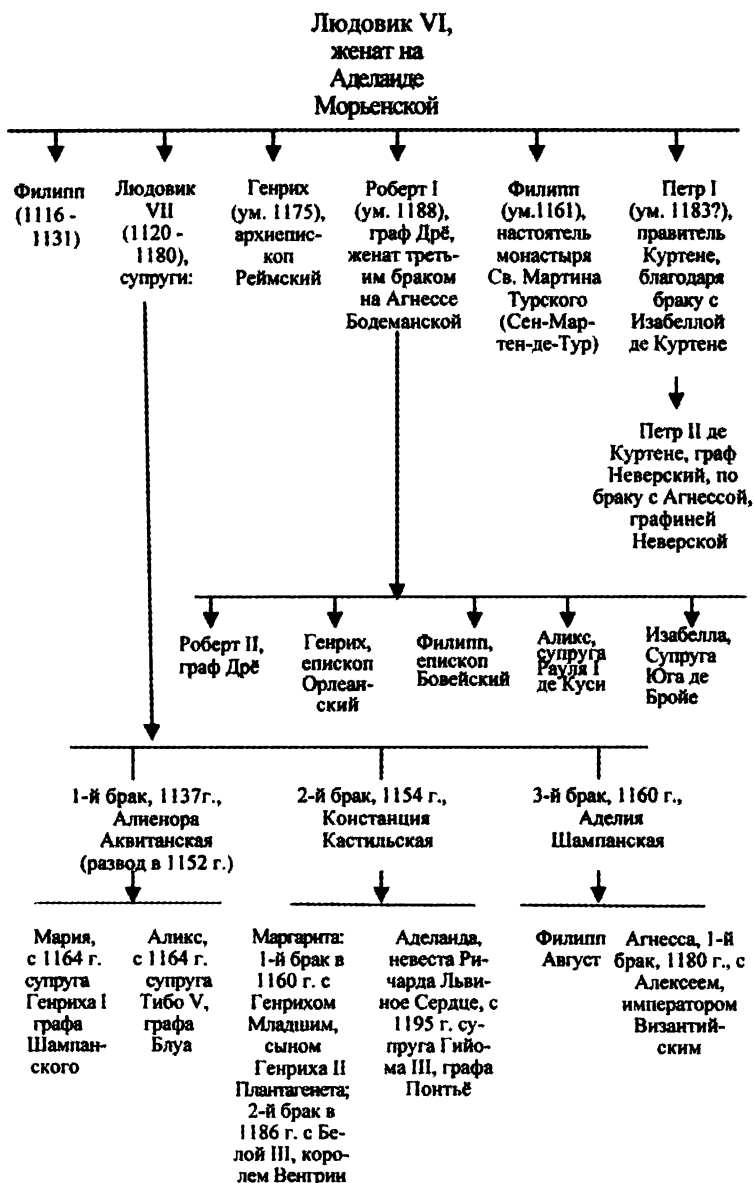
И лишь после появления «Истории великой Британии», которую написал в 1521 году еще один шотландец, Иоанн Большой, приключения Робина Гуда и его товарищей стали, наконец, датироваться 1193—1194 годами, то есть временем возвращения Ричарда в свое королевство, после крестового похода и заточения в Германии. Этот вариант, в котором превозносится Ричард, остался самым популярным...¹

Но это видение короля Ричарда Львиное Сердце, вдруг возникающего в лесу среди оборванцев, которые остаются ему верны, вновь отправляет нас к истории. Ведь именно этот Шервудский лес королева Алиенора освободила от запретов на порубку леса и охоту, введенных ее супругом Генрихом II и очень затруднявших пользование английскими лесами. И потому король приобрел славу самодура, которая определенно закрепилась за ним не зря. Вот как вышло, что злоупотреблениям властью, столь характерным для предшествующего царствования, было противопоставлено, благодаря королеве-матери, восшествие на престол Ричарда великодушного и щедрого!

Так пути легенды скрещиваются подчас с дорогами истории.

¹ См.: *James C. Holt. Robin Hood and the Sherwood forest. Lnd., 1982.*

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ **ЛЮДОВИК VI И ЕГО ПОТОМСТВО**

ПЛАНТАГЕНЕТЫ

Вильгельм I Завоеватель, супруга Матильда Фландрская

Роберт Куртис
(«Короткохватый»),
герцог Нормандский
в 1087—1106 гг.

Вильгельм II
Рыжий (Ру, Руфус),
король Англии
в 1087—1100 гг.

Генрих I Боклерк
(«Добрый Писарь»),
король Англии
в 1100—1135 гг.

Аделия, супруга
Стефана,
графа Блуа

Цецилия,
настоятельница
монастыря
Св. Троицы в Кане

Констанция,
супруга Алена,
графа
Бретонского

Гийом Клитон,
ум. в 1127 г.

Матильда, супруга:
в 1-м браке — императора Генриха V;
во 2-м браке — Жоффруа Плантагенета,
сына Фулька Младшего, графа Анжуйского

Стефан, король
Англии в
1135—1154 гг.

Генрих II, сын Жоффруа и Матильды, герцог Нормандский в 1149 г.,
король Англии в 1154—1189 гг., супруг Аликсандры Аквитанской

Вильгельм
(Уильям, Гийом)
(1153—1156)

Генрих Младший,
король-соправитель
в 1170—1183 гг.;
супруга — Маргарита
Французская, дочь
Людовика VII

Матильда,
супруга
Генриха
Льва, герцога
Саксонского

Ричард Львиное
Сердце,
король в
1189—1199 гг.

Джеффри,
супруга —
Констанция,
графиня
Бретанская

Аликсандра,
супруга
Альфонсо VIII,
короля
Кастилии

Иоанна, супруга:
в 1-м браке —
Гийома, короля
Сицилии;
во 2-м —
Раймона VI,
графа Тулузского

Иоанн
Безземельный,
король в
1199—1216 гг.

Вильгельм, ум. во младенчестве

Аликсандра

Артур
(1187—1203)

Генрих, граф Пфальцский Оттон фон Брауншвейг, император

Беренжера

Бланка, супруга Людовика VII

Уррака

Аликсандра

Генрих

Людовик Святой

ХРОНОЛОГИЯ

- 1135, 22 декабря — коронация Стефана Блуа как короля Англии.
- 1137, 1 августа — Людовик VII становится королем Франции и сочетается браком с Алиенорой Аквитанской.
- 1144, 19 января — Жоффруа Анжуйский венчается короной герцога Нормандского.
- 1147 — Людовик VII отправляется в крестовый поход вместе с Алиенорой.
- 1151, 7 сентября — смерть Жоффруа Анжуйского.
- 1152 — развод Людовика VII и Алиеноры Аквитанской. Алиенора выходит замуж вновь, за Генриха Плантагенета.
- 18 мая — Генрих Плантагенет — герцог Анжуйский.
- 1153 — родился Вильгельм (Уильям) (ум. в 1156 г.), первый сын Генриха II и Алиеноры.
- 10 августа — внезапная смерть Евстахия Булонского, наследника английского престола.
- 6 ноября — Стефан Блуа усыновляет Генриха Плантагенета.
- 1154 — родился Генрих Младший.
- 25 октября — смерть Стефана Блуа.
- 19 декабря — Генрих Плантагенет вместе с Алиенорой венчается короной короля Англии.
- 1155 — Фома Бекет — канцлер Англии. Рождение Матильды, дочери Генриха II и Алиеноры.
- 18 июня — Фридрих Барбаросса венчается короной Священной Римской империи.
- 1157, 8 сентября — родился Ричард Львиное Сердце.
- ноябрь — встреча Генриха II и Людовика VII с целью скрепления примирения между ними.
- 1158, сентябрь — родился Джеффри (Жоффруа), будущий герцог Бретонский.
- 1160, Пятидесятница — перемирие между Генрихом II и Людовиком VII.
- 2 ноября — бракосочетание Генриха Младшего и Маргариты Французской.
- 3 июня — посвящение Фомы Бекета в архиепископы Кентерберийские.
- 1161 — родилась Алиенора, будущая супруга Альфонсо VIII Кастильского.
- 1164, январь — промульгация «Кларендонских конституций».
- 8 октября — осуждение Фомы Бекета за злоупотребление властью.
- 1165 — родилась Иоанна, дочь Генриха II и Алиеноры.
- 11 апреля — встреча Людовика VII и Генриха II в Жизоре.
- 21 августа — родился Филипп Август.
- 1166 — родился Иоанн Безземельный.
- 24 апреля — встреча Людовика VII и Генриха II в Ножан-ле-Ротру.
- 1167, 4 июня — встреча Людовика VII и Генриха II в Вексене.
- Июль — Генрих II подчиняет Бретань.
- 22 июля — смерть Матильды Анжуйской.
- 1168 — мятеж баронов Пуату и Бретани против Генриха II.
- 7 апреля — встреча Людовика VII и Генриха II в Паси-сюр-Эр.
- 1169, 6—7 января — встреча Людовика VII с Генрихом II в Монмирае.
- 7 февраля — встреча Людовика VII и Генриха II в Сен-Леже-ан-Ивлине.
- 18 ноября — встреча Людовика VII, Генриха II и Фомы Бекета в Сан-Дени и Монмартре.

- 1170, 27 марта — Алиенора ускользает из ловушки, устроенной лузиньянцами.
 29 июня — землетрясение в Святой земле.
 22 июля — встреча Генриха II с Фомой Бекетом в Фретевале.
 Август — Генрих II тяжело заболевает в Нормандии.
 1 декабря — Фома Бекет возвращается в Англию.
 29 декабря — смерть Фомы Бекета в Кентерберийском кафедральном соборе.
- 1171, 25 января — папский легат налагает интердикт на материковые домены Генриха II.
 17 октября — Генрих II начал завоевание Ирландии.
 25 декабря — Алиенора и Ричард создали собрание своих южных васалов.
- 1172, январь — Ричард дарует право крепости епископу Байонскому Фортанье.
 21 мая — Генрих II покоряется Церкви в Авранше.
 27 августа — коронация Генриха Младшего в Уинчестере.
 27 сентября — окончательное примирение Генриха II с Церковью.
- 1173, февраль — март — Генрих II собирает своих баронов в Монферране, затем в Лиможе.
 21 мая — бегство Генриха Младшего из Шинона.
 Июнь — Филипп Фландрский осадил Омаль, Людовик VII и Генрих Младший осадили Верней.
 19 августа — Генрих II преследует своих взбунтовавшихся вассалов до Бёврона.
- 1174, 12–13 июля — принародное покаяние Генриха II у усыпальницы Фомы Бекета.
 Весна — горожане Ла-Рошели отказываются отворять городские ворота перед Ричардом.
 8 июля — Генрих II отправляет Алиенору вместе с женами и невестами своих сыновей в Англию. Для Алиеноры это означало пожизненную ссылку.
 23 сентября — Ричард покоряется Генриху II.
 30 сентября — подчинение Джеффри и Генриха Младшего Генриху II.
 Октябрь — Фалезское соглашение: Ричард сохраняет за собой Пуату, но правит от имени и по поручению своего отца.
- 1175, февраль — Джеффри и Ричард в Ле-Мане приносят феодалную присягу Генриху II.
- 1176 — смерть Розамунды, любовницы Генриха II.
 3 апреля — страшная буря в Нормандии.
 19 апреля — Генрих Младший с супругой отправляется в Компостела; царственные паломники сходят на берег в Онфлёр. Генрих Младший вместе с Ричардом участвуют в осаде Шатонёф.
 27 августа — принцесса Иоанна, дочь Генриха II и Алиеноры, обещанная в супруги Гийому (Гильельмо) Сицилийскому, высаживается в Нормандии, чтобы проследовать в Сицилию. Ричард и Генрих Младший сопровождают сестру.
 9 ноября — бракосочетание Иоанны и Гийома в Палермо.
 25 декабря — Ричард собирает свою первую Рождественскую ассамблею в Бордо.
- 1177, 2 февраля — Ричард возвращается в Пуатье.

- 13 февраля* — коронация Иоанны как королевы Сицилии.
- 21 апреля* — поражение бывших наемников Ричарда от сил Генриха II у Малемора.
- 21 сентября* — встреча Генриха II с Людовиком VII в Иври.
- 25 декабря* — Генрих II созывает Рождественскую ассамблею в Анжере.
- 1178, 19 марта* — Ричард присутствует на освящении аббатства Бек-Эллуан вместе с Генрихом II и Генрихом Младшим.
- 1179, 1 ноября* — Ричард со своими двумя братьями присутствует на помазании Филиппа Августа на царство в Реймсе.
- 25 декабря* — Генрих II созывает Рождественскую ассамблею в Сенте.
- 1180, зима* — Ричард осаждает в Пуату замки Пон, Ришмон, Жонсак, Марсийак, Гурвилль и Анвилль.
- 8 мая* — Жоффруа Ранконский сдается после осады Ричардом Тейльбура.
- 18 сентября* — смерть Людовика VII. Филипп Август — король Франции.
- 1181, 15 августа* — Ричард принимает в свои рыцари графа Вивьена.
- 1182, 25 декабря* — Генрих II созывает Рождественскую ассамблею в Кане, где присутствуют трое его сыновей.
- 1183, весна* — Ричард проводит в Лимузене карательную кампанию против басков Раймона Брюна и Гийома Арно.
- 11 июня* — смерть Генриха Младшего.
- 24 июня* — Эймар Лиможский покоряется Генриху II.
- 1184, 30 ноября* — Святоандреевская ассамблея в Вестминстере; братья мирятся с отцом.
- 25 декабря* — Рождественская ассамблея.
- 1185, 16 марта* — смерть Балдуина IV, короля Иерусалимского.
- 25 декабря* — Генрих II созывает Рождественскую ассамблею в Донфроне.
- 1186, весна* — встреча Филиппа Августа и Генриха II в Жизоре.
- 1187, август* — смерть Джеффри Бретонского, второго брата Ричарда, во время турнира.
- 25 марта* — встреча Филиппа Августа с Генрихом II в Нонанкуре. Решено заключить перемирие.
- 4 июля* — Саладин разбивает франков у Хаттина.
- 10 июля* — захват Акры силами Саладина.
- 6 августа* — падение Яффы и Бейрута.
- 2 октября* — падение Иерусалима.
- 1188, 21 января* — примирение, на полпути между Жизором и Три, Генриха II с Филиппом Августом ради организации крестового похода.
- 28 июля* — жестокий бой у Манта между Ричардом и Гийомом де Барром, приближенным короля Франции.
- 18 ноября* — новая встреча Генриха II с Филиппом Августом в Бонмулине. Ричард оказывается подле короля Франции и приносит ему феодальную присягу.
- 1189, весна* — Ричард нападает на Ле-Ман, и в это же время Филипп Август вступает в Тур. Новая встреча в Коломбье.
- 28 июня* — смерть Матильды, герцогини Саксонской, сестры Ричарда.
- 6 июля* — смерть Генриха II в Шиноне. Ричард Львиное Сердце — король Англии.
- 20 июля* — Ричард облачается в достоинство герцога Нормандского в Руане.

- 22 июля — первая встреча Ричарда в достоинстве короля с Филиппом Августом на полпути между Шомоном и Три.
- Август — Ричард прибывает в Англию.
- 29 августа — бракосочетание Иоанна Безземельного и Изабеллы Глостер.
- 3 сентября — коронация Ричарда в Вестминстере. Антиеврейские эксцессы.
- 5 декабря — Ричард соглашается с избранием его незаконнорожденного брата Джеффри в архиепископы Йоркские.
- 11 декабря — Ричард отплывает в крестовый поход.
- 30 декабря — встреча Ричарда с Филиппом Августом у брода Сен-Реми в порядке подготовки крестового похода.
- 1190, февраль — Ричард оказывает гостеприимство Алиеноре Аквитанской и Аделаиде, сестре короля Франции.
- Март — новые антиеврейские беспорядки в Йорке.
- 15 марта — смерть Изабеллы Геннегауской, королевы Франции.
- 18 мая — отплытие английского флота из Дартмута.
- 10 июня — смерть Фридриха Барбароссы. Генрих VI — император Священной Римской империи.
- 4 июля — церемония в Везеле в присутствии Ричарда и Филиппа Августа. Отправление в крестовый поход.
- 14—17 июля — Ричард в Лионе.
- 7 августа — Ричард отплывает из Марселя.
- 13 августа — Ричард в Савоне.
- 23 августа — Ричард в Пизе.
- 25 августа — Ричард в Порто-Эрколе.
- 28 августа — 13 сентября — пребывание Ричарда в Неаполе.
- 16 сентября — прибытие Филиппа Августа в Мессину.
- 24 — 25 сентября — встреча Ричарда с Филиппом Августом в Мессине.
- 28 сентября — посещение Ричарда Иоанной Сицилийской.
- 1191, январь — к Ричарду прибывает Иоахим Флорский.
- 2 февраля — ссора двух королей.
- 1 марта — Ричард встречается с Танкредом в Таормине.
- 30 марта — флот Филиппа Августа покидает Мессину. В тот же день туда прибывает Алиенора.
- 2 апреля — Алиенора покидает Мессину.
- 10 апреля — смерть Климента III. Избрание нового папы, Целестина III.
- 14 апреля — Генрих VI венчается короной короля римлян.
- 17 апреля — Ричард высаживается на Крите.
- 20 апреля — Филипп Август присоединяется к осаждающим Акру.
- 1 мая — Ричард покидает Крит.
- 9 мая — Ричард встречается с сеньорами Кипра.
- 11 мая — многие из самых знатных баронов Святой земли прибывают на Кипр, чтобы повидаться с Ричардом.
- 12 мая — бракосочетание Ричарда и Беренгеры Наваррской.
- 1 июня — Исаак Ангел попадает в плен к Ричарду.
- 5 июня — Ричард покидает Кипр.
- 7 июня — Ричард захватывает судно с 1500 сарацинами на борту, направлявшимися на помощь осажденной Акре.
- 8 июня — Ричард входит в бухту Святого Иоанна Акрского.

- Ок. 15 июня — 23 июня* — Ричард и Филипп Август обессилены болезнью, которую тогда называли «леонардией».
- 17 июня* — череда нападений войск султана на тылы франков.
- 3 июля* — нападение франков на Башню Проклятья в Акре.
- Ночь на 5 июля* — сорвавшийся прорыв мусульманского гарнизона из Акры.
- 5 июля* — воины Ричарда пробивают бреши в крепостных стенах Акры.
- 6 июля* — новый приступ франков, оказавшийся неудачным.
- 12 июля* — франки вошли в Акру.
- 20 июля* — встреча Ричарда с Филиппом Августом.
- 28 июля* — разбор притязаний претендентов на престол франкского королевства и признание пожизненного права на него за Ги Лузиньянским.
- 29 июля* — новая встреча двух королей.
- 31 июля* — Филипп Август отплывает в Тир.
- 9 августа* — герцог Бургундский прибывает в Тир.
- 20 августа* — казнь 2700 сарацинских пленников по приказу Ричарда.
- 22 августа* — отход войска франков к Хайфе.
- 7 сентября* — победа Ричарда над сарацинами при Арзуфе.
- 14 сентября* — Джеффри, архиепископ Йоркский, сходит на берег Англии.
- 8 ноября* — Ричард встречается с Малик эль-Адилем.
- 10 октября* — Филипп Август сходит на берег в Отранто.
- 15 ноября — 8 декабря* — заняты Латрун и Бейт-Нуба.
- 1192, 13 января* — отступничество герцога Бургундского под Иерусалимом.
- 2 апреля* — возвращение Уильяма Лонгчампа в Англию.
- 28 апреля* — Конрад Монферратский убит двумя ассасинами.
- 5 мая* — Генрих Шампанский женится на Изабелле, вдове Конрада, и становится новым королем Иерусалимским.
- Май* — утверждение Ги Лузиньянского на Кипре как короля острова.
- 17 мая* — Ричард организует осаду при Аскалоне.
- 20 июня* — Ричард захватывает караван, идущий из Египта.
- 4 июля* — крестоносцы возобновляют поход на Иерусалим.
- 26 июля* — нападение Саладина на Яффу.
- 1 августа* — Ричард поспешил на помощь Яффе.
- 5 августа* — поражение Саладина у Яффы.
- 2 сентября* — в Яффе заключен договор между Саладином и франками, предоставляющий христианам право на беспрепятственное паломничество к святым местам. Создание государства франков вдоль средиземноморского побережья от Тира до Яффы.
- 9 октября* — Ричард прибывает на Кипр.
- 21 декабря* — герцог Австрийский арестовывает Ричарда в Гинане, близ Вены. Генрих VI содержит пленника в Дюрнштайне, затем в Оксенфурте, потом в Трифельсе.
- 1193, февраль* — Англия узнает о пленении своего короля.
- 28 февраля* — смерть Саладина.
- Начало марта* — встреча Ричарда с Генрихом VI.
- 12 апреля* — Филипп Август вновь пытается овладеть Жизором.
- 30 мая* — Губерт (Хьюберт) Готье избран архиепископом Кентерберийским.

- 29 июня — договоренность между Ричардом и Генрихом VI об освобождении Ричарда после уплаты непомерно крупного выкупа.
- 1194, 14 августа — бракосочетание Филиппа Августа и Ингеборг Датской.
- январь — Алиенора в Кёльне.
- 2 февраля — освобождение Ричарда.
- 4 февраля — Ричард покидает Майнц.
- 13 марта — Ричард высаживается в Англии.
- 25 марта — Ричард появляется у Ноттингема, занятого людьми Иоанна Безземельного.
- 10 апреля — Ричард созывает Пасхальную ассамблею в Нортхемптоне.
- 17 апреля — вторая коронация Ричарда в Вестминстере.
- 12 мая — Ричард отправляется в Нормандию.
- 28 мая — Филипп Август перед прибытием Ричарда снимает осаду с Верней.
- 13 июня — Ричард отбивает замок в Лоше у воинов Филиппа Августа.
- 5 июля — при Фретевале Ричард обращает войско Филиппа Августа в бегство.
- 1 августа — заключено перемирие между двумя королями.
- 1195, июль — столкновения между французами и англичанами в Иссудуне.
- 8 ноября — в Верней заключено новое перемирие между двумя королями.
- 1196, январь — новое окончательное перемирие заключено в Лувье.
- Лето — Ричард начал строить крепость Шато-Гайяр.
- Октябрь — новый брак Иоанны Сицилийской — она выходит замуж за Раймона VI Тулузского в Руане.
- 1197, 15 апреля — взятие Ричардом Сен-Валери.
- 19 мая — Ричард пленил в Милли Филиппа де Дрё.
- Июль — родился будущий Раймон VII Тулузский.
- Сентябрь — смерть Генриха VI в Мессине.
- 1198, 11 марта — смерть Марии Шампанской.
- 10 июля — в Аахене появляется племянник Ричарда Оттон фон Брауншвейг.
- 28 сентября — падение лошади под Филиппом Августом после столкновения с английскими рыцарями у Жизора.
- 1199, январь — новая встреча Филиппа Августа с Ричардом у Вернона.
- 13 января — новое перемирие (на пять лет) между королями Англии и Франции.
- 25 марта — Ричард прибывает в Шалю.
- 26 марта — Ричард ранен стрелой, выпущенной из замка Шалю в Лимузене.
- 6 апреля — смерть Ричарда Львиное Сердце.
- 1200 — Иоанн Безземельный женится на Изабелле Ангулемской.
- 1203 — смерть Алиеноры Аквитанской.
- 1214 — битва при Бувине.
- 1216 — смерть Иоанна Безземельного.

БИБЛИОГРАФИЯ

ГЛАВНЫЕ ХРОНИКИ, ОПУБЛИКОВАННЫЕ В СЕРИИ «ROLL SERIES»

- Coggeshall Ralph de.* Chronicon Anglicanum, ed. J. Stevenson, 1875. (R.S. 66.)
Coventry Walter de. Memoriale Fratris Walteri de Coventria, ed. W. Stubbs, 2 vol., 1872—1873. (R.S. 58.)
Diceto Ralph de. Opera Historica, ed. W. Stubbs, 2 vol., 1876 (R.S. 68.)
Hoveden Roger de. Chronica Magistri Rogeri de Hovedene, ed. W. Stubbs, 4 vol., 1868—1871. (R.S. 51.)
Itinerarium Peregrinorum et Gesta Regis Picardi in vol 1 of Chronicles and Memorials of the Reign of Richard I, ed. W. Stubbs, 2 vol., 1864—1865. (R.S. 38.)
Matthew Paris. Chronica Majora, ed. H. R. Luard, 7 vol., 1872—1884. (R.S. 57.)
Newburgh William de. In: Chronicles of the Reigns of Stephen, Henry II and Richard I, ed. R. Howlett, 2 vol., 1884—1885. (R.S. 84.)
Peterborough Benedict de. Gesta Regis Henrici Secundi... the Chronicles of the Reigns of Henry II and Richard I, A.D. 1169—1192, ed. W. Stubbs, 2 vol., 1862. (R.S. 49.)

ИНЫЕ ХРОНИКИ

- Devizes Richard de.* Chronica, ed. R. Howlett (R.S. 82), Lnd., 1887.
Barri Giraud de. De principis instancione liber, ed. G. F. Warner (R.S. 21), 1891.
Récits d'un ménestrel de Reims, éd. Natalis de Wailly, Paris, 1876.
Ambroise. L'Etoire de la Guerre sainte, ed. G. Paris, Paris, 1897.
Anonyme. Le Livre de reis de Engleterre, ed. John Glover, Lnd., 1865.
Хроники эпохи Ричарда изучал Рето Беццолла; см. его блестящие критические исследования в кн.: Reto Bezzola, Les Origines et la formation de la littérature courtoise en Occident, 3^a partie, t. I, Paris, Champion, 1963. Cf. notamment pp. 207—227.
Заслуживает упоминания следующий источник: *Anonyme*’, La Vie de Guillaume le Maréchal, обнародованный Паулем Майером, который великопено издал в 1903 г. это сочинение, добавив к оригиналу свой перевод. В настоящей книге этот источник использован с оглядкой на замечательный труд Сидни Пейнтера: *Painter S.* William Marshal Knighterrant, baron and Regent of England, John Hopkins Press, 1933, reprints 1982. См. также статью: *Johnston R.C.* An Anglo-Norman Chronicle of the Crusade and Death of Richard I // Studies in Medieval French Presented to A. Ewert, Oxford, 1961.

ЛИТЕРАТУРА

Boussard J. Le Gouvernement d'Henri II Plantagenet, Lib. d'Argences, Paris, 1956.

Boussard J. Le Comté d'Anjou sous Henri Plantagenet et ses fils (1151 – 1204), Paris, Champion, 1938.

Broughton B. The Legends of King Richard I Cœur de Lion, A Study of Sources and Variations to the year 1600, La Haye-Paris, Mouton, 1966.

Gillingham J. Richard the Lion Heart, Lnd., 1976.

Kelly A. Eleanor of Aquitaine and the Four Kings, Lnd., 1952.

Norgate K. Richard the Lion Heart, Lnd., 1924.

Pernoud R. Aliénor d'Aquitaine, Paris, 1970.

Richard A. Histoire des comtes de Poitou, Paris, 1903, 2 vol. gd. in.

Наиболее полную библиографию относительно Крестовых походов приводит Джошуа Проуэр: *Prawer J.* Histoire du Royaume latin de Jérusalem, Paris, éd. du C.N.R.S., 1975, 2 vol in 4., t. I, pp. 22—85. Цитаты из труда Рене Груссе «История Крестовых походов и Иерусалимского королевства франков» [*Rene Grousset* 'Histoires des Croisades et du royaume franc de Jérusalem'] приводятся по переизданию 1981 г. Упомянем также труды: *Richard J.* Le Royaume latin de Jérusalem, P.U.F., 1953; *Gardini F.* Le Crociate tra il mito e la storia, Istituto di cultura Nova Civitas, 1971; и наши исследования: *Les Hommes de la croisade*, Fayard, 1982 и *Aliénor d'Aquitaine*, Albin Michel, 1965.

Наконец, укажем некоторые подробные исследования, могущие заинтересовать читателя:

Labande E.-R. Les filles d'Aliénor d'Aquitain // *Cahier de civilisation médiévale*, XXXIX № 1—2, janvier-juin 1986, pp. 101—112.

Saint-Léonard et le chemin de saint Jacques en Limousin XIe—XVIIIe siècles — каталог выставки, устроенной Центром исследований паломничества в Сантьяго-де-Компостела в 1985 г.

Saint-Léonard de Noblat au temps des Capétiens, X^e—XVe siècles M. Tandeau de Marsac.

О сирвентах (сатирических куртуазных поэмах) Ричарда Львиное Сердце см.: *Labareyre F.* La Cour littéraire du Dauphin d'Auvergne, Clermont-Ferrand, 1976.

О смерти Ричарда Львиное Сердце: *Arbellot F.* La vérité sur la mort de Richard Cœur de Lion // *Bulletin de la Société archéologie-histoire Limousin*, IV (1878), pp. 161, 260, 372—387.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. П. Левандовский. О Режин Перну и ее книге</i>	5
Предисловие	13
<i>Глава первая. Первые шаги льва</i>	17
<i>Глава вторая. Рыцарь и трубадур</i>	31
<i>Глава третья. «Да-и-Нет»</i>	43
<i>Глава четвертая. Граф Пуату и герцог Аквитании</i>	59
<i>Глава пятая. Король Англии</i>	71
<i>Глава шестая. Крестовый поход</i>	92
<i>Глава седьмая. Венценосный узник</i>	165
<i>Глава восьмая. Львиное Сердце</i>	195
<i>По ту сторону Истории: легенда</i>	214
Генеалогические таблицы	222
Хронология	224
Библиография	230

Перну Р.

П 27 Ричард Львиное Сердце / Режин Перну; науч. ред. А. П. Левандовский, В. Д. Балакин; вступ. ст. А. П. Левандовского; пер. с фр. А. Г. Кавтаскина. — М.: Молодая гвардия, 2009. — 232[8] с: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1183).

ISBN 978-5-235-03229-3

Жизнь знаменитого английского короля Ричарда I Львиное Сердце (1157—1199), героя Третьего крестового похода в Святую землю (1189—1192), подобна захватывающему рыцарскому роману, полному невероятных подвигов и удивительных приключений. О победах и поражениях, об изумительной отваге и беспримерном благородстве, впрочем, как и о других, менее привлекательных качествах короля-рыцаря, прозванного современниками «Ос et Non» («Да-и-Нет»), рассказывает в своей книге выдающаяся французская исследовательница и писательница Режин Перну.

УДК 94(100)(092)"653"
ББК 63.3(0)4

Режин Перну

РИЧАРД ЛЬВИНОЕ СЕРДЦЕ

Главный редактор **А. В. Петров**

Редактор **Е. В. Смирнова**

Художественный редактор **Н. С. Штефан**

Технический редактор **В. В. Пилкова**

Корректоры **Л. С. Барышникова, Л. М. Марченко**

Лицензия ЛР № 040224 от 02.06.97 г.

Сдано в набор 11.01.2009. Подписано в печать 24.04.2009. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс». Бумага офсетная № 1. Формат 84х108/32. Усл. печ. л. 12,6 + 1,68 вкл. Тираж 3000 экз. Заказ 93024

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127994, Москва, Сушевская ул., 21. Internet: <http://mg.gvardiya.ru>. E-mail: dse1@gvardiya.ru

Типография АО «Молодая гвардия». Адрес типографии: 127994, Москва, Сушевская ул., 21

ISBN 978-5-235-03229-3

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов отвечают книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Е. Глаголева

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОРОЛЕВСКИХ МУШКЕТЕРОВ**

В. Бокова

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ В XIX ВЕКЕ**

Ж. Эргон

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЭТРУСКОВ**

И. Курукин, Е. Никулина

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ**

Н. Будур

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
КОЛДУНОВ И ЗНАХАРЕЙ
В РОССИИ XVII-XIX ВЕКОВ**

Г. Андреевский

**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВЫ НА РУБЕЖЕ
XIX-XX ВЕКОВ**

Телефоны для оптовых покупателей:

8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64

<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

Что свидетельствует ныне о быте ушедших эпох? Как выглядели жившие в них люди? Как были одеты, причесаны, как развлекались и любили друг друга, чем украшали себя женщины, какие кушанья подавались к столу, что считалось приличным, а что возмутительным? На эти и множество подобных вопросов отвечают книги новой серии

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ:

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Уже изданы и готовятся к печати:

Д. Меекс, К. Фавар-Меекс
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЕГИПЕТСКИХ БОГОВ**

Ф. Данинос
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦРУ.
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
1947-2007**

Б. Григорьев
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ЦАРСКИХ ДИПЛОМАТОВ
В XIX ВЕКЕ**

М. Брион
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
ВЕНЫ ВО ВРЕМЕНА
МОЦАРТА И ШУБЕРТА**

Л. Ивченко
**ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ
РУССКОГО ОФИЦЕРА
ЭПОХИ 1812 ГОДА**

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>. dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Л. Сараскина
«СОЛЖЕНИЦЫН»

В. Коробов
«ШУКШИН»

О. Лекманов
«МАНДЕЛЬШТАМ»

Д. Быков
«БУЛАТ ОКУДЖАВА»

В. Сысоев
«АННА КЕРН»

К. Костантини
«ФЕДЕРИКО ФЕЛЛИНИ»

С. Федякин
«МУСОРГСКИЙ»

И. Вишневецкий
«ПРОКОФЬЕВ»

А. Махов
«КАРАВАДЖО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СТАРЕЙШАЯ РОССИЙСКАЯ КНИЖНАЯ СЕРИЯ

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Уже изданы и готовятся к печати:

Д. Володихин
«МИТРОПОЛИТ ФИЛИПП»

Н. Синицына
«МАКСИМ ГРЕК»

Д. Арно
«НАВУХОДОНОСОР II»

И. Князький
«КАЛИГУЛА»

Е. Морозова
«ШАРЛОТТА КОРДЕ»

А. Карпов
«КНЯГИНЯ ОЛЬГА»

Д. Олейников
«БЕНКЕНДОРФ»

Л. Млечин
«ШЕЛЕПИН»

В. Прибытков
«ЧЕРНЕНКО»

Телефоны для оптовых покупателей:
8(499) 978-21-59; 8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64
<http://mg.gvardiya.ru>, dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

Е. В. Морозова ШАРЛОТТА КОРДЕ

Жизнеописание Шарлотты Корде — это лишь маленькая часть истории Великой Французской революции, где политика, этика, мораль и чувства, сплетенные воедино, получили трагическую развязку. Шарлотта Корде, разделявшая взгляды жирондистов, считала лидера якобинцев Марата главным виновником разгоравшейся гражданской войны. Решив спасти Францию ценой собственной жизни, она проникла в дом к Марату и заколола его ножом. Однако последствия этого поступка оказались совершенно иными чем те, на которые она рассчитывала — террор в стране стал государственной политикой. Тем не менее Шарлотта Корде стала символом борьбы с тиранией и образцом гражданского мужества. Но можно ли считать убийство подвигом, даже если это убийство тирана? Судьба этой девушки вдохновляла многих драматургов, художников и поэтов, ибо поступок ее вызывал (и по-прежнему вызывает) вечный вопрос: в борьбе добра и зла где граница дозволенного?

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

СЕРИЯ «ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ»

ВЫШЛА В СВЕТ КНИГА:

И. О. Князький КАЛИГУЛА

Порочный, сумасбродный, непредсказуемый человек, бессмысленно жестокий тиран, кровавый деспот... Кажется, нет таких отрицательных качеств, которыми не обладал бы римский император Гай Цезарь Германик по прозвищу Калигула. Ни у античных, ни у современных историков не нашлось для него ни одного доброго слова. Даже свой, пожалуй, единственный дар — красноречие использовал Калигула в основном для того, чтобы оскорблять и унижать достойных людей. Тем не менее автор данной книги, доктор исторических наук, профессор И. О. Князький, не ставил себе целью описывать лишь непристойные забавы и кровавые расправы бездарного правителя, а постарался проследить историю того, как сын достойнейших римлян стал худшим из римских императоров.

Отзывы, творческие и коммерческие предложения
ждем по адресу:

127994, Москва, Сушевская ул., 21

Телефон: 8(495) 787-63-85 Факс: 8(499) 978-12-86

Телефоны для оптовых покупателей:

8(495) 787-63-75; 8(495) 787-63-64; 8(499) 978-21-59

При издательстве работает

книжный магазин:

8(499) 972-05-41; 8(495) 787-64-77

Адрес АО «Молодая гвардия» в Internet:

<http://mg.gvardiya.ru> dsel@gvardiya.ru

Всех любителей
гуманитарной литературы
приглашаем посетить
новый специализированный
магазин-салон

КНИЖНАЯ СЛОБОДА

открытый при издательстве «Молодая гвардия»

В продаже самый широкий ассортимент
биографических изданий,
книги по истории, философии, психологии
и другим отраслям гуманитарных знаний.

Наш адрес: ул. Новослободская, 14/19, строение 4.
Проезд до станций метро «Менделеевская» (в минуте ходьбы)
или «Новослободская».

Телефоны: 8(499) 972-05-41, 8(495) 787-64-77.
<http://mg.gvardiya.ru> E-mail: mol_gvard@mail.ru

ISBN 978-5-235-03229-3

9 785235 032293 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я